ВТОРАЯ

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛЕМИКА

ПО ВОПРОСАМЪ

ВАРЯГО-РУССКОМУ

И

БОЛГАРО-ГУННСКОМУ.

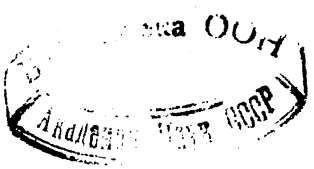
Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

МОСКВА
Типо-литографія „Русскаго Т-ва печатнаго и издательскаго дѣла".
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
1902.

„Пров 38“

DK
79

Дозволено цензурою. Москва, 27 іюля 1902 года.



117
37

Уже миновало тридцать лѣтъ, какъ началась моя борьба съ Норманской теоріей происхожденія Руси, двадцать восемь лѣтъ со времени моихъ изслѣдованій о народности Болгаръ и двадцать лѣтъ со времени моего „Пересмотра вопроса о Гуннахъ“. Если споръ не только не закончился, а наоборотъ число моихъ противниковъ, и безъ того большое, какъ бы еще увеличилось за послѣднее время, то для меня тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. При инертности и относительномъ равнодушіи къ даннымъ вопросамъ въ массѣ русской читающей публики легче, конечно, повторять старыя, хотя и отжившія, теоріи съ ихъ установившимися авторитетами и налаженными аргументами, чѣмъ безпристрастно, вдумчиво отнестись къ ихъ опроверженію и добросовѣстно разработать новую постановку вопросовъ. Мои убѣжденія основались на исторической связи всѣхъ явленій и на совокупности всѣхъ данныхъ; а такого оппонента, который бы взялъ эти важные и крупные вопросы во всей ихъ цѣлости и всѣ аргументы въ ихъ совокупности, я еще не встрѣчалъ. Это болѣе или менѣе несистематичныя и несвязныя возраженія на ту или другую сторону новой постановки, на ту или другую подробность; при чемъ нерѣдко повторяются старые аргументы голословно, т. е. игнорируются мои на нихъ опроверженія. Конечно, при такомъ порядкѣ вещей споръ можетъ длиться безъ конца. Но ничто не можетъ поколебать моей вѣры въ торжество исторической науки, какъ бы ни старались мои противники перенести данные вопросы на почву только филологическую.

Какова ихъ филологія, о томъ безпристрастный читатель, надѣюсь, достаточное понятіе получитъ и изъ предлагаемаго сборника, который составляетъ Второе дополненіе къ моимъ **Разысканіямъ о началѣ Руси**. Скажу только въ двухъ словахъ о сути этой филологіи. Противники требуютъ отъ меня невозможнаго, чтобы всѣ личныя имена и географическія названія я объяснилъ изъ славянскаго языка для доказательства славянства Руси, Болгаръ и Гунновъ, когда вообще для подобныхъ объясненій еще ненайдено критерія. Нѣкоторыя имена и названія очевидно славянскія, другія туго поддаются объясненію, хотя и употреблялись Славянами, третьи совсѣмъ пока необъяснимы. И если я предлагаю иногда гадательныя или примѣрныя толкованія, съ которыми мои антагонисты несогласны, то сами то они обыкновенно представляютъ этимологическія объясненія еще болѣе гадательныя, искусственныя и неудачныя; причемъ для Русскихъ именъ и названій прибѣгаютъ ко всѣмъ скандинавскимъ и германскимъ нарѣчіямъ, для Болгарскихъ и Гунскихъ ко всѣмъ финскимъ, татарскимъ и монгольскимъ языкамъ. Такимъ образомъ филологическая сторона вопросовъ у нихъ пока самая произвольная и ненаучная, а историческая сторона вся противъ нихъ. Напримѣръ, я прямо выставляю историческій законъ, а именно *физическую невозможность превращенія (и при томъ скораго) народности и языка сильнаго племени завоевателей въ народность и языкъ слабаго и мало культурнаго племени покоренныхъ*. Исторія такимъ превращеніямъ не представляетъ ни одного примѣра. Чѣмъ же отвѣчаютъ на это мои противники? Ничѣмъ. Они просто обходятъ этотъ вопросъ или точнѣе этотъ закопъ молчаніемъ.

I.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Архимандрита Леонида „Откуда была родомъ св. княгиня Ольга“. *Ѳ. И. Успенскаго* „Русь и Византія въ X вѣкѣ“. *В. Г. Васильевскаго* „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“. *И. И. Малышевскаго* „Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“. *М. Н. Петрова* „Исторія среднихъ вѣковъ“, въ обработкѣ *В. К. Надлера*. *Н. А. Осокина* „Исторія среднихъ вѣковъ“.

Въ іюлѣ 1888 года въ Кіевѣ праздновалось девятисотлѣтіе крещенія Руси. Хотя я и былъ на сторонѣ тѣхъ изслѣдователей, которые не совсѣмъ согласны съ общепринятою хронологіей въ данномъ случаѣ, и хотя доказывалъ, что крещеніе кіевлянъ происходило никакъ не ранѣе 989 года (см. замѣтку въ „Рус. Стар.“ 1888 г., апрѣль), однако совершившееся празднованіе имѣло за себя полное основаніе. Во всякомъ случаѣ походъ Владиміра на Корсунь, послуживший началомъ столь важныхъ событій, несомнѣнно былъ предпринятъ въ 988 году. Оставляя въ сторонѣ этотъ собственно хронологическій вопросъ, я въ настоящихъ своихъ замѣткахъ желаю прежде всего воспользоваться новымъ толчкомъ, который данъ былъ общему вопросу о происхожденіи русской національности, такъ какъ онъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о началѣ русскаго христіанства. Мнѣ, какъ автору *Розысканій о началѣ Руси*, весьма любопытно было слѣдить за тѣмъ, насколько предложенная этими „Розысканіями“ постановка вопроса отразилась или не отразилась въ многочисленныхъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ, вызванныхъ означеннымъ девятистолѣтіемъ.

Общее впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія этой случайной (т.-е. возникшей по извѣстному поводу) литературы, указываетъ на

*) Русскій Вѣстникъ. 1888. Декабрь.

очевидную переходную ступень отъ безусловнаго повторенія старыхъ лѣтописныхъ басенъ и досужихъ домысловъ къ новымъ историко-критическимъ выводамъ. Подобный переходъ, конечно, исполненъ разнаго рода недоумѣніями, явными противорѣчіями и натяжками; тѣмъ не менѣе онъ важенъ какъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи русской исторической науки.

Не буду останавливаться на менѣе извѣстныхъ авторахъ, принявшихъ участіе въ данной литературѣ. Укажу наиболѣе заслуженныхъ тружениковъ науки.

Передъ нами любопытная статья извѣстнаго своими почтенными трудами въ области русскихъ древностей архимандрита Леонида: *Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга?* („Рус. Стар.“ 1888 г., іюль). Достоуважаемый авторъ ея нашелъ въ одномъ историческомъ сборникѣ XV вѣка, въ отрывкѣ изъ древняго лѣтописца, извѣстіе о томъ, что супруга Игоря Ольга была родомъ болгарская княжна—извѣстіе, довольно достовѣрное и опровергающее лѣтописную легенду о ея простомъ происхожденіи изъ окрестностей Пскова. Авторъ заключаетъ, что она дѣйствительно могла быть изъ города *Плескова*, но только болгарскаго, а не русскаго, который, вѣроятно, она же и основала въ память своей родины. Народная же легенда смѣшала этотъ городъ съ болгарскимъ, перенесла на него мѣсто ольгиной родины, указала на хранившіяся тамъ ея сани, и, прибавивъ домыселъ о ея простомъ происхожденіи, въ такомъ видѣ перешла въ позднѣйшіе лѣтописные своды и житія. Далѣе, отецъ Леонидъ, вслѣдъ за покойнымъ кн. М. Оболенскимъ, отождествляетъ священника Григорія, спутника Ольги въ Константинополь, съ болгарскимъ пресвитеромъ монахомъ Григоріемъ, сотрудникомъ болгарскаго царя Симеона, переводчикомъ греческихъ хроникъ Георгія Амартола и Іоанна Малалы. Въ особенности заслуживаетъ вниманія указаніе автора на связь болгарскихъ притязаній и походовъ Святослава съ болгарскимъ происхожденіемъ его матери Ольги. Дѣйствительно, это указаніе способно пролить не мало свѣту на русскія отношенія и событія того времени.

Итакъ, мы получаемъ новое и притомъ вѣское свидѣтельство, подтверждающее древнѣйшія связи русскаго племени отнюдь не съ сѣверомъ, не съ Скандинавіей, а съ югомъ, съ странами, прилегавшими къ Черному морю. Достоуважаемый отецъ архиман-

дритъ, хотя при семъ и не касается выдвинутаго мною вопроса о южномъ, а не сѣверномъ происхожденіи русскаго племени, однако въ концѣ своей статьи, въ примѣчаніи, если не прямо, то косвенно какъ бы связываетъ это происхожденіе съ норманской теоріей. Предполагая *по всѣмъ соображеніямъ*, что ключница Ольги Малуша (мать Владиміра Великаго) была болгарка, онъ прибавляетъ: „Да и Ольга, *вѣроятно*, до замужества носила какое-либо славянское имя, а Ольгою названа, *какъ полагаютъ*, въ честь Олега, сродича и опекуна ея мужа Игоря?“ Слѣдовательно, авторъ склоненъ думать, что *Олегъ* и *Ольга* суть имена скандинавскія, тогда какъ это имена чисто русскія, т.-е. славянскія, и Ольгѣ до замужества не было никакой нужды носить другое, славянское имя. Къ статьѣ приложенъ самый текстъ лѣтописнаго отрывка. И этотъ текстъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ уже приведенныя мною указанія разныхъ источниковъ на то, что въ первоначальной лѣтописной редакціи говорилось не о призваніи варяговъ-руси разными племенами, а о призваніи варяговъ *Русью* и другими племенами. А именно: „Въ лѣто 63 (862) пріидоша русь, словены, чудь, лопь, кривичи къ варягамъ и спросиша себѣ у нихъ властелей“ и т. д. Слово *Лопь*, какъ и нѣкоторыя другія выраженія (напр. *Деревскую землю*, *реките Литву*) свидѣтельствуетъ объ искаженіяхъ, которымъ подверглась данная лѣтопись; но ея начальныя слова суть несомнѣнные слѣды первой, еще неиспорченной редакціи: стоитъ только сравнить ихъ съ тѣми лѣтописными текстами, которые указаны въ моихъ „Розысканіяхъ“ о началѣ Руси (стр. 109—112, 465, 496).

Что же касается до Малуши, то едва-ли можно считать ее болгаркой. По лѣтописямъ извѣстно, что она была сестра Добрыни, дочь Малка Любечанина. *Малуша* есть женское ласкательное отъ имени отца *Малко*; сіе послѣднее есть уменьшительное отъ *Малъ*; а что имя Малъ существовало у русскихъ славянъ, о томъ свидѣтельствуетъ извѣстный древлянскій князь *).

*) Въ своихъ „Розыск. о нач. Р.“ стр. 357, я предложилъ догадку,— что имя этой самой Малуши потомъ ради почета, могло быть передѣлано въ *Малфредь*, о кончинѣ которой русская лѣтопись упоминаетъ подъ 1100 годомъ. Догадка моя, надѣюсь, оправдалась. У Татищева по Академическому списку упоминается о томъ, что „Малфредь, мати Святославля (Владиміра) была чехиня“. (Сенигова изслѣд. объ исторіи Тати-

Перейду теперь къ разсужденію профессора Ѳ. И. Успенскаго, нашего извѣстнаго византиниста, озаглавленному „Русь и Византія въ X вѣкѣ“.—„Рѣчь, произнесенная 11 мая 1888 года въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси“ (Одесса 1888).

Прежде всего надобно отдать справедливость автору въ томъ, что онъ прямо обращается къ вопросу о происхожденіи Руси и откровенно заявляетъ, что обойти этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ невозможно. Затѣмъ онъ очерчиваетъ настоящее положеніе этого вопроса въ наукѣ, т.-е. взаимныя отношенія двухъ противоположныхъ теорій. Но дѣло въ томъ, какъ очерчиваетъ? При какихъ исходныхъ точкахъ зрѣнія? „Еслибы вы спросили меня теперь,—говоритъ Ѳ. И. Успенскій—къ которой школѣ самъ я присоединился бы охотнѣй, я бы отвѣтилъ: къ норманской, хотя не безъ сожалѣнія. На сторону норманской школы обязываетъ стать разсудокъ и логика сохранившихся текстовъ; но къ противоположной школѣ влечетъ чувство и опасеніе пожертвовать живой дѣйствительностью, наблюдаемой въ жизни и дѣятельности Руси X вѣка“. Эти слова указываютъ на нѣкоторое раздвоеніе или колебаніе, на ту переходную ступень отъ старой или норманской теоріи къ новой, славянской, о которой я сказалъ выше Сила историческихъ фактовъ влечетъ автора къ послѣдней, а логика текстовъ удерживаетъ его на первой. На сторонѣ славянской теоріи чувство, на сторонѣ норманской разсудокъ. Это было бы прекрасно, еслибы такое раздвоеніе въ научныхъ вопросахъ могло быть нормально. Лично подобнаго раздвоенія я не признаю; оно можетъ корениться только въ недостаткѣ прямой, безпристрастной, всесторонней критики. Я самъ безусловно слѣдовалъ норманской системѣ, пока не занялся спеціально этимъ вопросомъ; а на такія спеціальныя занятія натолкнули меня недоумѣнія и противорѣчія ея съ фактами, невольно бросавшіяся въ глаза при сколько-нибудь подробномъ разсмотрѣніи нашей печальной исторіи. Когда же я подвергъ господствовавшую систему критическому анализу, то и при-

щева въ Чт О. И. и Др. 1887. Кн. 4). Слѣдовательно, чтобы увеличить ея почетъ потомъ дали ей *иноземное* происхожденіе. Вотъ какъ нашъ княжескій родъ гнался тогда за иноземнымъ происхожденіемъ! Мать Святослава была Ольга, и тутъ явная ошибка.

шелъ къ ея рѣшительному отрицанію. А когда я убѣдился, что Русь туземное славянское племя, которое само основало свое могучее государственное зданіе, тогда дѣйствительно я вооружился, насколько могъ, противъ той вопіющей и вредной для нашего самопознанія клеветы на русскій народъ, которая извѣстна подъ скромнымъ именемъ „норманской системы“. Но еслибы критика текстовъ и фактовъ вполнѣ подтвердила ея справедливость, то для историка истина прежде всего; чувство тутъ не при чемъ, какъ не при чемъ наше скорбное чувство при воспоминаніи о татарскомъ игѣ, ибо это иго—историческій фактъ. Совсѣмъ другое дѣло норманская система, которая даетъ не факты, а домыслы, возникшіе изъ ряда ошибокъ и недоразумѣній. Самое разсужденіе достоуважаемаго Ѳ. И. Успенскаго служитъ тому яснымъ доказательствомъ.

Хотя онъ и колеблется въ своихъ окончательныхъ выводахъ, однако, согласно его признанію, остается пока норманистомъ и относится къ текстамъ источниковъ съ норманской точки зрѣнія. Отсюда и „логика текстовъ“ получается у него въ смыслѣ норманской системы, съ обычными ея пріемами. Главную точку отправленія составляетъ для него извѣстное мѣсто лѣтописи: „И идоша за море къ варягамъ къ русп“ и т. д. Что̀ это—легенда или историческій фактъ?—спрашиваетъ онъ. Но тутъ вопросъ ставится не точно, и авторъ явно уклоняется отъ настоящей постановки вопроса; а на нее мы только-что указывали. Эта постановка (предложенная мною въ „Розысканіяхъ“) заключается въ томъ, что самый текстъ въ данномъ случаѣ есть не первоначальный, сохранившійся въ чистотѣ, а искаженный позднѣйшей редакціей. Въ настоящее время, по моему крайнему разумѣнію, для безпристрастнаго ученаго нѣтъ никакой возможности отстаивать искаженный текстъ и выдавать его за истинный, первоначальный. Цѣлый рядъ источниковъ убѣждаетъ насъ, что въ первоначальномъ текстѣ лѣтописи послы отправляются *не къ варягамъ къ руси*, а отправляетъ пословъ *русь къ варягамъ*. Если достоуважаемый профессоръ игнорируетъ мои указанія въ этомъ смыслѣ, то рекомендую его вниманію только-что вышедшій въ свѣтъ второй томъ любопытнаго сочиненія варшавскаго профессора-слависта О. О. Первольфа: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“. Тамъ, на стр. 432 и слѣд., онъ также найдетъ сводъ текстовъ, ясно обнаруживающихъ, что начальная

русская лѣтопись не смѣшивала русь съ варягами. Въ этомъ-то смѣшеніи и заключается корень варяго-русскаго вопроса, а не въ самой легендѣ о призваніи варяжскихъ князей. Легенда эта первоначально имѣла характеръ чисто династическій, а не этнографическій, каковой получила вслѣдствіе искаженія текста.

Игнорируя этотъ первоначальный текстъ, авторъ естественно дѣлаетъ такое положеніе, будто бы „наши предки до образованія государства не называли себя русью, а имѣли племенныя имена: новгородцы, поляне, кривичи, древляне“ (6). Опроверженіе заключается въ той же лѣтописи, по которой именно поляне инача назывались русью. А по извѣстію византійцевъ наши предки иначе и не называли себя какъ русь (или рось). Извѣстную дань норманизму авторъ платитъ и въ отношеніи къ свидѣтельствамъ Фотія и Константина Багрянороднаго. Будто бы изъ ихъ словъ нельзя понять, о какой руси они говорятъ: славянской или скандинавской? Напротивъ, приводимые авторомъ тексты этихъ свидѣтельствъ ясно трактуютъ русь какъ народъ туземный, *кіевскій* и, слѣдовательно, отнюдь не пришедшій изъ Скандинавіи. Далѣе Ѳ. И. Успенскій къ прежнимъ доказательствамъ туземства руси самъ прибавляетъ новыя. Кромѣ отрывка изъ Іоанна Геометра, называющаго русь скиѳами, онъ приводитъ двѣ византійскія загадки на слово *рось* (изъ бумагъ Газе въ Париж. Національ. Библіотекѣ), въ которыхъ этимъ словомъ означается *гордое языческое племя* или *варваръ скиѳъ*. „*Итакъ*—заключаетъ онъ, —*варваръ, скиѳъ и русскій народъ въ представленіи византійцевъ X в. суть равнозначащіе термины*“ (11). А на слѣдующей страницѣ опять запутываетъ вопросъ, говоря, что „въ русской лѣтописи двойникъ русп—варяги, въ византійской—скиѳы“. Причемъ, не замѣчая того, сопоставляетъ византійскія извѣстія IX и X вѣковъ (современныя мнимому призванію небывалыхъ варягоруссовъ) съ тою искаженной лѣтописной редакціей, которая по всѣмъ признакамъ появилась у насъ не ранѣе XIII вѣка. Понятно, что подобная логика текстовъ никакъ не можетъ замѣнить научной ихъ критики, и потому едва-ли въ этомъ случаѣ правъ разсудокъ, обязывающій стать на сторону норманской школы. Зато, когда авторъ даннаго разсужденія переходитъ на почву историческихъ фактовъ X столѣтія, то онъ вездѣ находитъ ясныя указанія, что Русь была

сильный туземный народъ, самъ основавшій свое государство, и не въ 862 году, а гораздо ранѣе. Таковы его выводы изъ разсмотрѣнія русскихъ торговыхъ сношеній съ сосѣдями, договоровъ съ греками, морскихъ и сухопутныхъ походовъ руси, широкаго распространенія русскаго элемента въ странахъ прикарпатскихъ, приазовскихъ и черноморскихъ.

Вообще нельзя не поблагодарить Ѳ. И. Успенскаго за его интересную рѣчь, въ которой сказывается многосвѣдущій, талантливый и до нѣкоторой степени безпристрастный изслѣдователь.

Затѣмъ обращу вниманіе читателей на любопытное изслѣдованіе проф. В. Г. Васильевскаго о „Древней торговлѣ Кіева съ Регенсбургомъ“ (журн. М. Нар. Пр. 1888 г., іюль), которое раскрываетъ передъ нами еще одну страницу изъ начальной исторіи Руси. Общій выводъ его тотъ, что въ IX и X вѣкахъ между кіевскою русью и подунайскими баварскими городами шла довольно оживленная торговля; при чемъ изъ Руси привозились преимущественно воскъ, рабы, лошади и мѣха. Этотъ выводъ, извлеченный главнымъ образомъ изъ Рафельштетенскаго таможеннаго устава, начала X вѣка (гдѣ руссы называются *ругами*), подтверждается также показаніями еврейскаго путешественника Ибрагима Ибнъ Якуба, который *около 865 года* писалъ о приходѣ русскихъ торговцевъ съ товарами черезъ польскій Краковъ въ чешскую Прагу. Подобныя торговыя сношенія начались, конечно, не въ то время, къ которому относится это извѣстіе, а существовали уже прежде. Отсюда ясно, кажется, слѣдуетъ, что кіевская русь также существовала давнымъ давно и никоимъ образомъ не могла быть народомъ, пришедшимъ изъ Скандинавіи въ 862—65 г.г. Однако почтенный авторъ воздерживается отъ сего неизбѣжнаго, окончательнаго вывода. А судя по его другому цѣнному произведенію, помѣщенному въ сентябрской книжкѣ Журн. М. Н. Пр. („Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи“, гдѣ на стр. 122 предлагается сомнительное чтеніе *Струкунъ*, вмѣсто *Струвунъ*, одного изъ днѣпровскихъ пороговъ), онъ по-прежнему вѣритъ въ мнимое призваніе никогда небывалаго народа варягоруссовъ.

Что же касается до народности древнихъ руговъ, обитателей Ругиланда, то я полагаю, что ихъ полная принадлежность герман-

скому или собственно готскому племени едва-ли есть рѣшенный вопросъ. Извѣстно, какую путаницу представляютъ средневѣковые писатели временъ переселенія народовъ по отношенію къ многочисленнымъ народнымъ именамъ и племеннымъ связямъ. Напримѣръ, по словамъ Прокопія, аланы тоже „готскій народъ“ (De bel. Vand. I 3); что, какъ мы знаемъ, не подтверждается фактически. Одоакровы наемныя войска, состоявшія изъ руговъ, геруловъ и скировъ, повидимому, находились не въ одной политической, но и въ племенной враждѣ съ остготами Теодориха Великаго, смѣнившими ихъ господство въ Италіи. Отношенія остготовъ къ ругамъ и скирамъ на Дунаѣ тоже указываютъ на племенную вражду. Придунайскій Ругиландъ географически лежалъ не далеко отъ позднѣйшей Угорской Руси, происхожденіе которой мы доселѣ не можемъ опредѣлить. Группа народовъ, напавшихъ въ началѣ V вѣка на Испанію, каковы вандалы, аланы, свевы, также едва-ли состояла большею частію изъ чистыхъ германцевъ. Эти народы были потомъ вытѣснены или покорены визиготами. Объ аланахъ не можетъ быть и спора. Но и вандалы, сдается мнѣ, подобно ругамъ, скирамъ и геруламъ, не были чисто германскимъ племенемъ, а скорѣе смѣшаннымъ германо-славянскимъ. Названіе вандалы (а также вандилы, виндилы), очевидно, по корню родственно названію венды. Извѣстно, что вандалы дѣлились на два главные рода: аздинги и силинги. Послѣднее имя сильно напоминаетъ Силезію и силезянъ; да и вандалы вышли изъ страны силг не тождественной, то близкой къ Силезіи. (Гельмольдъ балтійскихъ винуловъ или вандаловъ прямо причисляетъ къ славянамъ. Chron. Slav. Lib. I. C. I). Также и названіе свевы, по нѣкоторымъ даннымъ, обнимало не одно только германское племя (швабовъ), а относилось иногда и къ славянамъ. Во всякомъ случаѣ у германцевъ и славянъ встрѣчаются общія (особенно по корню) племенныя названія. Кромѣ руговъ или руссовъ, силинговъ и силезцевъ, вандаловъ и вендовъ, напомню еще германскихъ бургундовъ и гуннскихъ бургундовъ, нѣмецкихъ англовъ и болгаро-русскихъ онгловъ или угличей. Не предрѣшая вопроса о народности руговъ, вандаловъ и пр., пользуюсь только случаемъ поставить и этотъ вопросъ на видъ русскимъ изслѣдователямъ, по поводу вышеназваннаго труда В. Г. Васильевскаго.

Начало русскаго христіанства находится въ тѣсной связи съ началомъ славянской церкви вообще, а слѣдовательно и съ дѣятельностью св. первоучителей Кирилла и Меѳодія. Въ 1885 году исполнилось тысячелѣтіе съ кончины моравскаго архіепископа Меѳодія; это тысячелѣтіе, въ свою очередь, оживило вопросы о древнемъ славянствѣ и вызвало цѣлый рядъ изслѣдованій и разсужденій, посвященныхъ памяти первоучителей. Въ то время *я* также отозвался на эти произведенія, по крайней мѣрѣ на тѣ, которыя наиболѣе заслуживали вниманія. (См. „Рус. Старину“ 1885 г. ноябрь). Въ слѣдующемъ 1886 году вышло посвященное тому же предмету новое изслѣдованіе извѣстнаго ученаго и профессора Кіевской Духовной Академіи И. И. Малышевскаго, подъ заглавіемъ „Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“. Это весьма обстоятельное изслѣдованіе отличается многими научными достоинствами и тщательною обработкою разныхъ подробностей. Но, къ сожалѣнію, не вездѣ можно согласиться съ критическими пріемами автора. Остановлюсь только на одномъ спорномъ пунктѣ, который въ своихъ *Розысканіяхъ* я подвергалъ также критическому анализу. Разумѣю извѣстное мѣсто паннонскаго житія Константина-Кирилла, гдѣ говорится, что во время своей миссіи въ Хазарію онъ нашелъ въ Корсуни „евангеліе и псалтырь, писанныя *русскими письменами*“—мѣсто первостепенной важности для рѣшенія вопросовъ о первыхъ славянскихъ переводахъ св. Писанія и о церковно-славянскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о народности руси и болгаръ. Какъ же авторъ относится къ такому важнѣйшему пункту? „Это загадочное мѣсто,—говоритъ онъ,—служило и доселѣ служитъ предметомъ многихъ споровъ въ наукѣ, перебирать которые не буду. Ограничимся изложеніемъ нашего взгляда на дѣло или, точнѣе, того изъ существующихъ мнѣній объ этомъ предметѣ, которое считаемъ наиболѣе основательнымъ“ (стр. 46). Послѣ чего рядомъ самыхъ произвольныхъ домысловъ авторъ приходитъ къ тому заключенію, что подъ русскими письменами тутъ разумѣются письмена *готскія*. Онъ говоритъ, что къ этому заключенію идетъ отъ такихъ *историческихъ фактовъ*, какъ существованіе таврическихъ готовъ, а также „существованіе священныхъ книгъ и богослуженія на готскомъ языкѣ“ (стр. 46—51). Но что это за аргументы? Готы дѣйствительно существовали въ Крыму;

но рядомъ съ ними существовали гунно-болгары, также по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ; а въ прибосфорскомъ краѣ также несомнѣнныя историческія свидѣтельства указываютъ на существованіе народа роксоланъ (или просто рось). Готскій переводъ св. Писанія существовалъ самъ по себѣ, а славянскіе переводы или, по крайней мѣрѣ, начатки этихъ переводовъ могли уже тогда существовать сами по себѣ. Другимъ исходнымъ историческимъ фактомъ для нашего автора въ данномъ случаѣ служитъ племенное родство скандинавовъ съ готами; а такъ какъ русь, по его мнѣнію, была скандинавское племя, то и выходитъ, что готскій переводъ св. Писанія могъ быть названъ и русскимъ. Мы только-что указали на новое подтвержденіе той мысли, что русь и варяги были два разные народа, а г. Малышевскій скандинаво-варяжское происхожденіе русскаго народа все еще считаетъ фактомъ *неопровержимымъ*. Далѣе, такъ какъ извѣстіе Житія о руси относится къ эпохѣ мнимаго пришествія въ Новгородъ и Кіевъ изъ Скандинавіи небывалыхъ варягоруссовъ, то г. авторъ прибѣгаетъ къ произвольнымъ предположеніямъ о пришествіи руси изъ Скандинавіи еще раньше этого времени и притомъ прямо на берега Азовскаго моря. Наконецъ, Константинъ у него не случайно „обрѣлъ“ готское евангеліе и человѣка, говорившаго по-готски, а самъ искалъ ихъ, потому что зналъ „изъ Златоуста“ о готскомъ переводѣ и богослуженіи и хотѣлъ „воспользоваться ими для цѣлей своего призванія“ (50). Получается такимъ образомъ порядочная путаница идей и явное противорѣчіе съ тѣмъ самымъ паннонскимъ Житіемъ, достовѣрность котораго авторъ такъ усердно старается утвердить. Въ Житіи кромѣ русскихъ письменъ ясно упоминаются и готы въ ряду народовъ, получившихъ св. Писаніе на своемъ языкѣ; слѣдовательно Житіе не смѣшиваетъ, а прямо различаетъ письмена готскія и русскія. На знакомство Константина съ готскимъ письмомъ и съ готскимъ языкомъ Житіе не дѣлаетъ и малѣйшаго намека; никакихъ его отношеній къ готамъ въ Житіи не указано, и для какихъ именно „цѣлей призванія“ понадобились Константину эти письмо и языкъ,—авторъ умалчиваетъ. Вотъ, что значитъ не подвергнуть такіе важные вопросы основательному, самостоятельному изслѣдованію, а положиться на мнѣнія г. Голубинскаго, изложенныя въ его „Исторіи Русской Церкви“.

Нѣсколько ниже въ своей книгѣ И. И. Малышевскій возвращается къ тому же предмету; при чемъ идетъ еще далѣе въ своихъ домыслахъ: „Можно *предполагать*, что они (варягоруссы) на нѣкоторое время и поддержали этотъ языкъ, и что въ тѣхъ варяжскихъ (?) церквахъ св. Иліи константинопольской и кіевской, которыя упоминаются въ договорѣ Игоря, было именно богослуженіе готское“ (115). Но если кіевская русь временъ Олега и Игоря пользовалась готскими письменами и готскимъ богослужебнымъ языкомъ, почему же ихъ договоры съ греками оказались написанными по-славянски, о готскомъ же письменномъ языкѣ въ нашихъ источникахъ не сохранилось никакого намека, и какъ это совсѣмъ незамѣтно для исторіи готскій языкъ потомъ перешелъ въ церковнославянскій въ русскомъ богослуженіи? Такимъ образомъ повторяется невозможное мнѣніе г. Голубинскаго, по которому выходитъ, что варяги, въ то время уже латино-католики, ввели въ Россіи греческое православіе, съ прибавленіемъ богослуженія на готскомъ языкѣ, по переводу Ульфилы. Къ подобнымъ невозможнымъ выводамъ приводятъ якобы такіе *неопровержимые (?)* факты какъ неславянство руссовъ и болгаръ (117). Вслѣдствіе такихъ невѣрныхъ точекъ отправленія и вообще весь вопросъ о языкѣ славянскихъ переводовъ не только не выясняется, а запутывается еще болѣе.

Повторяю однако, что изслѣдованіе достоуважаемаго автора тамъ, гдѣ дѣло не касается его безусловной вѣры въ теоріи норманизма и туранизма, является вполнѣ научною и весьма добросовѣстною работою. То же самое мы и прежде замѣчали относительно тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые, слѣпо подчиняясь названнымъ теоріямъ, отказываются отъ самостоятельнаго и тщательнаго ихъ анализа.

Если—какъ мы видимъ изъ послѣдняго примѣра—въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ славянству, такъ слабо изученіе важнѣйшихъ, относящихся къ нему вопросовъ, то чего же можно ожидать у насъ для этихъ вопросовъ отъ общихъ историческихъ курсовъ? И дѣйствительно, эти курсы страдаютъ большею частью поверхностнымъ къ нимъ отношеніемъ и голословнымъ повтореніемъ чужихъ, по преимуществу нѣмецкихъ, мнѣній.

Передъ нами недавно появившійся въ печати университетскій

курсъ по средневѣковой исторіи харьковскаго профессора М. Н. Петрова. „Лекціи по всемірной исторіи“ Петрова являются посмертнымъ изданіемъ, въ обработкѣ его учениковъ приватъ-доцентовъ А. Н. Деревицкаго (Древняя Исторія), В. П. Бузескула (часть Новой Исторіи) и его коллеги профессора В. К. Надлера (Средняя Исторія). На сей разъ мы остановимся только на Средней Исторіи. Въ предисловіи къ ней г. Надлеръ сообщаетъ намъ, что „здѣсь покойный лекторъ въ полномъ смыслѣ слова даетъ non multa, sed multum, мастерски уясняетъ общій ходъ историческаго прогресса, господствуетъ надъ фактами и подробностями, но не подчиняется имъ, не увлекается ими“. И далѣе: „Исторія славянскаго міра, отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ громадномъ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ и общихъ сочиненій по этому отдѣлу всемірной исторіи, стоитъ у М. Н. Петрова на первомъ планѣ, излагается даже съ большею подробностью, нежели исторія западнаго романо-германскаго міра, и, что самое главное, не стоитъ особнякомъ какъ бы приставленная съ боку“. „Изъ книги Петрова всякій читатель вынесетъ самое ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемірно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основу исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. И въ этомъ отношеніи покойный профессоръ въ общемъ и цѣломъ стоялъ на высотѣ современной науки“ и т. д. Естественно, подобное предисловіе возбуждаетъ въ читателѣ большія ожиданія, и онъ заранѣе разсчитываетъ вслѣдъ за авторомъ подняться на высоту современной науки. Но, увы! разочарованіе наступаетъ быстрое и тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ живѣе были возбужденныя ожиданія. Оказывается, что коллега оказалъ медвѣжью услугу покойному автору, а вмѣстѣ и самому себѣ, какъ его сотруднику.

Естественно читатель, сколько-нибудь понимающій историческую суть, прежде всего спѣшитъ просмотрѣть, какъ „Исторія среднихъ вѣковъ“ излагаетъ великое переселеніе народовъ, т.-е. какое при семъ мѣсто она отводитъ славянамъ, которыхъ нѣмецкіе историки обыкновенно въ этомъ отдѣлѣ игнорируютъ. Читаете и находите, что славянамъ тутъ никакого мѣста не отводится; да и весь трактатъ о великомъ переселеніи скомканъ на двухъ или трехъ

страничкахъ; при чемъ о главномъ факторѣ этого движенія — о гуннахъ и ихъ народности — ни слова, а говорится собственно о „способѣ германскихъ завоеваній“ (12—14). Затѣмъ идетъ обычный, можно сказать, стереотипный очеркъ романо-германскаго міра. Въ отдѣлѣ же Византійской Имперіи мимоходомъ упоминается и о славянахъ. Такъ, бо̀льшая устойчивость Восточной Римской Имперіи сравнительно съ Западной по-старому объясняется не силою государственной централизаціи (правительственная система Юстиніана В., по нѣмецкому рецепту, подвергается порицанію), а только крѣпкимъ положеніемъ столицы, превосходной военной организаціей, ловкой политикой и тѣмъ, „что главные враги, съ которыми Византіи пришлось имѣть дѣло—славяне хотя и не уступали германцамъ въ свирѣпой воинственности, но были *менѣе ихъ способны къ завоеванію и основанію прочныхъ государствъ*“ (72). Но на слѣдующихъ страницахъ неоднократно говорится о широкихъ завоеваніяхъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; слѣдовательно къ завоеваніямъ они какъ-будто были способны. А что они были способны и къ основанію государствъ, это они ясно доказали фактически, т.-е. цѣлымъ ихъ рядомъ, каковы: Болгарское, Сербское, Хорватское, Моравское, Чешское, Польское и Русское — всего семь болѣе или менѣе крупныхъ, да нѣсколько мелкихъ, напримѣръ, у славянъ балтійскихъ). Но, разумѣется, благодаря старымъ и новымъ домысламъ, болѣе половины крупныхъ государствъ является основанною не самими славянами, а какими-то иноплеменниками. Какъ авторъ, такъ и его посмертный сотрудникъ широко пользуются этими домыслами, чтобы сколько-нибудь подтвердить свою мысль о неспособности славянъ къ государственной организаціи.

Обратимся къ спеціальному отдѣлу книги о славянахъ (стр. 82 и слѣд.).

Авторъ или точнѣе авторы держатся взгляда старыхъ, собственно австрійскихъ, славистовъ—взгляда въ сущности ни на чемъ серьезномъ неоснованнаго—что первобытной европейской родиной славянъ, *вѣроятно*, были прикарпатскія страны, откуда они, *надо полагать*, и распространились по всей восточной Европѣ; при чемъ древніе писатели, начиная съ Геродота, постоянно *смѣшивали ихъ* со скиѳами и сарматами (83). Стало быть, славяне и

сарматы суть разные народы. Между тѣмъ выше (на стр. 14 въ примѣчаніи) говорится, что сарматы и языги, эти „два народа были несомнѣнно славянскіе“. (Замѣтимъ, что тутъ родъ смѣшанъ съ видомъ: языги принадлежали къ народамъ сарматскимъ). Такое же противорѣчіе находимъ и въ характеристикѣ славянъ. На стр. 15 они названы „грубыми, свирѣпыми варварами“, на 72 говорится что они „не уступали германцамъ въ свирѣпой воинственности“, а на стр. 90 узнаемъ, что свидѣтельства византійскія, западныя и арабскія рисуютъ намъ славянъ „какъ народъ искони *земледѣльческій*, *осѣдлый* и *миролюбивый*“. (Любопытно что чисто историческихъ свидѣтельствъ въ такомъ исконномъ смыслѣ почти нѣтъ; мы попросили бы указать хотя два, три). Вообще характеристика славянъ представляетъ явный наборъ фразъ и мыслей, нисколько не провѣренныхъ, не продуманныхъ и часто противорѣчивыхъ. Да оно и понятно. Прежде всего надобно опредѣлить, какіе народы принадлежали славянскому міру; тогда самъ собою выяснится и тотъ типъ, съ которымъ они явились въ исторіи. Доселѣ обыкновенно подъ именемъ славянъ исторіографія описывала преимущественно, во-первыхъ, ихъ иллирійскую вѣтвь, которая у писателей VI вѣка называется склавинами, а, во-вторыхъ, славянъ полабскихъ и балтійскихъ, которыхъ позднѣйшіе нѣмецкіе хронисты прямо называютъ этимъ именемъ. Большинство же славянскихъ народовъ остается внѣ славянской исторіи, ибо за таковыхъ не признается современными нѣмцами и ихъ пособниками. А потому быть, характеръ и учрежденія славянъ трактуются совершенно вкривь и вкось. Напримѣръ: „въ противуположность общинѣ древнеклассической и германской славянская не знала ни людей полусвободныхъ, ни рабовъ“. „Не видно у славянъ никакихъ зародышей аристократіи, подобной германскимъ эдилингамъ“. „Городовъ тоже почти нѣтъ“. „У нихъ нѣтъ ни военныхъ боговъ, ни военныхъ учрежденій“. Отличительная черта ихъ отъ германцевъ — „это сильная наклонность къ *общественному равенству* и *общественной свободѣ*“ и т. п. (88—90). Отличительный характеръ старославянскаго строя „составлялъ *демократическій духъ*“. „Отсюда *народовластіе* было любимѣйшей формой у всѣхъ вообще славянъ (116). Подобная характеристика невѣрна и по отношенію къ помянутымъ славянскимъ вѣтвямъ, а по отношенію ко всему славян-

ству это не картина, а скорѣе каррикатура. Напротивъ, воинственность свою славяне ясно обнаружили, вытѣснивъ германцевъ силою оружія, на глазахъ исторіи, изъ восточной и отчасти средней Европы и занявъ огромныя пространства. Тотъ не историкъ, кто не понимаетъ, что даромъ, безъ кровопролитныхъ битвъ съ другими народами, было бы невозможно имъ занять свою обширную территорію. Далѣе у славянъ, точно также какъ и у германцевъ, была княжеская власть, были военныя дружины и были высшіе дружинники, или *бояре*—слѣдовательно была военная (и прибавимъ поземельная) аристократія, были также и рабы. Пора оставить сантиментальныя и совершенно неосновательныя мнѣнія старыхъ австрійскихъ славистовъ о мирномъ, земледѣльческомъ и пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ, объ ихъ необыкновенной общественной свободѣ и общемъ равенствѣ и по преимуществу демократическихъ учрежденіяхъ; общины и народныя собранія или вѣча равно встрѣчаются у германцевъ и славянъ, рядомъ съ княжескою властію. Дружина княжеская положила основаніе государственному быту также равно у германцевъ и славянъ. Выше мы видѣли, что славяне выставляются малоспособными къ основанію государствъ, а слѣдовательно къ государственному быту вообще. Какъ же согласить съ этимъ основаніе цѣлаго ряда славянскихъ государствъ? Да очень просто. По домысламъ досужихъ историковъ, большая часть этихъ государствъ основана была не славянами. Авторы „Средней Исторіи“ повторяютъ въ ней всѣ подобные домыслы съ особымъ, такъ сказать, пристрастіемъ. Болгары это какой-то уралочудской народъ, и мнѣніе сіе будто бы „должно считаться и по сію пору неопровергнутымъ“ (91—92). Относительно руси *несомнѣнный фактъ*, что это „пришлыя съ Балтійскаго моря дружины“, которыя, слѣдуя по великому водному пути въ Черное море, такъ сказать, мимоходомъ основали Русское государство (111). Относительно Польскаго государства *не подлежитъ сомнѣнію*, что оно основано „какимъ-то пришлымъ народомъ, называвшимся лехитами или ляхами“ (109. Повторяется нелѣпая догадка такого неглубокаго хотя и даровитаго историко-писателя, какъ Шайноха). Даже и относительно полумиѳическаго Само, какъ основателя Чешскаго государства, г. Надлеръ указываетъ на извѣстіе хрониста Фредегара, „по словамъ котораго Само былъ не сла

вянинъ, а франкъ, бѣжавшій изъ своей родины“ (98). Но при семъ онъ умалчиваетъ о другомъ болѣе достовѣрномъ извѣстіи (баварскаго анонима), по которому Само былъ туземецъ славянинъ. Вообще своей тенденціей умалять и искажать древнее славянство авторъ „Средней Исторіи“ и его коллега г. Надлеръ едва-ли не превзошли самихъ нѣмцевъ. Въ отдѣлѣ романо-германскомъ точно также мы видимъ большею частью голословное, почти рабское послѣдованіе за нѣмецкой исторіографіей. И вообще, вопреки противуположному увѣренію г. Надлера, эта книга именно не соотвѣтствуетъ латинскому изреченію non multa, sed multum. Она трактуетъ обо всемъ по-немногу, скользитъ по поверхности исторіи и нигдѣ не спускается въ ея глубины. Ее, пожалуй, можно рекомендовать какъ весьма скромный компендіумъ, но никоимъ образомъ нельзя возводить *на высоту современной науки*.

Приблизительно такое же повтореніе старыхъ домысловъ о славянахъ вообще, о гуннахъ и болгарахъ въ частности, представляетъ и другой недавно вышедшій въ свѣтъ университетскій курсъ средневѣковой исторіи, принадлежащій казанскому профессору Н. А. Осокину. Но общими своими достоинствами онъ оставляетъ за собою курсъ профессоровъ Петрова и Надлера; при чемъ въ предисловіи своемъ нисколько не претендуетъ давать послѣднее слово науки. Между тѣмъ какъ средневѣковой курсъ Петрова—Надлера представляетъ довольно тощую книгу, около 300 страницъ, курсъ Осокина, или собственно только первый томъ его, простирающійся до XIII столѣтія, заключаетъ въ себѣ около 750 страницъ и снабженъ обширнымъ очеркомъ средневѣковой исторіографіи. Главная суть дѣла, конечно, не въ объемѣ; во всякомъ случаѣ мы нашли здѣсь не мало хорошо написанныхъ страницъ, наполненныхъ мѣткими характеристиками и любопытными подробностями. И если не всѣ отдѣлы равнаго качества, а отдѣлъ о первоначальной исторіи славянъ, съ нашей точки зрѣнія, не удовлетворителенъ, то этотъ недостатокъ, повторяемъ, выкупается многими достоинствами книги, представляющей университетскому юношеству обильный матеріалъ какъ для всякаго рода справокъ и для научнаго руководства, такъ и для полезнаго чтенія вообще.

Проф. Осокинъ въ исчисленіи пособій для исторіи романо-германскихъ государствъ не счелъ нужнымъ упомянуть нѣмецкіе исто-

рическіе романы Феликса Дана. За то проф. Надлеръ, при всей скудости своей книги, успѣлъ рекомендовать рядъ этихъ *превосходныхъ* романовъ, гдѣ будто бы „изображена чрезвычайно вѣрно и живо эпоха переселенія народовъ“. Особенно онъ рекомендуетъ романы „Борьба за Римъ“ и „Гелимеръ, послѣдній король Вандаловъ“. Дѣйствительно, романы Дана написаны хорошо, съ талантомъ и знаніемъ эпохи, но до чрезвычайной исторической вѣрности имъ еще далеко. Любопытно, что въ „Борьбѣ за Римъ“ онъ совершенно игнорируетъ славянъ, изъ которыхъ большею частью состояли войска Велизарія, и, сколько помнится, выводитъ только какія-то тѣни желтокожихъ (?) гунновъ. Готы у него идеализуются до крайности. А въ романѣ „Гелимеръ“ онъ также идеализуетъ вандаловъ, которыхъ, ничто же сумняся, считаетъ чистокровными германцами. Но, отбросивъ ихъ тенденціозность, нашимъ историческимъ изслѣдователямъ и писателямъ дѣйствительно не мѣшало бы поучиться у нѣмцевъ той усердной пытливости и той любви, съ которыми они относятся къ своимъ предкамъ, вообще изучаютъ и воспроизводятъ родную старину, хотя бы и очень отдаленную.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ОТМѢТКИ *).

И. И. Малышевскаго Происхожденіе великой княгини Ольги.—*В. Г. Васильевскаго* Житіе св. Стефана Сурожскаго. — По поводу искаженнаго текста и родословія.

Мы уже имѣли случай сообщить читателямъ „Русскаго Вѣстника“ (См. предыд. статью), что достоуважаемый отецъ архимандритъ Леонидъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XV вѣка нашелъ лѣтописное извѣстіе, въ которомъ супруга Игоря, Ольга, по происхожденію своему, является болгарскою княжною. Это любопытное извѣстіе подверглось пространному разбору и опроверженію со стороны извѣстнаго ученаго и профессора кіевской духовной академіи И. И. Малышевскаго. („Кіевская Старина“, 1889 г. іюль и августъ).

Авторъ разбора, между прочимъ, упоминаетъ и о моемъ вышеназванномъ сообщеніи въ такомъ смыслѣ, что выводы отца Леонида мною „приняты во всей совокупности, или съ небольшими ограниченіями“. Такая передача моего мнѣнія является не совсѣмъ точною. Кто справится съ моей замѣткой, тотъ увидитъ, что извѣстіе о болгарскомъ происхожденіи Ольги я назвалъ „довольно достовѣрнымъ“, а также, вообще, „заслуживающимъ вниманія“ указаніе отца архимандрита „на связь болгарскихъ притязаній и походовъ Святослава съ болгарскимъ происхожденіемъ его матери“. Что же касается догадки его о позднѣйшемъ перенесеніи имени болгарскаго города Плескова на русскій городъ Псковъ, какъ ро-

*) Русскій Вѣстникъ. 1890. Январь.

дину Ольги, и его отождествленія спутника ея, священника Григорія съ монахомъ Григоріемъ, сотрудникомъ болгарскаго царя Симеона, на нихъ я только указалъ, не прибавляя своего заключенія. Обращать вниманіе образованной публики и называть довольно достовѣрнымъ болгарское или вообще южное происхожденіе Ольги отнюдь еще не значитъ, чтобы я считалъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ въ этомъ смыслѣ, какъ можно подумать изъ приведенныхъ словъ достоуважаемаго И. И. Малышевскаго. На его возраженія отецъ Леонидъ уже отвѣтилъ. („Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ". Кіевская Старина, 1889 г., октябрь). Въ этомъ отвѣтѣ онъ соглашается съ своимъ возражателемъ, „что въ тѣхъ мѣстахъ нашего лѣтописнаго свода, гдѣ говорится о Плесковѣ, разумѣется русскій Плесковъ (Псковъ), а не болгарскій". Но извѣстіе найденнаго имъ „Владимірскаго лѣтописца" о болгарскомъ и княжескомъ происхожденіи Ольги отецъ Леонидъ продолжаетъ защищать отъ нападокъ критика. При семъ, онъ высказываетъ новую догадку: можетъ быть, лѣтописецъ здѣсь разумѣлъ не дунайскихъ болгаръ, а такъ называемыхъ черныхъ, т.-е. азовско-черноморскихъ или тмутараканскихъ. Опять-таки скажемъ, что догадка эта заслуживаетъ вниманія и до нѣкоторой степени вѣроятія, но, разумѣется, вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при помощи новыхъ находокъ и дальнѣйшихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ, благодаря отцу Леониду, вопросъ о происхожденіи русской великой княгини Ольги отнынѣ ставится на болѣе историческую почву и выходитъ изъ области болѣе или менѣе наивныхъ домысловъ и легендъ.

Обращаясь къ возраженіямъ кіевскаго профессора, мы встрѣчаемся съ неимовѣрными усиліями поддержать вѣру въ нѣкоторыя напменѣе достовѣрныя черты сказаній объ Ольгѣ и подкрѣпить ихъ своими собственными домыслами, въ высшей степени гадательными и невѣроятными. Причемъ онъ неизбѣжно впадаетъ въ яркія противорѣчія съ самимъ собою. Напримѣръ, онъ отвергаетъ житійное сказаніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно родиною Ольги вмѣсто Пскова называетъ село Выбутино; отвергаетъ показаніе Житія, что Псковъ тогда еще не существовалъ; но въ то же время принимаетъ за историческій фактъ домыселъ того же Житія о томъ, что Ольга была родомъ *варяжка*, называя его „домысломъ осно-

вательнымъ", и, главнымъ образомъ, потому, что имя *Ольга* якобы норманское, а не славянское. Но тутъ встрѣчается маленькое затрудненіе. То же сказаніе прибавляетъ, что Ольга была рода „не княжеска, ни вельможска, но отъ простыхъ людей". А между тѣмъ, по мнѣнію самого возражателя, „варяги принадлежали тогда у насъ не къ простому, а къ высшему классу". Притомъ нѣтъ никакой возможности согласить незнатное происхожденіе Ольги съ ея значеніемъ великой княгини и съ другими примѣрами княжескихъ браковъ. Какъ же быть съ этимъ явнымъ противорѣчіемъ? Оно устраняется очень просто помощію длиннаго ряда всякаго рода гаданій и предположеній, совершенно произвольныхъ. Прежде всего предполагается, что Ольга вышла изъ „княжеско-боярской семьи", которая жила въ Псковѣ и была „родственна Олегу"; въ честь его Ольга и получила свое имя. Далѣе эта семья уже называется „варяго-русскою". „Весьма вѣроятно, что *Олегъ еще при жизни Рюрика владѣлъ и правилъ Изборскомъ и Плесковомъ*". „Изъ семьи этого князя и могла произойти Ольга". „Словомъ, бракъ Игоря съ Ольгой, устроенный Олегомъ, имѣлъ свои мотивы, по всей вѣроятности, не только въ *родственныхъ, но и въ политическихъ* видахъ мудраго Олега, желавшаго соединеніемъ двухъ родственныхъ и властвующихъ въ Руси (въ лицѣ Олега и Игоря) фамилій предотвратить возможныя замѣшательства, упрочить нововозникающую династію въ новомъ государствѣ". Далѣе, авторъ возраженій принимаетъ основанное на баснословной Іоакимовой лѣтописи мнѣніе Татищева, „который производитъ Ольгу *по женской линіи* изъ рода знаменитаго новгородскаго боярина князя Гостомысла, чрезъ старшую изъ дочерей его, бывшую въ замужествѣ за варяжскимъ изборскимъ княземъ". Вотъ почему и выходитъ, „что та плесковская семья, изъ которой произошла Ольга, могла быть названа *княжеско-боярскою, варяго-славянскою*". („Кіевск. Стар.". Августъ. Гл. V). Мы привели только главные домыслы автора; въ его статьѣ они въ свою очередь связываются всякаго рода предположеніями и смѣсью историческихъ фактовъ съ баснословіемъ и сочинительствомъ; такимъ образомъ, на мѣсто романической повѣсти, помѣщенной въ житіи Ольги, о первой встрѣчѣ ея съ Игоремъ въ качествѣ лодочницы-перевозчицы, получается другая повѣсть, если не столь романичная, то не менѣе ея фантастичная.

Относительно вопроса о происхожденіи Русскаго государства достоуважаемый И. И. Малышевскій является настолько убѣжденнымъ норманистомъ, что онъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ норманствѣ нашихъ первыхъ князей и варяжствѣ самой Руси. Не видно, чтобы онъ былъ знакомъ дѣйствительно, а не по слуху, съ моими изслѣдованіями въ этой области; мою постановку вопроса онъ просто игнорируетъ, и ничего фактическаго противъ нея не возражаетъ; а голословно повторяетъ всѣ домыслы и выводы норманской школы, въ самомъ широкомъ объемѣ, со всѣми относящимися сюда лѣтописными баснями, съ вѣрою въ Гостомысла включительно. Отрицаетъ онъ только тѣ домыслы старыхъ книжниковъ, которые противорѣчатъ его норманизму, какъ это мы сейчасъ видѣли на показаніи житія о простомъ происхожденіи Ольги. Любопытно, однако, что при несомнѣнной эрудиціи своей, почтенный возражатель отца Леонида нерѣдко игнорируетъ и самые важные источники нашей первоначальной исторіи, и установленныя уже фактическія ея черты. Напримѣръ, о многоженствѣ нашихъ князей языческаго періода извѣстно намъ какъ изъ отечественныхъ, такъ и иноземныхъ свидѣтельствъ, особенно арабскихъ; а г. Малышевскій настаиваетъ на томъ, что Игорь еще не былъ женатъ до своего брака съ Ольгой, хотя по всѣмъ соображеніямъ имѣлъ не менѣе 25 лѣтъ; мало того, и послѣ она будто бы „осталась его единственною женою“. Въ Царьградѣ, по его мнѣнію, неизвѣстно на какихъ источникахъ основанному, уже въ первой половинѣ X вѣка „существовала Варяжская церковь для варяго-русскихъ христіанъ“. Норманство Руси, по его словамъ, будто-бы „подкрѣпляемо цѣлымъ рядомъ другихъ свидѣтельствъ, восточныхъ и западныхъ“. Оставляя въ сторонѣ два или три спорныя или ложно-толкуемыя свидѣтельства западныя, мы попросили бы его указать хотя на одно свидѣтельство восточное. „Свѣтлыхъ князей и бояръ“, упоминаемыхъ въ договорѣ Олега, возражатель распространяетъ на Новгородъ и Псковъ, т.-е. на Гостомысла и воображаемыхъ родителей Ольги, хотя именно договоръ объ этихъ городахъ не упоминаетъ, а говоритъ только о южной Руси.

Г. Малышевскій не разъ ссылается на Константина Багрянороднаго, но игнорируетъ его извѣстіе о томъ, что Святославъ, еще при жизни Игоря, княжилъ въ Новгородѣ, и, слѣдовательно, Нов-

городъ, а тѣмъ болѣе Псковъ, находились тогда въ полномъ подчиненіи у Кіевскихъ князей. Вообще, авторъ почти на каждомъ шагу обнаруживаетъ, что настоящее состояніе вопроса о нашей начальной исторіи ему недостаточно извѣстно въ своихъ подробностяхъ.

Лично со мной кіевскій профессоръ только слегка полемизуетъ по поводу моей замѣтки о томъ, что новооткрытый Владимірскій лѣтописецъ даетъ намъ новое подтвержденіе испорченности первоначальнаго лѣтописнаго текста, по которому *русь* и другія племена призывали варяговъ, т.-е. первоначальный текстъ не смѣшивалъ эти два, совершенно особые, народа. Смѣшеніе произошло только въ испорченномъ текстѣ. Г. Малышевскій, наоборотъ, тѣ случаи, въ которыхъ сохранился первоначальный текстъ, пытается объяснить позднѣйшими искаженіями. Въ доказательство онъ указываетъ на то, что по Владимірскому лѣтописцу въ числѣ народовъ, призывавшихъ варяговъ, стоитъ *лопь*. Но этотъ примѣръ совершенно сюда нейдетъ: лопь, конечно, явилась вмѣсто неразобраннаго переписчикомъ слова *весь*. Точно также нейдетъ сюда встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ извѣстной группы смѣшеніе черноморскихъ руссовъ съ куманами. Подобные единичные или очень поздніе случаи никакъ нельзя ставить въ параллель съ многочисленными и тождественными указаніями на первоначальный текстъ лѣтописи о призваніи варяговъ, встрѣчающимися въ разнообразныхъ рукописяхъ и сочиненіяхъ съ XIII вѣка по XVII включительно. Нужны особое упорство и слѣпая вѣра въ норманскую теорію, чтобы относить къ позднимъ искаженіямъ такой ясный и древній текстъ, какой мы имѣемъ въ лѣтописцѣ патріарха Никифора, не только составленномъ въ XIII вѣкѣ, но и дошедшемъ до насъ въ спискѣ того же вѣка (хранится въ Москов. Син. библіотекѣ). Онъ напечатанъ въ П. С. Р. Л. I Приложеніе. Тотъ же лѣтописецъ, по другому списку, напечатанъ Срезневскимъ въ Извѣст. Ак. Н. Т. VIII, стр. 391—393.

Ниже я возвращусь къ вопросу о первоначальномъ текстѣ, а теперь перейду къ послѣднему изслѣдованію В. Г. Васильевскаго.

Прежде скажу нѣсколько словъ по поводу его „полемической замѣтки“ *О построеніи крѣпости Саркела* (Ж. М. Н. Пр., 1889 г.

октябрь), направленной противъ изслѣдованія Ѳ. И. Успенскаго *Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря* въ IX и X вв. („Кіевск. Стар.“, 1889, май и іюнь). Начиная полемику съ проф. Успенскимъ, г. Васильевскій счелъ своимъ долгомъ мимоходомъ упрекнуть и меня за мой отзывъ о находкѣ архим. Леонида во Владимірскомъ лѣтописцѣ. Онъ совѣтуетъ съ пренебреженіемъ относиться къ „пущенному недавно въ оборотъ мнѣнію о болгарскомъ происхожденіи русской княгини Ольги, основанному на пустомъ домыслѣ поздняго книжника и встрѣтившему опрометчивое признаніе со стороны Д. И. Иловайскаго“. Выше мы видѣли, что даже И. И. Малышевскій не совсѣмъ точно передаетъ мой отзывъ; тѣмъ менѣе можно было ожидать точности отъ В. Г. Васильевскаго, человѣку хорошо знакомому съ его полемическими пріемами. Въ моихъ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“ желающіе могутъ найти многочисленныя указанія его неточнаго, поверхностнаго отношенія къ доводамъ противника. Вотъ почему мой отзывъ, что извѣстіе Владимірскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи Ольги заслуживаетъ вниманія и не лишено вѣроятія, подъ перомъ г. Васильевскаго обращается уже въ „опрометчивое признаніе“, т.-е. въ признаніе вопроса окончательно рѣшеннымъ.

Что же касается до возраженія его Ѳ. И. Успенскому, то, при всемъ нашемъ уваженіи къ сему послѣднему, мы должны признать г. Васильевскаго безусловно правымъ. (Вѣроятно, сіе мое признаніе уже не покажется ему „опрометчивымъ“). Дѣло заключается въ слѣдующемъ. По обстоятельному разсказу Константина Багрянороднаго, хазарская крѣпость Саркелъ была построена около 837 года по просьбѣ хазарскаго кагана византійскими мастерами, которыхъ отправилъ императоръ Ѳеоѳилъ подъ начальствомъ протоспаѳарія Петроны. Профессоръ Успенскій рядомъ весьма сложныхъ и запутанныхъ соображеній, сопоставленій и догадокъ приходитъ къ такому заключенію, что Саркелъ византійцы построили не для хазаръ, а для себя и не во время императора Ѳеоѳила, а при императорѣ Львѣ Мудромъ, т.-е. не въ первой половинѣ IX вѣка, а въ началѣ X-го, строителемъ его былъ тоже протоспаѳарій Петрона, но совсѣмъ другой. Зачѣмъ Ѳ. И. Успенскому понадобилось оспаривать Константина Багрянороднаго и крѣпость Сар-

келъ изъ хазарской обращать въ византійскую, это осталось для меня непонятнымъ. Во всякомъ случаѣ оппоненту его не трудно было указать заключающіяся въ его изслѣдованіи натяжки и противорѣчія съ историческими свидѣтельствами и фактами. Прибавлю отъ себя только слѣдующее замѣчаніе. Довольно оригинальнымъ является то обстоятельство, что, изслѣдуя время построенія и значеніе Саркела, авторъ совсѣмъ не касается вопроса о его географическомъ положеніи, тогда какъ этотъ вопросъ доселѣ спорный. Еще страннѣе, что возражатель его тоже оставляетъ этотъ вопросъ безъ вниманія. А между тѣмъ онъ представляетъ тутъ первостепенную важность. Я въ свое время имѣлъ случай коснуться его и привести свои соображенія въ пользу того мнѣнія, что Саркелъ стоялъ на переволокѣ, т.-е. тамъ, гдѣ Донъ сближается съ Волгой (Розыск. о нач. Рус., Изд. 2-е, стр. 272). Если это мнѣніе справедливо (а пока оно никѣмъ не опровергнуто), то и вопроса о принадлежности Саркела византійцамъ быть не можетъ уже потому, что географически византійскія владѣнія никогда не простирались, а въ это время и не могли простираться такъ далеко внутрь Восточно-европейскаго материка, т.-е. до самой Волги.

Далѣе г. Васильевскій полемизуетъ съ Ѳ. И. Успенскимъ по поводу такъ называемой записки Готскаго топарха. Но ни тотъ, ни другой не даютъ намъ удовлетворительныхъ выводовъ по отношенію къ сей запискѣ, хотя В. Г. Васильевскій еще прежде посвятилъ ей цѣлое изслѣдованіе (Ж. М. Н. Пр., 1876 г.) Посему я и не буду останавливаться надъ сею частію полемики. Въ своихъ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“ я коснулся и этой записки; причемъ изъ всѣхъ *вѣроятностей* далъ предпочтеніе ея связи съ завоевательною дѣятельностію въ Тавридѣ русскаго князя Игоря (стр. 227 — 331), но, разумѣется, на сей связи отнюдь не настаиваю.

Въ тѣхъ же Розысканіяхъ я вкратцѣ коснулся, вмѣстѣ съ житіемъ Георгія амастридскаго, и житія святаго Стефана, епископа сурожскаго или собственно того разсказа о посмертномъ его чудѣ, по которому какой-то русскій князь (именуемый Бравлинъ и пришедшій изъ Новгорода) нападалъ на Сурожъ или Сугдею; причемъ онъ ограбилъ храмъ Софіи, гдѣ находился гробъ св. Стефана, но

тутъ былъ пораженъ (апоплексическимъ) ударомъ, отъ котораго исцѣлился, только принявъ крещеніе. Относительно вопроса, къ какому историческому событію пріурочить этотъ разсказъ, по недостатку или по неясности хронологическихъ указаній житія, я не сдѣлалъ тогда никакого положительнаго вывода, а высказался въ томъ смыслѣ, что событіе это могло имѣть мѣсто еще въ IX вѣкѣ, и относиться къ крещенію Руси, извѣстному изъ посланія патріарха Фотія 866 года; съ другой стороны, эту легенду о крещеніи русскаго князя можно сближать и съ сказаніемъ о крещеніи Владиміра (стр. 325). В. Г. Васильевскій, въ началѣ своего изслѣдованія о житіи св. Стефана сурожскаго („Ж. М. Н. Пр.“, 1889 г. май и іюнь) упоминаетъ о сихъ моихъ предположеніяхъ съ какою-то горечью и, повидимому, опять выставляетъ ихъ какъ окончательные выводы съ моей стороны, тогда какъ мои положительные выводы относятся къ болѣе или менѣе древнему существованію Руси и русскихъ владѣній въ странахъ Азовско-Черноморскихъ вообще, а въ данномъ случаѣ къ Тмутараканскому краю въ частности. Настоящее изслѣдованіе моего противника какъ нельзя лучше подтверждаетъ сіи главные мои выводы. Это изслѣдованіе сдѣлано имъ по поводу отпечатанныхъ подъ его же редакціей „Подробнаго славянскаго житія св. Стефана сурожскаго и краткаго греческаго о немъ сказанія“, имѣющихъ появиться въ изданіяхъ Археографической комиссіи.

Первый отдѣлъ изслѣдованія посвященъ тщательному собранію „Историческихъ свѣдѣній о Сурожѣ“, простирающихся до его разоренія турками въ 1475 году. Тутъ, между прочимъ, авторъ старается опредѣлить племенной составъ сурожскаго населенія въ частности и таврическаго вообще въ первую половину среднихъ вѣковъ. Среди этого населенія онъ находитъ представителей многихъ племенъ: греческаго, аланскаго, хазарскаго, угорскаго, армянскаго, германскаго, татарскаго и пр.; только славянъ онъ нигдѣ не находитъ, предполагая, разумѣется, что русь, болгары и гунны были не славяне. (Эта славянобоязнь у нашихъ норманистовъ и туранистовъ является какою-то болѣзнью, и довольно остраго свойства: они слышать не могутъ равнодушно объ очень древнемъ существованіи славянъ и ихъ способности къ основанію государствъ). А между тѣмъ, самъ же авторъ приводитъ извѣстіе о

сосѣднихъ съ тѣми краями роксоланахъ географа Равенскаго, писавшаго въ VII или VIII вѣкѣ (майская книга, стр. 116). Но такъ какъ, начиная съ первой половины IX вѣка, встрѣчается уже рядъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о руси азовско-черноморской, то конечно, обойти ее невозможно. Зато можно подвергнуть ее излюбленнымъ толкованіямъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Въ слѣдующихъ отдѣлахъ авторъ изслѣдованія обстоятельно разсматриваетъ древнѣйшіе источники о жизни Стефана сурожскаго, краткое греческое житіе его и подробное славяно-русское житіе; причемъ, наглядно и документально раскрываетъ тѣ заимствованія, которыя составитель сего послѣдняго (т.-е. славяно-русскаго житія) сдѣлалъ изъ сочиненія Георгія александрійскаго объ Іоаннѣ Златоустомъ, въ славяно-русскомъ переводѣ, а также изъ житія Петра митрополита, написаннаго Кипріаномъ. Въ этомъ отношеніи В. Г. Васильевскій дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ научную литературу предмета. Въ заключительной VII главѣ изслѣдованія онъ указываетъ нѣкоторыя историческія черты житія, вошедшихъ въ него чудесъ, и останавливается въ особенности на помянутомъ сказаніи о русскомъ князѣ Бравлинѣ, предлагая свои соображенія и выводы. Главный его выводъ слѣдующій: „Такъ или иначе мы убѣждены, что разсказъ о нашествіи русской рати на Сурожъ заключаетъ въ себѣ подлинную историческую основу, имѣетъ въ виду событіе, дѣйствительно происшедшее въ первой половинѣ девятаго вѣка“ (слѣдовательно, до такъ называемаго призванія варяговъ). Это обстоятельство, въ свою очередь, неизбѣжно приходитъ въ связь съ извѣстіемъ паннонскаго житія св. Кирилла о русскихъ письменахъ, найденныхъ имъ въ Корсуни, также до эпохи призванія варяговъ. „Мы вполнѣ готовы присоединиться къ мнѣнію о существованіи и распространенности имени русь и русскій ранѣе 862 года. Послѣ тщательнаго разбора другого аналогичнаго памятника, т.-е. житія Георгія амастридскаго, мы давно пришли къ заключенію, что и это житіе написано ранѣе 842 г., и что, слѣдовательно, имя руси, которая тамъ въ концѣ упоминается, было извѣстно на берегахъ Чернаго моря ранѣе этого года“.

Такъ говоритъ г. Васильевскій (іюньская книга стр. 444—446). Казалось бы, что послѣ такихъ выводовъ теперь и рѣчи быть не

можетъ о пришествіи къ намъ варяговъ-руси изъ Скандинавіи къ 862 году, т.-е. о смѣшеніи руси съ варягами. И, однако, вслѣдъ за тѣмъ, читаемъ: „Тѣмъ не менѣе мы не дерзнемъ сказать, что та русь, которая посѣтила въ первой половинѣ IX вѣка берега Пафлагоніи, была русь славянская“. Слѣдовательно, какъ только вопросъ коснулся народности древнихъ руссовъ, на сцену опять выступаетъ та болѣзнь, которую выше мы назвали славянобоязнію со всѣми ея обычными послѣдствіями. Добросовѣстный и толковый изслѣдователь тотчасъ становится крайне непослѣдовательнымъ и запутаннымъ, предается всякаго рода натяжкамъ и болѣе или менѣе неосновательнымъ догадкамъ. О томъ наглядно свидѣтельствуютъ страницы, слѣдующія за помянутыми выводами. Тутъ мимоходомъ задѣвается вопросъ о двойныхъ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго и напоминается „замѣчаніе Погодина о двухъ русскихъ языкахъ“; хотя Погодинъ говорилъ о двухъ *славянскихъ* языкахъ (обычная неточность В. Г. Васильевскаго); а я уже имѣлъ честь докладывать, что въ данномъ случаѣ дѣйствительно мы имѣемъ дѣло съ двумя славянскими нарѣчіями или точнѣе двумя славянскими племенами: одинъ рядъ названій, древнѣйшій и частію сохранившійся отъ прежнихъ автохтоновъ, былъ въ употребленіи у руссовъ, а другой имѣетъ признаки нарѣчія церковно-славянскаго, т.-е. древнеболгарскаго. Далѣе идетъ обычная ссылка норманистовъ на Бертинскія лѣтописи, о которой я тоже довольно распространялся въ своихъ Розысканіяхъ. Еще далѣе тавроскиѳы (византійское книжное названіе руси) толкуются валанготами или смѣсью „готовъ съ таврами, иначе аланами“; а названіе Тмутаракань является родственнымъ имени готовъ-тетракситовъ („вмѣсто тметракситовъ“); причемъ изслѣдователь забываетъ, что, судя по греческимъ, а также восточнымъ и западнымъ извѣстіямъ, въ сложномъ названіи Тмутаракань или собственно Таматарха коренное слово было *Матарха*, а не *Тму* или *Тме*. Далѣе весьма ясное свидѣтельство Льва Діакона о томъ, что тавроскиѳы (именуемые такъ въ литературѣ) въ просторѣчіи называются россы—это свидѣтельство перетолковывается въ такомъ смыслѣ, будто „росъ есть простонародное выраженіе, означающее народъ, который *по настоящему долженъ именоваться* тавроскиѳами“. А конечное заключеніе по-

лучается такое: „Не мы первые скажемъ, что и подъ русскими письменами, найденными въ Корсуни св. Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть готскія письмена, евангеліе и псалтырь въ переводѣ Ульфилы“. (Точно также не первый г. Васильевскій ингорируетъ мое указаніе на то, что въ житіи Кирилла готскія письмена упоминаются особо отъ русскихъ и съ ними не смѣшиваются). „Мы не хотимъ здѣсь проповѣдывать новой теоріи происхожденія русскаго государства или, лучше сказать, русскаго имени, которую пришлось бы назвать готскою; но не можемъ обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы во многихъ отношеніяхъ пригоднѣе нормано-скандинавской“.

Итакъ, В. Г. Васильевскій, повидимому, отказывается отъ нормано-скандинавской теоріи, которую онъ доселѣ объявлялъ единственною научною. Онъ замѣняетъ ее теоріей готскою, т.-е. на мѣсто сѣвернаго происхожденія руси ставитъ южное; въ семъ послѣднемъ случаѣ онъ оказывается нашимъ единомышленникомъ и расходится съ нами только въ томъ, что признаетъ русь не славянскимъ народомъ, а какимъ-то смѣшаннымъ готоалаискимъ или валанготскимъ. Это уже значительный шагъ впередъ. Любопытно, что и со мною когда-то произошло нѣчто подобное. Убѣдясь, что русь распространялась не съ сѣвера на югъ, а наоборотъ, нѣкоторое время я тоже остановился на готскомъ происхожденіи руси. Но, къ счастію, не высказался печатно, пока находился въ семъ фазисѣ вопроса, а продолжалъ изслѣдовать его далѣе, и потомъ добился окончательныхъ выводовъ. (О томъ говорится у меня въ Розысканіяхъ, на стр. 77). Точно такъ же г. Васильевскій, если будетъ продолжать свои работы по этому вопросу, но при томъ относиться къ нему по возможности безпристрастно и брать всѣ стороны его въ совокупности, то непремѣнно придетъ къ тѣмъ же выводамъ. Къ сожалѣнію, изъ своей продолжительной съ нимъ полемики по данному вопросу, я убѣдился, что петербургскій профессоръ не любитъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ и промахахъ, и если въ послѣдующихъ статьяхъ принужденъ бываетъ высказывать что-либо несогласное съ предыдущими его статьями, то обыкновенно о семъ несогласіи умалчиваетъ и убѣдительностью доводовъ противника его не объясняетъ. Когда онъ принужденъ бываетъ отступить съ какой-либо позиціи, то не просто уходитъ

съ нея, а съ соблюденіемъ военной тактики, т.-е. отступаетъ, постоянно отстрѣливаясь. Примѣръ этой тактики видимъ и въ данномъ его трудѣ. Кажется ясно, что и моими доводами и собственными изысканіями вытѣсненный изъ сѣверной позиціи, онъ переходитъ на южную и принимаетъ исконное существованіе руси въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ, а также допускаетъ болѣе раннее, чѣмъ доселѣ полагали, происхожденіе русскаго Тмутараканскаго княжества, т.-е. (за исключеніемъ славянства руси) принимаетъ именно тѣ выводы, для которыхъ я немало поработалъ въ своихъ Розысканіяхъ. Тѣмъ не менѣе, онъ тутъ же находитъ возможность въ чемъ-то меня упрекать и говорить о моихъ „особенныхъ методахъ изслѣдованія“; однимъ словомъ, отступаетъ, отстрѣливаясь. Что касается до его готаланской теоріи, то она является еще болѣе искусственною и мертворожденною, чѣмъ покойная куниковская теорія шведскихъ родсовъ; если онъ и впредь будетъ работать надъ вопросомъ, то рано или поздно долженъ будетъ замѣнить ее тою же роксоланской, которую я поставилъ основою своихъ „Розысканій о началѣ Руси“, хотя г. Васильевскій и продолжаетъ пока относиться къ ней иронически. Его постоянное нежеланіе соглашаться со мною даже въ мелочахъ приводитъ иногда къ оригинальнымъ результатамъ. Напримѣръ, въ лѣтописной передачѣ договора Игоря съ греками, есть слѣдующее мѣсто: „А о Корсунстѣй странѣ. Елико же есть городовъ на той части, да не имать волости—князь Русскій, да воюетъ на тѣхъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ“. Въ своей рецензіи на изслѣдованіе г. Ламбина „О Тмутараканской Руси“, я указалъ ему, что нельзя читать „да воюетъ“ что здѣсь очевиденъ пропускъ частицы *не*, т.-е. слѣдуетъ читать: „да не воюетъ“, и что въ Святославовомъ договорѣ повторяется тоже условіе не воевать Корсунской области. (Разыск. 402). Г. Васильевскій въ данномъ случаѣ однако слѣдуетъ г. Ламбину и предпочитаетъ текстъ, испорченный переписчикомъ; такимъ образомъ у него получается довольно курьезное условіе, т. е. греки сами обязываютъ Игоря нападать на ихъ Корсунскую область; а отсюда авторъ дѣлаетъ догадку о какомъ-то русскомъ протекторатѣ: „Въ договорѣ Игоря съ греками—говоритъ онъ—предполагается, что русскіе не только могутъ безпокоить Корсунь своими набѣгами, но и защищать тамъ

по близости какія-то свои владѣнія. Если это означаетъ русскій *протекторатъ* надъ извѣстными областями въ Тавридѣ, то еще неизвѣстно“ и т. д. (Майская кн. 118). Такимъ образомъ, ясное и понятное мѣсто договора подверглось у него превратному и неудобопонятному толкованію.

Что касается русскаго князя, нападавшаго на Сурожъ и будтобы пришедшаго изъ Новгорода, то г. Васильевскій только мимоходомъ упомянулъ и напрасно не остановился на таврическомъ *Неаполисѣ*, т.-е. Новгородѣ. Вообще Новгородовъ у древнихъ руссовъ было нѣсколько, и разумѣть тутъ Новгородъ Великій, какъ это разумѣли прежде—нѣтъ никакого основанія. Относительно же имени князя Бравлинъ авторъ отвергаетъ основанное на нѣкоторыхъ рукописяхъ толкованіе его эпитетомъ *бранливъ*, и сближаетъ съ нѣкоторыми германскими именами, но никакой вѣроятной догадки не представляетъ.

Въ концѣ концовъ я долженъ повторить и прежде высказываемое мною заявленіе, что подобными изслѣдованіями В. Г. Васильевскій оказываетъ большую услугу вопросу о происхожденіи Руси. Въ послѣдніе годы это единственный ученый, благодаря полемикѣ съ которымъ возможно подвигать далѣе и далѣе сей вопросъ, ибо онъ постоянно касается той или другой стороны его, разсматриваетъ ту или другую подробность и тѣмъ способствуетъ разрушенію старой норманской теоріи, хотя началъ съ того, что объявилъ себя ея рѣшительнымъ сторонникомъ, а до окончательныхъ выводовъ все еще не дошелъ. Такъ изслѣдованіемъ о „Древней торговлѣ Кіева съ Регенсбургомъ“ (на которое мы въ свое время указали) онъ подтвердилъ несомнѣнное существованіе Кіевской руси до такъ называемаго призванія варяго-руссовъ, а настоящимъ изслѣдованіемъ о сурожской легендѣ, какъ и прежнимъ объ амастридской, доказалъ существованіе азовско-черноморской руси задолго до этого мнимаго призванія. Пожалуй и И. И. Малышевскій, въ помянутой выше статьѣ, въ одномъ примѣчаніи, мимоходомъ признаетъ исконное существованіе руси на югѣ Россіи, но какъ-то непонятно связываетъ ее съ сѣверными руссо-норманами. Точно также и другой профессоръ русской церковной исторіи, Е. Е. Голубинскій, допускаетъ существованіе азовско-черноморскихъ руссовъ, но считаетъ ихъ ничѣмъ инымъ, какъ древнѣйшею норман-

скою колоніей. Съ подобными голословными, не представляющими никакихъ фактическихъ данныхъ или историческихъ свидѣтельствъ, умозаключеніями вести научную полемику очень затруднительно; они не даютъ для нея достаточно матеріала. Почти и всѣ другіе извѣстные норманисты и туранисты въ послѣднее время также ограничиваются заявленіями о своей славянобоязни, но избѣгаютъ входить въ какія-либо подробности, ибо надъ вопросомъ о древней руси и древнихъ славянахъ совсѣмъ не работаютъ и даже его настоящаго состоянія обыкновенно не знаютъ, пробавляясь старыми домыслами и нѣмецкими теоріями.

Возвращаюсь къ тому вопросу, который вновь оживился помянутою выше находкою отца Леонида или Владимірскимъ лѣтописцемъ, т. е. къ вопросу объ испорченности подлиннаго текста начальной русской лѣтописи въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ говорится о призваніи варяговъ. Въ подтвержденіе этой испорченности приведу нѣкоторые факты, доселѣ мною не указанные. Флетчеръ, въ V главѣ своего сочиненія о Россіи, говоритъ, что Иванъ Грозный любилъ хвастать тѣмъ, будто предки его не русскіе. По сему поводу онъ разсказываетъ разговоръ царя съ англичаниномъ, придворнымъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеромъ, которому тотъ поручалъ хорошенько наблюдать вѣсъ металла, замѣтивъ, что „всѣ русскіе воры“. Мастеръ осмѣлился напомнить царю, что и самъ онъ русскій.

— Ты ошибаешься,—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ,—я не русскій: мои предки нѣмцы.

Какой отсюда могъ бы слѣдовать непосредственный выводъ? А тотъ, что въ XVI вѣкѣ не только въ западно-русскихъ и новгородскихъ лѣтописныхъ сводахъ, но даже и въ восточно-русскихъ еще не возобладалъ испорченный текстъ начальной лѣтописи о призваніи варяговъ, обратившій ихъ въ варяговъ-русь. Иванъ Васильевичъ былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ книжниковъ своего времени; конечно, онъ хорошо былъ знакомъ съ лѣтописями и, вѣроятно, не по однимъ современнымъ ему спискамъ, а также по болѣе древнимъ. Считая призванныхъ варяжскихъ князей нѣмцами, и именно прусскими нѣмцами, онъ не отождествлялъ русь съ варягами. Если внимательно посмотримъ въ московскіе лѣтописные

своды и хронографы XVI и даже XVII вѣка, то увидимъ, что и въ нихъ, подобно старѣйшимъ сводамъ Лаврентьевскому и Ипатьевскому (см. фотографическіе ихъ снимки Розыск. 497), встрѣчаются еще ясныя указанія на первоначальный текстъ. Такъ въ началѣ Степенной книги, въ житіи св. Ольги, говорится: „отъ варягъ бо русію прозвахомся, а прежде словени быхомъ“ (6). Но само это житіе написано уже въ XVI вѣкѣ (какъ полагаютъ, священникомъ Сильвестромъ) и внесено въ Макарьевскую редакцію. Между тѣмъ въ болѣе древней части Степенной книги, съ которой собственно и начинается ея „Первый Степень“ (сохранившій отчасти Кипріянову редакцію) прямо говорится: „въ лѣто 6370 послаша русь къ варягомъ, зовуще ихъ державствовати русскою землею“, и „придоша изъ-за моря на русь“ (79). Далѣе древность русскаго племени возводится ко временамъ императоровъ Ѳеодосія Великаго и Ираклія; причемъ есть ссылка на чудеса великомученика Димитрія Солунскаго и св. Стефана Сурожскаго (83). На слѣдующей страницѣ, по поводу нападенія Аскольда и Дира на Царьградъ, говорится: „а иже бяху съ ними тогда русы иже и кумани, живущіи въ Евсинопонтѣ“. Тутъ *кумани* опять указываютъ на какую-то порчу текста или на домыселъ книжника, но во всякомъ случаѣ указываютъ и на ихъ отдѣльность отъ варяговъ. Въ Степенной книгѣ уже вставленъ и домыселъ о происхожденіи великокняжескаго рода отъ Прусса, брата Августа; но домыселъ этотъ поставленъ какъ-то особо отъ сказанія о призваніи варяговъ „на русь“. Въ Воскресенскомъ сводѣ уже очевидная попытка слить ихъ въ одно сказаніе, такъ что кривичи и другія племена посылаютъ за князьями пословъ въ „Прусскую землю“, „къ нѣмцамъ“. Потомъ повторяется извѣстный текстъ „посылали море къ варягамъ къ руси, сице бо звахуся варягы русью и пр.“. А тутъ же рядомъ говорится слѣдующее: „Князь же Рюрикъ взя съ собою два брата Синеуса и Трувора и племянника своего Олга и нача мыслити хотя ити *на русь*“. (П. С. Р. Л. VII. 268). Послѣднее есть очевидный слѣдъ первоначальнаго текста, случайно сохранившійся посреди позднѣйшихъ наслоеній. Въ Русскомъ хронографѣ первой редакціи, т. е. первой четверти XVI вѣка, читаемъ: „пріидоша русь, словене и кривичи (къ) варягомъ рѣша и пр.“. (Изборникъ А. Попова. стр. 4). Въ томъ же смыслѣ говорится во

второй и третьей редакціи, относящихся уже къ XVII вѣку (стр. 137 и 447). А хронографы пользовались лѣтописями. На ряду съ Синопсисомъ Гизеля, можно указать также хронографъ южно-русской редакціи, гдѣ есть оглавленіе неуцѣлѣвшаго начала Кіевской хроники. Въ этомъ оглавленіи между прочимъ говорится: „Русь добровольне варяговъ за панна собѣ берутъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1885. Май. Стр. 74. Статья Науменка). Къ тѣмъ иноземнымъ источникамъ и писателямъ XV и XVI вѣка, которые черпали или непосредственно изъ русскихъ лѣтописей, или посредствомъ другихъ писателей и которые говорятъ о призваніи варяговъ самою русью (Длугошъ, Кромеръ, Мѣховскій, Стрыйковскій, Гвагнинъ, Герберштейнъ), прибавлю теперь также современника Ивана IV° Даніеля Бухау, одного изъ пословъ германскаго императора: онъ написалъ генеалогію великаго князя московскаго и положилъ въ основу ея незадолго возникшій домыселъ о Пруссѣ, братѣ Августа (Старчев. Script. ext. II. 23).

Съ конца XV° вѣка, вѣроятно подъ вліяніемъ Софьи Ѳоминичны и пріѣзжихъ съ нею греко-итальянцевъ, при московскомъ дворѣ легенда о варяжскомъ происхожденіи династіи пошла еще далѣе и украсилась домысломъ о родствѣ ея съ Октавіемъ Августомъ; такимъ образомъ московское царство связывалось съ Римской имперіей. Извѣстно, что наши книжники называли Москву третьимъ Римомъ, наслѣдницей второго Рима, или Византіи. Домыселъ о происхожденіи московскихъ государей отъ миѳическаго Прусса облюбовалъ уже Василій III, какъ это видно изъ Герберштейна (см. его нѣмецкій переводъ, изданный въ Вѣнѣ въ 1557 г). А Иванъ Грозный вполнѣ усвоилъ себѣ этотъ домыселъ и открыто его проповѣдывалъ. На родство своихъ предковъ съ первымъ римскимъ императоромъ онъ даже ссылался въ оффиціальныхъ грамотахъ. Такъ впервые встрѣчаемъ эту ссылку въ грамотѣ 1556 года къ польско-литовскому королю Сигизмунду Августу (Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ. Т. LIX). Возможно также, что сія басня появилась вслѣдствіе соревнованія съ подобной же басней о происхожденіи Литовскихъ князей, а слѣдовательно и династіи Ягеллоновъ, отъ знатнаго римскаго выходца Палемона, относимаго также ко временамъ Октавія Августа. (Сія послѣдняя легенда съ особою наглядностію выступила около того вре-

мени въ Западнорусской хроникѣ, извѣстной подъ именемъ Быховца)

Новая тенденція московскихъ государей вскорѣ подѣйствовала заразительно и на окружавшую ихъ среду Многія чисто русскія боярскія семьи повели свои родословныя отъ болѣе или менѣе знатныхъ иноземныхъ выходцевъ. Въ погонѣ за этими выходцами существовавшія дотолѣ родословныя прямо измѣнялись, и сочинялись даже подложныя грамоты. А разъ попавъ въ официальныя бумаги того времени, измышленные родоначальники потомъ получали право генеалогическаго гражданства. Вотъ почему едва-ли не большинство старыхъ боярскихъ (не княжескихъ) фамилій оказалось у насъ иноземнаго происхожденія. Съ теченіемъ времени, благодаря этой тенденціи выводить свои роды отъ иноземныхъ выходцевъ, распространившейся почти на все служилое сословіе, получился весьма странный выводъ: изъ числа болѣе чѣмъ 900 нашихъ дворянскихъ родовъ только 90 фамилій, т.-е. около 10%, могутъ быть отнесены къ русскому происхожденію! (См. проф. Загоскина „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія“. Очеркъ 3-й. Казань. 1876). Въ послѣднее время этотъ генеалогическій вопросъ значительно выяснился, благодаря нѣкоторымъ историческимъ трудамъ, каковы: Н. П. Петрова „Исторія родовъ русскаго дворянства“ Спб. 1888 г., А. П. Барсукова „Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія“ Спб. 1887 г., Д. Ѳ. Кобеко „О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской археологіи“. Спб. 1887 г. И его же: „Дополнительная замѣтка къ статьѣ о разработкѣ генеал. данныхъ“ въ Запискахъ Имп. Арх. Общ. Т. Ш. Спб. 1887 г. Надъ обличеніемъ генеалогическихъ басенъ особенно потрудился Н. П. Лихачевъ въ своей замѣчательной книгѣ „Разрядные дьяки XVI вѣка“. Спб. 1888 г.

Въ ряду сочиненныхъ такимъ образомъ родословій цѣлую большую группу представляютъ тѣ боярскія фамиліи, которыя, очевидно по примѣру московскихъ государей, начали выводить своихъ предковъ именно „изъ пруссъ“ или „изъ нѣмецъ“. Таковы Романовы-Юрьевы-Захарьины, Шереметевы, Морозовы, Шеины, Салтыковы, Воейковы и др. Н. П. Петровъ въ помянутомъ своемъ трудѣ боярскія фамиліи, „выѣзжія изъ пруссъ“, пытается произ-

вести изъ Новгорода, гдѣ была Прусская улица. Оттуда же, отъ новгородца Ратши, современника Александру Невскому, онъ выводитъ и фамилію Романовыхъ, но не совсѣмъ убѣдительно. Этихъ боярскихъ выѣздовъ изъ пруссъ еще нѣтъ въ государевомъ Родословцѣ, хранившемся въ Разрядномъ приказѣ и составленномъ въ 1555 году (Лихачевъ. Стр. 414); слѣдовательно легенды о нихъ начали слагаться со второй половины XVI вѣка.

Итакъ съ конца XV вѣка въ русской исторіи повторяется то же любопытное явленіе, какое мы указывали уже и съ половины XI-го: послѣ брака Ивана III съ греческой царевной Софьей царская родословная подвергается дальнѣйшему развитію въ смыслѣ иноземнаго происхожденія, которое впервые выступило на сцену послѣ брака Ярослава I съ шведскою королевною Ингигердою. Устраняя основанное на испорченномъ текстѣ смѣшеніе варяговъ съ русью, мы получаемъ легенду о призваніи варяжскихъ князей, какъ родоначальниковъ нашей первой династіи, т. е. получаемъ легенду чисто династическаго и генеалогическаго свойства. Это свое главнѣйшее положеніе мы выставили съ самаго начала своихъ Розысканій о началѣ Руси, когда въ исторической литературѣ еще не поднималось и вопроса о тенденціи древнерусскихъ подложныхъ родословій. Надѣюсь, что подтвержденіе моимъ главнымъ выводамъ приходитъ съ разныхъ сторонъ, и даже, какъ мы видѣли выше, отъ наиболѣе усерднаго противника моихъ Разысканій.

III.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ *).

В. Г. Васильевскаго „Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго". Спб. 1893.—*В. И. Сергѣевича* „Русскія юридическія древности". Спб. 1890—1893.

Свои труды по вопросу о происхожденіи Русскаго государства я считаю въ главныхъ чертахъ законченными на столько, что смѣло могу предоставить его детальную разработку тѣмъ будущимъ изслѣдователямъ, которые пойдутъ въ томъ же направленіи. Напомню важнѣйшіе мои выводы:

1. Призваніе варяжскихъ князей есть легенда, и при томъ по своему происхожденію не народнаго, а династическаго характера; поводомъ къ ней послужили наемныя варяжскія дружины и родственныя связи нашихъ князей съ скандинавскими, а также варяжская помощь, оказанная Владимиру Великому и Ярославу I при ихъ вокняженіи, т. е. во время борьбы съ братьями.

2. Въ первоначальномъ текстѣ лѣтописи *русь* несомнѣнно отличалась отъ *варяговъ*; а смѣшеніе ихъ произошло позднѣе, вслѣдствіе испорченнаго текста, и при томъ оно отразилось далеко не во всѣхъ лѣтописныхъ сводахъ.

3. Насколько говорятъ источники, скандинавскіе варяги являются на Руси только съ начала X вѣка и притомъ въ качествѣ наемной дружины у русскихъ князей.

4. Русь была великимъ туземнымъ и славянскимъ племенемъ, ившимъ въ краяхъ Приазовскихъ, Придонскихъ и Приднѣпровскихъ и извѣстнымъ у греко-римскихъ писателей подъ именемъ *Роксоланъ*.

---

*) *Русскій Архивъ*. 1895. Кн. 2.

5. Названіе „Роксолань“ есть книжное, сложное изъ *Рось* и *Алане*, въ родѣ такого же позднѣйшаго книжнаго ихъ названія у византійцевъ *тавро-скиѳы*. А собственное народное имя ихъ было просто *рось* или *русь*, которое находилось въ связи съ тѣмъ же названіемъ нѣкоторыхъ рѣкъ Восточной Европы.

Самый же важный, основной мой выводъ тотъ, что варяги и русь были два совершенно особые народа, что не существовало никакого племени варягоруссовъ и что въ ихъ случайномъ смѣшеніи заключается корень всего вопроса.

Болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняя полемика съ моими противниками-норманистами не уничтожила ни одного изъ этихъ положеній. Напротивъ, она помогла мнѣ вполнѣ утвердить свою *Роксоланскую теорію* происхожденія русскаго государства — происхожденія не съ Сѣвера отъ иноплеменныхъ заморскихъ варягъ, а съ Юга отъ туземныхъ славянскихъ руссовъ.

Что сказанныя сейчасъ слова не заключаютъ въ себѣ никакого неумѣстнаго хвастовства, тому доказательствомъ служитъ, между прочимъ, выше названная книга В. Г. Васильевскаго, изъ всѣхъ моихъ антагонистовъ наиболѣе потрудившагося надъ тѣмъ же вопросомъ, т.-е. его изслѣдованія житій свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Ранѣе авторъ печаталъ эти изслѣдованія въ Журналѣ М. Нар. Пр., а теперь соединилъ ихъ въ одну книгу, приложивъ и самые тексты и дополнивъ разными подробностями. Эта книга вышла года полтора тому назадъ; но, отвлеченный другими работами, я только теперь удосужился поговорить о ней печатно.

Первая часть книги посвящена изслѣдованію греческаго текста въ полномъ житіи св. Георгія, епископа Амастридскаго, скончавшагося въ началѣ IX вѣка, или собственно тому мѣсту этого житія, въ которомъ находится разсказъ о посмертномъ чудѣ святого, совершившемся во время нападенія на Амастриду (городъ на южномъ берегу Чернаго моря, т. е. въ Малой Азіи) варварскаго народа рось. Варвары хотѣли ограбить гробницу святого, но были поражены разслабленіемъ и немощью, отъ которыхъ избавились только тогда, когда ихъ князь или предводитель оказалъ почтеніе христіанскому Богу и освободилъ плѣнниковъ. Къ какому времени надобно отнести это нападеніе Руси, о томъ вопросъ былъ спор-

ный. Норманисты, особенно А. А. Куникъ, относили его конечно ко времени, послѣдовавшему за призваніемъ такъ наз. варяговъ-руси. Но теперь В. Г. Васильевскій точнымъ и детальнымъ анализомъ этого житія и историческихъ данныхъ, къ нему относящихся (напримѣръ его отношеніемъ къ иконоборству), доказываетъ, что не только событіе, т.-е. нападеніе руси, произошло вскорѣ послѣ кончины св. Георгія, но что и самое житіе его было написано еще въ первой половинѣ IX вѣка и даже ранѣе 842 года. Слѣдовательно, болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до такъ называемаго призванія изъ Скандинавіи въ Новгородъ небывалаго народа варяго-руссовъ, мы имѣемъ византійское извѣстіе о народѣ рось или русь, обитавшемъ гдѣ-то по сосѣдству съ Чернымъ моремъ, плававшимъ по этому морю и очевидно ничего общаго съ варягами не имѣвшимъ. Изслѣдователь изъ самаго житія извлекаетъ данныя (напр. сближеніе съ тавроскиѳами въ IX гл.), „указывающія на сѣверные берега Чернаго моря какъ на родину россовъ“ (CLI).

Житіе Георгія Амастридскаго дошло до насъ безъ имени автора. Г. Васильевскій по этому поводу предлагаетъ свою догадку: цѣлую VIII главу своей книги онъ посвящаетъ доказательствамъ того, что данное житіе написано извѣстнымъ въ византійской словесности IX вѣка діакономъ Игнатіемъ (впослѣдствіи митрополитомъ Никейскимъ), авторомъ нѣсколькихъ церковныхъ каноновъ и житій. Но, признаемся, доказательства его на сей разъ очень гадательны, и вопросъ объ авторѣ остается открытымъ.

Вторая половина изслѣдованія посвящена житію св. Стефана, архіепископа Сурожскаго, подвизавшагося въ VIII столѣтіи, въ эпоху иконоборства. Это житіе извѣстно по краткому греческому тексту и подробному славянскому. И тутъ, такъ же какъ въ предыдущемъ случаѣ, суть дѣла заключается въ одномъ изъ посмертныхъ чудесъ святого. А именно: русская рать, пришедшая будто бы изъ Новгорода и предводимая какимъ-то княземъ Бравлиномъ, опустошала Таврическій край отъ Корсуня до Керчи, и между прочимъ ворвалась въ городъ Сурожъ (Сугдея, нынѣ Судакъ). Когда Бравлинъ принялся грабить золотые сосуды и драгоцѣнную церковную утварь въ храмѣ св. Софіи, гдѣ находилась гробница Стефана, вдругъ лицо князя повернулось назадъ, и онъ впалъ въ разслабленіе, при чемъ ему привидѣлся самъ св. Стефанъ. Князь выздо-

ровѣлъ послѣ того, какъ велѣлъ воротить храму все ограбленное, и принялъ крещеніе изъ рукъ архіепископа Филарета. Такъ какъ Филаретъ былъ ученикомъ св. Стефана и преемникомъ его на Сурожской каѳедрѣ, то это обстоятельство позволяетъ пріурочить данное событіе, т.-е. нападеніе руссовъ на Сурожъ, опять таки къ первой половинѣ, а пожалуй и къ первой четверти IX вѣка. Хотя въ краткомъ греческомъ житіи посмертныхъ чудесъ нѣтъ, а они имѣются только въ пространномъ славянскомъ, но, на основаніи разныхъ соображеній и обстоятельствъ, изслѣдователь доказываетъ, что это славянское житіе въ своихъ существенныхъ частяхъ есть переводъ съ греческаго, до насъ не дошедшаго. Слѣдовательно, тутъ мы имѣемъ второе византійское свидѣтельство, которое подтверждаетъ существованіе народа руссовъ и русскихъ князей въ странахъ Припонтійскихъ гораздо ранѣе 862 года или такъ называемаго призванія небывалыхъ варягорусскихъ князей изъ Скандинавіи.

Надобно отдать полную справедливость В. Г. Васильевскому: изслѣдованіе его обильно снабжено учеными ссылками и комментаріями; оба житія разобраны и освѣщены въ наивозможно-достаточной степени; между прочимъ во второмъ изъ нихъ указаны любопытныя заимствованія изъ житій Іоанна Златоустаго и Петра митрополита. Но такъ какъ въ своихъ комментаріяхъ по поводу нападенія руссовъ на Амастриду и на Сурожъ авторъ вновь пересматриваетъ положеніе варяго-русскаго вопроса или собственно его послѣднюю постановку въ наукѣ, при чемъ по прежнему полемизуетъ со мною, то мнѣ волею-неволею приходится также вновь останавливаться на своихъ съ нимъ разногласіяхъ.

Мой почтенный антагонистъ все продолжительное время нашего ученаго спора о варягахъ-руси обнаруживаетъ въ высшей степени любопытную черту характера, а именно: никогда не сознаваться въ своихъ ошибкахъ и никогда не отдавать справедливости своему противнику.

Судите сами.

Около двадцати лѣтъ тому назадъ онъ выступилъ противъ моей постановки вопроса и моихъ главныхъ выводовъ, и рѣшительнымъ тономъ говорилъ въ защиту норманской теоріи вообще и тождества варяговъ съ русью въ частности, считая эту теорію прочно утвер-

жденною на научныхъ *столпахъ*. (См. Жур. М. Н. Пр. 1875, мартъ и Древ. и Нов. Рос. 1875. № 12). Въ послѣдующей полемикѣ онъ не разъ выступалъ также противъ моихъ главныхъ выводовъ, и еще въ 1888 году стоялъ за скандинавское происхожденіе руссовъ (Ж. М. Н. Пр. Сентябрь). А въ слѣдующемъ 1889 году, поповоду житія св. Стефана Сурожскаго (Ж. М. Н. Пр. май и іюнь), вдругъ круто повернулъ въ мою сторону, и теперь повторяетъ мое самое главное положеніе, которое, какъ выше сказано, я считаю основою или корнемъ всего вопроса, т.-е. что Русь была народомъ совершенно особымъ отъ скандинавскихъ варяговъ и при томъ туземнымъ, издревле обитавшимъ на югѣ теперешней Россіи. Къ этому выводу привело его въ особенности изслѣдованіе о двухъ названныхъ житіяхъ. Но, дѣлая этотъ крутой поворотъ, онъ не только не оговариваетъ своего прежняго громко заявленнаго норманофильскаго заблужденія и не только не сознается въ торжествѣ моего основного вывода, а еще находитъ возможнымъ упрекнуть меня въ томъ, что въ своихъ разысканіяхъ о началѣ Руси я только слегка коснулся означенныхъ двухъ нападеній руссовъ, не опредѣляя въ точности ихъ время и склоняясь къ болѣе поздней эпохѣ, хотя при этомъ все-таки замѣтилъ, что они „могли совершиться еще въ IX вѣкѣ“. Замѣчаніе это было мною сдѣлано тоже около двадцати лѣтъ тому назадъ, когда данныя житія еще не были никѣмъ достаточно обслѣдованы и когда мнѣнія о нихъ были разнорѣчивы, да и самые тексты еще не приведены въ полную извѣстность и не провѣрены. Любопытно, что за такое упущеніе лишняго аргумента, подтверждающаго мой главный выводъ, упрекаетъ меня не какой-либо усердный мой послѣдователь, а мой отъявленный антагонистъ (хотя и невольный послѣдователь въ данномъ выводѣ). Да мало ли еще какія могутъ быть впереди изслѣдованія и поправки, которыя подтвердятъ и другіе мои главные выводы? Неужели это будетъ служить мнѣ не одобреніемъ, а упрекомъ? Не могъ же я одинъ обработать всѣ возможныя детали обширнаго и сложнаго вопроса о происхожденіи русскаго государства. Если въ главныхъ чертахъ вопросъ поставленъ мною правильно, то все остальное постепенно распутается и разъяснится, что̀ уже и началось. Хотя на подобный упрекъ я уже отвѣчалъ Васильевскому (Рус. Вѣст. 1890. Январь), тѣмъ не менѣе со

свойственнымъ ему упорствомъ онъ повторяетъ его теперь въ новомъ соединенномъ изданіи своихъ изслѣдованій о двухъ названныхъ житіяхъ (стр. V и CLVI). Упорство это доходитъ до того, что онъ, не смотря на мое указаніе, и въ новомъ изданіи повторяетъ такую грубую ошибку, какъ чтеніе одного мѣста въ договорѣ Игоря съ греками безъ частицы *не*, откуда получается странный смыслъ: вмѣсто естественнаго условія не нападать на ихъ Корсунскую область, греки будто бы наоборотъ позволяютъ русскимъ „безпокоить Корсунь своими набѣгами“ (CLXXVII). Повторяются и обычныя фразы о моихъ „совсѣмъ особыхъ методахъ изслѣдованія“. (CLVI). Результаты, однако, показываютъ, что я съ своими особыми методами изслѣдованія пришелъ къ вѣрнымъ научнымъ выводамъ; а г. Васильевскому съ его методами приходится отступать отъ собственныхъ положеній передъ напоромъ моихъ аргументовъ; хотя, какъ я уже и прежде (въ помянутомъ отвѣтѣ) замѣтилъ — „онъ это дѣлаетъ съ соблюденіемъ военной тактики, т.-е. отступаетъ постоянно отстрѣливаясь“,

Вообще полемическіе пріемы В. Г. Васильевскаго оставляютъ желать многаго и особенно страдаютъ обычною ему неточностію. Напримѣръ, онъ обвиняетъ меня и Е. Е. Голубинскаго, по поводу бесѣды патріарха Фотія о нападеніи руссовъ, введеніемъ въ изданный преосв. Порфиріемъ текстъ „Русскихъ молотильщиковъ“. XXXVI). Относительно г. Голубинскаго указанъ томъ и страница, а обо мнѣ говорится голословно, и говорится напрасно; ибо я именно отвергъ этихъ молотильщиковъ, и у меня ихъ нѣтъ.

Не одни означенныя житія, изслѣдованныя моимъ противникомъ, подтверждаютъ вѣрность моего главнаго вывода (что Русь происхожденія туземнаго и притомъ Южнаго, а не Сѣвернаго въ Восточной Европѣ), а слѣдовательно и правильность моихъ методовъ. Ихъ все болѣе и болѣе подтверждаетъ почти каждое новооткрытое или новоисправленное историческое извѣстіе, относящееся къ той же эпохѣ. Таковы указанныя тѣмъ же В. Г Васильевскимъ торговыя сношенія русскаго Кіева съ нѣмецкимъ Регенсбургомъ и чешскою Прагою въ IX вѣкѣ (Ж. М. Н. Пр. 1888. Іюль). Таково въ особенности свидѣтельство арабскаго писателя Хордадбега о путешествіяхъ русскихъ купцовъ не только Чернымъ моремъ въ Византію, но и Каспійскимъ моремъ въ мусульманскія страны,

гдѣ они доходятъ до Багдада. Это свидѣтельство было извѣстно и прежде; но ради норманской теоріи его относили къ концу IX вѣка. Въ послѣднее время голландскій оріенталистъ Де Гуе, на основаніи болѣе исправнаго текста, доказалъ, что его надобно отнести къ первой половинѣ IX вѣка. Этотъ текстъ подтверждаетъ мой главный выводъ не только о туземствѣ Руси, но также о ея славянствѣ. Вторую половину этого вывода мой антагонистъ пытается отвергнуть.

Вотъ что́ говорится у Хордадбега:

„Что же касается *Русскихъ* (купцовъ)—*а они суть племя изъ Славянъ*,—то они направляются изъ дальнѣйшихъ концовъ Саклаба“ (славянскихъ странъ) и т. д „Иногда они привозятъ свой товаръ на верблюдахъ изъ города Джурджана въ Багдадъ. *И евнухи Славянскіе служатъ имъ здѣсь переводчиками*“ (XXVIII стр. у г. Васильевскаго).

Хордадбегъ тутъ ясно и категорично причисляетъ Русь къ народамъ славянскимъ или считаетъ ихъ соплеменниками. И если славяне служили русскимъ переводчиками, то очевидно языки ихъ были родственны и очень близки другъ къ другу. Нашъ противникъ высказываетъ иногда хорошія правила; но, къ сожалѣнію, онъ же самъ часто отъ нихъ отступаетъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ замѣчаетъ, что извѣстіе источника прежде всего надобно брать въ буквальномъ смыслѣ (CCXC); но это правило онъ прилагаетъ только тамъ, гдѣ такое извѣстіе не противорѣчитъ его излюбленнымъ теоріямъ, въ особенности его извѣстной славянобоязни. И вотъ, чтобы устранить непріятное ему свидѣтельство Хордадбега о славянствѣ руссовъ, онъ позволяетъ себѣ пускаться въ самыя произвольныя толкованія и пытается доказывать, что въ источникѣ тутъ *ошибка!* (CXXIX—CXXXI).

Аргументами противной стороны и новооткрытыми фактами постепенно вытѣсненный изъ сѣверной или нормано-скандинавской позиціи и отброшенный на югъ къ краямъ припонтійскимъ, В. Г. Васильевскій продолжаетъ отчаянно защищать теорію не славянскаго происхожденія Руси, и для того ищетъ теперь спасенія въ теоріи готскаго происхожденія (CCXCIX). Но никакихъ положительныхъ доказательствъ въ пользу этой теоріи онъ не представляетъ, да и представить не можетъ; ибо во всѣхъ источникахъ

русь и готы упоминаются какъ два разные, отдѣльные народа и нигдѣ не смѣшиваются. Это такая же мертворожденная теорія, какъ и хазарство Руси, проповѣданное покойнымъ Гедеоновымъ (а еще прежде Эверсомъ). Вся эта готская теорія у моего противника зиждется только на одномъ отрицательномъ аргументѣ. Константинъ Багрянородный будто бы „рѣзко отличалъ русскій языкъ отъ славянскаго и русь отъ славянъ точно такъ же, какъ и наша первоначальная лѣтопись". (CCXCVI). Странно видѣть у почтеннаго ученаго такое неточное и произвольное отношеніе къ источникамъ. Лѣтопись прямо говоритъ: „а Словѣнескъ языкъ и Русскій одинъ". Что же касается Константина Б., то нашъ противникъ ссылается на пресловутую параллель *русскихъ* и *славянскихъ* названій для днѣпровскихъ пороговъ. „Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что русскія названія пороговъ у Константина суть названія тоже славянскія, но только другого нарѣчія"—говоритъ онъ. „Замѣчанія Погодина *о двухъ славянскихъ языкахъ*, которые такимъ путемъ получатся, хотя и способны были разгнѣвать кое-кого, все-таки были справедливы и мѣтки" (т. же). Въ этомъ случаѣ опять мы видимъ обычное небрежное отношеніе нашего противника къ представленнымъ мною объясненіямъ или полное ихъ игнорированіе. Поэтому повторю вкратцѣ свое объясненіе.

Да, дѣйствительно тутъ дѣло идетъ о двухъ славянскихъ языкахъ или точнѣе народностяхъ: одна параллель принадлежала русскому племени, а другая, такъ называемая славянская, болгарскому. Мимоходомъ замѣчу, что болгарская стихія въ этой второй параллели была указана мною же, и г. Васильевскій голословно повторяетъ мое указаніе безъ ссылки. А между тѣмъ оно было у меня связано съ моими доказательствами славянства самихъ болгаръ и съ моимъ утвержденіемъ, что далеко не всѣ гунно-болгарскія племена перешли на нижній Дунай и что часть ихъ осталась въ Южной Россіи (именно Угличи). Я объяснялъ, что русская параллель древнѣе славянской, что она отчасти могла перейти къ руссамъ отъ предшествовавшихъ имъ мѣстныхъ обитателей и что славянскія названія не во всѣхъ случаяхъ представляютъ переводъ русскихъ, а только варіанты. И все-таки мы имѣемъ нѣсколько названій общихъ, каковы: *Есупи*, *Геландри* и

Струвунъ. Послѣднее русское названіе очевидно есть то же, что́ славянское *Островуни* или Островунь, хотя въ пареллели они не стоятъ другъ противъ друга. Это указываетъ на то, что въ передачѣ Константина не только нѣкоторыя названія искажены, но и параллели перепутаны. Поэтому русское *Варуфоросъ* мы также ставимъ противъ славянскаго *Веручи* (Вручій); тамъ и здѣсь корень одинъ: врети или варити; то и другое означаетъ варовой (кипящій) порогъ. При семъ я указалъ и на то, что самый Днѣпръ по Іорнанду у гунновъ назывался *Варъ*, а по Константину у печенѣговъ *Варухъ* или *Варучъ* (печенѣги, очевидно, это названіе усвоили отъ предшествовавшихъ туземцевъ). Русское слово *Аифаръ*, соотвѣтствующее славянскому *Неясыть*, насколько извѣстно, не встрѣчается ни въ скандинавскомъ, ни въ готскомъ языкахъ; оно могло дѣйствительно существовать въ древнемъ русскомъ, но потомъ утратилось подобно многимъ другимъ (не было ли оно варіантомъ слова *Аистъ?*). Что нѣкоторыя названія пороговъ у Константина дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія: это доказываютъ неподдающіяся никакимъ удовлетворительнымъ толкованіямъ Русское *Леанти* и славянское *Напрези*; да и общее названіе *Есупи* (если вѣрно, что оно значило „не спи“) записано неточно, т.-е. слѣдовало его написать *Несупи*. Извѣстно, что данная параллель въ наименованіи пороговъ привэдится только одинъ разъ; мы не имѣемъ никакихъ средствъ провѣрить ее и во всѣхъ случаяхъ установить вѣрное произношеніе *).

А затѣмъ, если русь употребляла какія-либо геогрфпческія названія, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что *всѣ* эти названія должны быть объяснены изъ современнаго русскаго языка.

---

*) Кстати относительно *русскихъ* названій двухъ пороговъ Ульворси и Варуфоросъ (т. е. второй половины этихъ сложныхъ названій) могу привести еще слѣдующій фактъ. Въ договорѣ 1269 года Новгорода съ Нѣмцами говорится о порогахъ Волховскихъ, при чемъ одинъ изъ нихъ называется *Ворщъ* или *Форщъ*: venerint ad torrentem, qui dicitur Vorsch. Но можно также думать, что это было имя нарицательное, т. е. обозначавшее вообще пороги, такъ какъ лоцманы тутъ называются Vorschkerle. (Бунге—Urkunden Buch I. Никитскій—Чт. О. И. Д. 1893. I. 146). Повидимому, это названіе еще въ XIII вѣкѣ существовало въ мѣстномъ нарѣчіи, а потомъ утратилось. *Поздн прим.*

Возьмемъ, напримѣръ, рѣку Днѣпръ, средоточіе древней Руси. Изъ русско-славянскаго языка его названіе никто не объяснитъ. Точно также не объяснимы изъ сего языка днѣпровскіе притоки, извѣстные съ древней эпохи, каковы: Сожъ, Сула, Самара, Ирпень, Ворскла и т. п., хотя намъ въ точности извѣстны ихъ правописаніе и произношеніе. А другіе, наоборотъ, объяснимы, каковы: Десна, Березина, Тетеревъ, Трубежъ и т. д. Равно и древнія имена пороговъ: одни могутъ быть объясняемы, а другія при настоящихъ нашихъ средствахъ не могутъ; но это нисколько не противорѣчитъ принадлежности русскаго племени къ славянской семьѣ.

Что когда-то у русскихъ были нѣкоторыя географическія названія, отличныя отъ другихъ восточныхъ славянъ, тому ясный слѣдъ сохранился въ нашей лѣтописи, и я на него тоже указывалъ: „И стояше на мѣстѣ нарицаемомъ Ерелъ, его же Русь зоветъ Уголъ“. Тутъ *Ерелъ* является не переводомъ русскаго названія *Уголъ*, а его варіантомъ, и точно также отзывается формою Болгарскою. А относительно терминовъ *Русь* и *Славяне*, независимо отъ византійскихъ и арабскихъ извѣстій, и наши отечественные источники употребляютъ ихъ до XII или XIII вѣка. Такъ въ Русской правдѣ отличаются *Русинъ* и *Словенинъ*, въ тѣсномъ смыслѣ кіевлянинъ и новгородецъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что языкъ кіевлянъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ новгородцевъ. Я уже неоднократно объяснялъ, что названіе *Славяне* есть позднее названіе и что оно распространялось весьма постепенно на славянскіе народы, преимущественно книжнымъ путемъ, вмѣстѣ съ Славянскою грамотою. Это названіе въ значеніи племеннома въ источникахъ появляется только въ VI вѣкѣ, и не ранѣе V-го, въ формѣ *Склавины*. Въ IX и X вѣкахъ оно обнимаетъ уже большую часть славянскихъ народностей, но не всѣхъ. Русь, какъ господствующій народъ надъ родственными ей племенами Восточной Европы, именно славянами, себя не называла и ревниво сохраняла свое собственное имя. Всѣ эти мои указанія г. Васильевскому, при его методахъ, угодно было игнорировать, потому что опровергнуть ихъ онъ не можетъ. Пусть онъ попробуетъ, напримѣръ, доказать, что въ VI вѣкѣ славянами или склавинами источники называютъ какое-либо другое племя кромѣ того, которое

занимало часть Иллиріи и Паннонiи, т.-е. кромѣ сербо-хорватославонцевъ.

Вообще любопытное явленіе представляетъ нашъ почтенный историкъ, пытающійся вполнѣ историческій вопросъ перенести на почву филологическую при помощи нѣсколькихъ собственныхъ именъ, тогда какъ разъясненіе подобныхъ именъ составляетъ самую слабую сторону филологической науки. А въ исторической наукѣ слабую сторону самого В. Г. Васильевскаго составляютъ аналогіи. Онъ пытается рѣшать историческіе вопросы безъ аналогій. Поэтому у него и выходятъ вещи въ научномъ смыслѣ невозможныя: какое нибудь сильное господствующее племя, въ родѣ русскаго или болгарскаго, вдругъ взяло да и перемѣнило свою собственную рѣчь на языкъ подчиненнаго племени, сравнительно слабаго и никакою высшею культурою не обладавшаго. Въ такомъ случаѣ развѣ мы не въ правѣ спросить: гдѣ же историческіе законы, гдѣ же историческая наука? Вѣдь работы надъ критическимъ сравненіемъ кодексовъ, тщательнымъ изданіемъ текстовъ, подборомъ цитатъ и всякаго рода комментаріевъ—все это работы пріуготовительныя, справочныя, болѣе или менѣе механическія. Все это прекрасно и полезно; но гдѣ же собственно историческая-то критика и научное историческое творчество, основанное на широкомъ сравнительномъ фундаментѣ? Этнографическія свидѣтельства источниковъ, конечно, не такъ многочисленны и большею частію не такъ категоричны какъ географическія, и потому требуютъ бо́льшаго напряженія мысли, болѣе критическаго такта и фактическихъ сопоставленій для рѣшенія вопроса, а простое отрицаніе только обличаетъ въ историкѣ пренебреженіе сими условіями. Съ другой стороны трудно и даже невозможно теперь ученому отвергать многія прямыя указанія источниковъ на туземство Руси и географическое пріуроченіе ея къ Азовско-Черноморскимъ краямъ. Вотъ почему г. Васильевскій уже не находитъ возможнымъ оспаривать долѣе этотъ фактъ, но онъ продолжаетъ отрицать мое отождествленіе руси съ роксоланами. А между тѣмъ оно само собою вытекаетъ изъ того же географическаго факта: тамъ, гдѣ обитали роксолане, упоминаемые греко-латинскими писателями отъ I до VIII вѣка включительно, тамъ же въ IX вѣкѣ обозначается народъ рось. А какъ ни оспаривайте голословно ихъ

тождество, это названіе *Русь*, очевидно, составляетъ первую половину въ сложномъ названіи *Роксоланъ* (собственно россоланъ). Да и самъ мой антагонистъ, констатируя тѣсное сосѣдство россовъ и аланъ въ Азовско-Черноморскомъ краѣ (см. II главу изслѣдованія о житіи св. Стефана), еще болѣе подтверждаетъ мое положеніе. Во всякомъ случаѣ это положеніе гораздо естественнѣе его совершенно-невѣроятнаго предположенія, что русское названіе *Тмутаракань* (образованное изъ греческаго *Таматарха*) родственно готамъ-тетракситамъ или, какъ онъ придумываетъ, *Тметракситамъ*. Научная невозможность такого словопроизводства была уже мною указана, но г. Васильевскій со свойственнымъ ему упорствомъ голословно повторяетъ свой домыселъ (CCXCIX). Тутъ же онъ предается и другимъ отчаяннымъ этимологическимъ толкованіямъ въ родѣ того, что „въ самыхъ звукахъ слова Тавроскиѳы есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усѣченіямъ, могло выработаться названіе Росъ“. Слѣдовательно *Русь*, по его мнѣнію, есть ничто иное какъ средній звукъ въ словѣ Тав-*рос*-киѳъ. Полагаю, что далѣе въ сферѣ этимологическихъ измышленій идти некуда. Уже одно то, что названіе русь или русь есть чисто туземно-русское, а названіе этого народа Тавроскиѳами употреблялось въ книжномъ языкѣ византійцами въ IX—XII вѣкахъ, дѣлаетъ такое измышленіе совершенно напраснымъ. Тогда и тождественное названіе нѣкоторыхъ рѣкъ Восточной Европы, напримѣръ Русь, впадающая въ Днѣпръ, окажется не туземнымъ, а навязаннымъ намъ тоже греками. Увлекаясь теперь готскимъ происхожденіемъ Руси, г. Васильевскій толкуетъ, будто названіе тавроскиѳы именно означало готовъ; такъ какъ „у римскихъ и греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. скиѳами назывались готы“ (CCXCVII). Въ томъ-то и дѣло, что въ III и IV вѣкахъ; а писатели византійскіе IX — XIII вѣковъ скиѳами называли совсѣмъ другіе народы. Историку-византинисту это подобало бы хорошо знать *).

*) Точно также, по поводу его спора со мною относительно церкви Варяжской Богородицы въ Константинополѣ и якобы православнаго исповѣданія тамъ Варяговъ (*Разыск.* 365), ему бы слѣдовало знать слѣдующій фактъ. Въ 1053 г. патріархъ Михаилъ Керулларій велѣлъ запереть въ столицѣ храмы, въ которыхъ производилось богослуженія по обряду Латинской церкви. (Неандеръ. II.319. Со ссылкою на письмо папы Льва IX). *Поздн. прим.*

Кстати о Тмутараканскомъ княжествѣ или Русской Таврическо-Таманской области. Въ своихъ изысканіяхъ я посвятилъ много вниманія этой области; указалъ на нее какъ на древнюю составную часть русскихъ владѣній; опредѣлилъ, что извѣстіе Ибнъ Хаукала о третьей Руси *Артанія* (первая Куява, вторая Славія относится именно къ Тмутаракани, и прослѣдилъ судьбы этого Русскаго княжества отъ половины X вѣка почти до конца XI. Около полутораста лѣтъ Тмутараканскій край находился во владѣніи русскихъ князей по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ; а, благодаря означеннымъ выше двумъ житіямъ, извѣстію о русскихъ письменахъ въ житіи св. Кирилла и нѣкоторымъ другимъ даннымъ, начало русскаго княжества, смѣнившаго собою хазарское владычество въ томъ краѣ, можетъ быть отодвинуто въ IX и даже въ VIII вѣкъ. Слѣдовательно, мы получаемъ почти трехвѣковое существованіе русскаго господства въ Керченско-Таманскомъ краю. Что же дѣлаетъ г. Васильевскій въ данномъ своемъ изслѣдованіи? Онъ совершенно игнорируетъ русскій періодъ въ исторіи этого края; хазарское владычество здѣсь смѣняетъ прямо византійскимъ (CLXXII), и вообще находитъ присутствіе всѣхъ возможныхъ народовъ въ той странѣ, только не славянской Руси! [1]).

Но какъ бы непріязненно В. Г. Васильевскій ни относился къ моимъ изысканіямъ въ вопросѣ о происхожденіи Руси, я все-таки долженъ повторить ему мою усердную благодарность за то, что онъ много помогалъ двигать впередъ этотъ вопросъ и все болѣе и болѣе его разъяснять. Послѣ того какъ скончался Погодинъ и замолчалъ А. А. Куникъ, это единственный ученый, который работаетъ надъ вопросомъ и даетъ мнѣ возможность углубляться въ него хотя бы и вслѣдствіе нашихъ съ нимъ разногласій. Есть другіе

---

[1]) Вообще въ данной книгѣ мы встрѣчаемъ многочисленные примѣры игнорированія моихъ изысканій, или по духу противорѣчія, или просто по небрежности и забывчивости. Укажу еще на городъ Саркелъ, котораго положеніе опредѣлено мною на переволокѣ между Дономъ и Волгою. В. Г. Васильевскій тѣмъ не менѣе помѣщаетъ его на устьяхъ Дона (CXXII) и не замѣчаетъ своего разногласія хотя, бы съ Константиномъ Багрянороднымъ, который говоритъ что „Танаисъ течетъ отъ Саркела“. Неужели это извѣстіе онъ понимаетъ такъ что Танаисъ течетъ снизу вверхъ?

ученые, которые печатно высказывали или высказываютъ свое несогласіе со мною, но какъ-то мимоходомъ, голословно, не входя въ разборъ аргументовъ, а потому не представляя почти никакого матеріала для научной полемики или просто для научной бесѣды

Данный трудъ моего антагониста о двухъ житіяхъ, кромѣ подтвержденія моего главнаго положенія (объ исконномъ существованіи Руси въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ) представляетъ возможность удовлетворительнѣе объяснить одно извѣстіе нашей лѣтописи, которое доселѣ оставалось труднообъяснимымъ. А именно, извѣстіе о варяжскомъ и вмѣстѣ христіанскомъ отрокѣ, на котораго въ Кіевѣ палъ жребій быть принесеннымъ въ жертву языческимъ богамъ. Я пытался предполагать тутъ искаженіе первоначальнаго текста, т.-е. замѣну русина варягомъ, сдѣланную подъ вліяніемъ уже происшедшаго въ лѣтописи смѣшенія этихъ двухъ разныхъ народностей. Но греческій текстъ житія Георгія Амастридскаго бросаетъ лучъ свѣта на сіе мѣсто лѣтописи. По поводу нападенія руссовъ на Амастриду, житіе, описывая ихъ грубые звѣрскіе нравы, между прочимъ указываетъ на сохранявшійся у нихъ древній таврическій обычай *ксеноктоніи*, т.-е. закаланія иностранцевъ въ жертву своимъ богамъ. А таврическая ксеноктонія, извѣстная изъ исторіи Ифигеніи, именно требовала дѣвицъ и дѣвственныхъ юношей. В. Г. Васильевскій самъ сближаетъ этотъ фактъ со словами нашей лѣтописи: „мечемъ жребій на отрока и на дѣвицу, на кого же падетъ, того зарѣжемъ богамъ“. (CL). Хотя при семъ онъ говоритъ, что этотъ обычай „былъ не чуждъ и германскимъ племенамъ“, имѣя въ виду, конечно, палюбленныхъ теперь готовъ; но мы позволяемъ себѣ сблизить эти два извѣстія въ прямомъ ихъ смыслѣ, и получаемъ довольно достовѣрное объясненіе тому факту, что кіевляне въ данномъ случаѣ хотѣли принести въ жертву именно не своего, не русскаго отрока, а варяжскаго, т.-е. иноземнаго. Что варяги въ это время жили въ Кіевѣ, пришедши туда въ качествѣ наемныхъ дружинниковъ или гостей-торговцевъ, и что нѣкоторые изъ нихъ могли быть уже христіанами — о томъ едва ли возможенъ споръ.

Покончивъ съ изслѣдованіями В. Г. Васильевскаго, скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ вышепомянутыхъ ученыхъ,

которые голословно не соглашаются съ моими изысканіями или просто ихъ игнорируютъ и продолжаютъ преспокойно толковать о призваніи варяго-русскихъ князей, какъ о началѣ русскаго государства и Русской націи.

Нѣмецкія и Западно-Европейскіе историки въ особенности упорствуютъ въ своей отсталости относительно даннаго вопроса, и даже тѣ изъ нихъ, которые извѣстны нѣкоторыми спеціальными трудами по Русской исторіи. Въ ихъ числѣ находится талантливый французскій писатель Альфредъ Рамбо, авторъ французскаго учебника Русской исторіи. Въ настоящее время издается многотомная Histoire générale du IV siècle à nos jours подъ редакціей Рамбо и Лависъ. И что же мы тамъ находимъ? Начальное славянство вообще изображается по Шафарику; болгары все еще, по нѣмецкому и шафарикову домыслу, выдаются за туранцевъ; а происхожденіе Руси связано все съ тою же баснею о призваніи небывалыхъ варяго-руссовъ. Авторъ сего изданія (Е Дени) очевидно не имѣетъ никакого понятія о новыхъ изслѣдованіяхъ русскихъ ученыхъ; а судя по его библіографіи, онъ руководствовался жалкой нѣмецкой компиляціей Шимана въ извѣстной коллекціи Онкена, тенденціозной брошюрой Томсена „о происхожденіи Русскаго государства“ въ нѣмецкомъ переводѣ и означеннымъ учебникомъ самого Рамбо, который явился безусловнымъ послѣдователемъ лжетолкованій норманской школы. Нѣтъ сомнѣнія, что невѣдѣніе по даннымъ вопросамъ еще долго будетъ царить въ западной исторіографіи, благодаря въ особенности пристрастному къ нимъ отношенію нѣмцевъ.

Но можно ли строго укорять иностранныхъ писателей за незнаніе новыхъ изслѣдованій о началѣ Руси, когда наши отечественные ученые отличаются тѣмъ же незнаніемъ или отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ? Въ прошлыхъ своихъ статьяхъ объ этомъ предметѣ я указывалъ на нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ ученыхъ и профессоровъ, упорствующихъ въ своемъ слѣпомъ норманизмѣ. Въ числѣ ихъ встрѣчаются и такіе почтеннѣйшіе спеціалисты собственно по исторіи русской церкви, какъ профессора Духовныхъ Академій, Московской и Кіевской, Е. Е. Голубинскій и И. И. Малышевскій. Въ настоящей своей статьѣ укажу на таковыхъ же спеціалистовъ по исторіи русскаго права.

Судя по изданнымъ профессорскимъ курсамъ этого права, только А. В. Романовичъ-Славатинскій съ свойственной ему рѣшительностію говоритъ о призваніи варяго-русскихъ князей какъ о *легендѣ* („Система Русскаго госуд. права въ его историко-догматич. развитіи". Ч. I. Кіевъ. 1886. Стр. 40—41). Но и онъ не имѣлъ мужества сослаться при семъ на мои изслѣдованія: ибо, сколько мнѣ извѣстно, ранѣе меня никто собственно не доказывалъ легендарный характеръ сказанія о призваніи. Пресловутая скептическая школа Каченовскаго вообще оспаривала достовѣрность нашей начальной лѣтописи, а собственно надъ варяго-русскимъ вопросомъ она не останавливалась. Я же, наоборотъ, сей достовѣрности вообще нисколько не отрицаю, а только отрицаю достовѣрность даннаго сказанія, которое соотвѣтствуетъ такимъ же легендарнымъ сказаніямъ о началѣ государства у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

За этимъ небольшимъ исключеніемъ, наши историко-юристы обыкновенно игнорируютъ новую постановку вопроса и продолжаютъ стоять на баснословномъ, невозможномъ происхожденіи Русскаго государства и антинаучномъ смѣшеніи руси съ варягами. Для образца укажу на курсы двухъ достоуважаемыхъ профессоровъ Петербургскаго и Кіевскаго университетовъ, М. Ф. Владимирскаго-Буданова и В. И. Сергѣевича. Первый курсъ, озаглавленный „Обзоръ исторіи Русскаго права" (Кіевъ 1886), безъ всякой критики цитуетъ и принимаетъ за историческіе факты всѣ домыслы и сужденія лѣтописца объ отдаленномъ для него времени и голословно повторяетъ басню о призваніи варяго-русскихъ князей; но въ то же время признаетъ, что князья на Руси уже существовали до призванія и что „князья-варяги застали вездѣ готовый государственный строй". (4) Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ихъ призывали? Вообще весь древнѣйшій періодъ въ этомъ курсѣ построенъ на разныхъ фразахъ лѣтописца, подчасъ весьма легковѣрнаго, какъ на какихъ-то математическихъ данныхъ. Отсюда нерѣдко чисто фактическія ошибки. Напримѣръ, началомъ замѣны мѣстныхъ князей Рюриковичами считается призваніе Владимира въ Новгородъ (5). Между тѣмъ въ Новгородѣ сидѣлъ удѣльнымъ княземъ еще отецъ Владимира Святославъ при жизни своего отца Игоря великаго князя Кіевскаго (Извѣстіе о томъ у Конст. Б.) Первое кіевское поселеніе будто бы было на горѣ, а не на Подолѣ (7), тогда

какъ археологическія изысканія доказываютъ противное. Будто существовала какая-то родовая община *Увѣтичи* (3); тогда какъ въ лѣтописи здѣсь несомнѣнное искаженіе; первоначально стояло „у Витичева“ (дѣло идетъ о съѣздѣ князей); а малограмотный списатель сдѣлалъ изъ сего небывалыя *Увѣтичи* (См. „моей Исторіи Россіи т. I, прим. 47). Это именно одинъ изъ тѣхъ примѣровъ порчи первоначальнаго лѣтописнаго текста, которые наглядно подтверждаютъ мой выводъ, что въ сказаніи о призваніи стояло: послаша или рѣша „къ Варягомъ *Русь*, Чудь, Словени, Кривичи“ и пр. А переписчики потомъ совершенно исказили текстъ одной только замѣной буквы *ь* въ *и*. Такимъ образомъ явилось чтеніе: „послаша къ Варягомъ *Руси*, Чудь, Словени, Кривичи и пр. Откуда и произошелъ небывалый народъ варяги-русь.

Такое же полное игнорированіе моихъ изслѣдованій находимъ и у В. И. Сергѣевича, какъ въ его „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права“ (Спб. 1883), такъ и въ его „Русскихъ юридическихъ древностяхъ“. (Два выпуска. Спб. 1890 — 1893). Второй трудъ составляетъ въ сущности переработку перваго, и такъ какъ онъ позднѣйшій, выражающій настоящіе историко-юридическіе взгляды и выводы автора, то мы остановимся на немъ по преимуществу.

Авторъ „Русскихъ юридическихъ древностей“, подобно предыдущему, беретъ на вѣру разныя фразы изъ начальныхъ страницъ лѣтописи какъ будто какія-нибудь данныя математически точныя, и на нихъ строитъ свои положенія о древнѣйшемъ періодѣ; исходнымъ пунктомъ у него также служитъ баснословное извѣстіе о призваніи варяжскихъ князей. Таковы, напримѣръ, его разсужденія или точнѣе домыслы о началѣ и составѣ русскихъ городовъ, объ отношеніи къ нимъ пригородовъ и волостей; причемъ не только Псковъ, но и Ростовъ Великій у него является пригородомъ Новгорода, присоединеннымъ къ нему вмѣстѣ съ Полоцкомъ при Рюрикѣ; на Новгородъ Великій будто бы не простиралась власть Олега, потому что онъ не упомянутъ въ Олеговомъ договорѣ (4—17). А между тѣмъ лѣтопись ясно говоритъ, что Олегъ „устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля еже до смерти Ярославле даяше Варягомъ“; что по моему объясненію указываетъ на содержаніе въ Новгородѣ варяжской наемной

дружины, которую дѣйствительно мы тамъ находимъ при Владимирѣ и Ярославѣ. Слѣдовательно о неподчиненіи Новгорода Олегу и рѣчи быть не можетъ. Вотъ эта-то наемная варяжская дружина вмѣстѣ съ родственными связями русскихъ и скандинавскихъ князей, по моему крайнему разумѣнію, и послужила поводомъ къ позднѣйшему домыслу о дани, платимой варягамъ, и о призваніи Варяжскихъ князей Новгородцами.

Далѣе г. Сергѣевичъ, говоря о распространеніи названія русь на Русскія области отъ небывалыхъ варяго-руссовъ, повторяетъ опять лѣтописную путаницу, происшедшую отъ искаженія первоначальнаго текста, о которомъ онъ повидимому никогда и не слыхивалъ. „Этихъ варяговъ, замѣчаетъ авторъ, лѣтописецъ называетъ русью. Провѣрить его въ этомъ пунктѣ до сихъ поръ не удалось еще нашимъ ученымъ“. „Вопросъ о варягахъ-руси вызвалъ весьма обширную литературу, представляющую много поучительнаго. Но для юридическихъ древностей онъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе“. А далѣе авторъ какъ бы несогласенъ съ лѣтописью и предлагаетъ собственный домыселъ, о томъ, что имя русь распространилось изъ Кіева, и другія славянскія племена приняли его „вслѣдъ за распространеніемъ книжнаго просвѣщенія“, „знакомясь съ содержаніемъ кіевской литературы“. (85—88). Эти страницы подтверждаютъ, что автору юридическихъ древностей и въ 1890—93 годахъ все еще оставались неизвѣстными (по содержанію, а не по имени) не только мои изслѣдованія, но и вышеуказанныя изслѣдованія В. Г. Васильевскаго; иначе онъ могъ бы легко очертить взаимное отношеніе такихъ двухъ различныхъ народностей какъ варяги и русь, не прибѣгая къ собственному домыслу о столь великой роли кіевской литературы (т.-е. славянской же письменности) въ распространеніи имени русь; а также ему тогда не пришлось бы утверждать, будто провѣрить лѣтопись въ этомъ пунктѣ еще не удалось нашимъ ученымъ. Въ дѣйствительности эта провѣрка уже сдѣлана и сказала свое рѣшительное, безповоротное слово.

Невозможно также согласиться и съ тѣмъ, будто сей вопросъ имѣетъ слишкомъ отдаленное значеніе для юридическихъ древностей. Напротивъ, имѣетъ очень близкое значеніе, и потому точное знакомство съ нимъ обязательно для историка-юриста. Возь-

мемъ, напримѣръ, договоры руси съ греками въ X столѣтіи. Объ этихъ договорахъ г. Сергѣевичъ довольно пространно толкуетъ въ своихъ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“. Но тутъ очевидно его путаютъ два обстоятельства: во-первыхъ, онъ не подозрѣваетъ существованія такихъ же договоровъ еще въ первой половинѣ IX вѣка; а во-вторыхъ, ему какъ бы неизвѣстны давнишнія сосѣдскія отношенія грековъ съ русью въ краяхъ Азовско - Черноморскихъ. Затѣмъ, еслибы авторъ не по слуху только, а фактически ознакомился съ новою постановкою вопроса о происхожденіи Русскаго государства, то онъ не пришелъ бы къ слѣдующему положенію: „Древняя Россія не знала сословій. Они народились только въ Московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши“. (Рус. Юрид. Древ. I. 161). Возьмемъ хотя бы боярство. Уже съ самаго начала Русской исторіи оно является сложившимся, ясно очерченнымъ и притомъ чисто русскимъ, туземнымъ (а не пришлымъ изъ-за моря) землевладѣльческимъ сословіемъ. Попасть въ это сословіе простолюдину или смерду было трудно; по крайней мѣрѣ, до XII столѣтія мы можемъ указать только одинъ случай, да и то основанный на лѣтописномъ преданіи, именно о Янѣ Усмовичѣ (См. моей „Исторіи Россіи“ т. I. ч. 2, стр. 295). Вообще у нашихъ историковъ-юристовъ совсѣмъ ингорируется роль русскихъ дружинъ при основаніи Русскаго государства. Эти дружины, выходившія изъ сильнаго славянорусскаго племени, жившаго въ данную эпоху по преимуществу на среднемъ Днѣпрѣ, оружіемъ объединили большую часть Восточной Европы подъ властію своего княжескаго рода, сидѣвшаго въ Кіевѣ; онѣ то и составили высшій классъ населенія въ подчиненныхъ областяхъ, слившись съ верхними слоями мѣстныхъ обитателей. Далѣе В. И. Сергѣевичъ, при помянутомъ выше условіи, не тратилъ бы много времени и мѣста на разсужденія о родовомъ или патріархальномъ бытѣ, черезъ стадію котораго будто бы „прошли всѣ культурные народы“. Онъ разсуждаетъ собственно о теоріи родового быта, какою она является въ Исторіи покойнаго С. М. Соловьева, съ которымъ по сему поводу вступаетъ въ полемику. Но такъ же, какъ и Соловьевъ, авторъ смѣшиваетъ княжескіе родовые счеты съ родовымъ бытомъ вообще; а относительно княжескихъ счетовъ большею частію не правъ въ данной своей

полемикѣ. Причемъ онъ напрасно языческую эпоху смѣшиваетъ съ христіанской, и всѣ лѣтописныя фразы, относящіяся къ языческой эпохѣ, также принимаетъ какъ бы за математическія данныя (Рус. Юр. Др. II. Послѣдняя глава и предыдущая).

Я не могу пожаловаться на то, чтобы достоуважаемый В И. Сергѣевичъ былъ незнакомъ съ моей „Исторіей Россіи“ вообще. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ „Новь“, я встрѣтилъ его указаніе на два или на три мелкихъ недосмотра, которые онъ отыскалъ въ моемъ трудѣ. Но очевидно онъ только и читалъ его съ этою цѣлью, и потому не воспользовался имъ, чтобы въ свою очередь самому избѣжать разныхъ недосмотровъ. Кромѣ указанныхъ сейчасъ невѣрно поставленныхъ основныхъ пунктовъ русской государственной жизни, онъ и въ дальнѣйшихъ эпохахъ представляетъ нѣсколько ошибочныхъ положеній и сужденій Приведу примѣры.

„Древнѣйшія указанія на окольничихъ относятся къ первой половинѣ XIV вѣка“ (Р. Юр. Древ. I. 385). Нѣтъ, окольничій упоминается уже въ XIII вѣкѣ, именно въ Смоленскѣ. (См. прим. 78 ко II т. моей „Исторіи Россіи“). Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ этого званія у него обозначены двѣ спеціальности окольничаго: 1, ѣхать передъ государемъ и устраивать все необходимое въ пути, 2, представлять государю иностранныхъ пословъ. Но пропущено третье ихъ назначеніе, участіе въ судѣ; на что̀ указываетъ Судебникъ 1497 г.; онъ былъ изданъ для руководства „какъ судить боярамъ и окольничимъ“. (У меня ibid. стр. 522). Напомнимъ автору еще и то, что въ вѣдѣніи окольничихъ находилось поле, т. е. судебные поединки. Подобная же ошибка на цѣлое столѣтіе встрѣчается относительно стряпчихъ. „Но въ памятникахъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы только и узнаемъ о стряпчихъ, они уже такъ не называются“ (Р. Ю. Др. I. 464). Стряпчіе упоминаются съ XVI вѣка. (См. у меня къ т. III. Прим. 74. Кромѣ того Древ. Рос. Вивл. XIII. 39). Несовсѣмъ вѣрно г. Сергѣевичъ объясняетъ дѣло о Псковскихъ смердахъ, о которыхъ отрывочно и довольно невразумительно говорятъ псковскія лѣтописи подъ 1484—1486 гг. Авторъ усмотрѣлъ тутъ цѣлую аграрную революцію, а подъ „обидными людьми“ разумѣетъ „землевладѣльцевъ, на земляхъ которыхъ сидѣли смерды“. (Р. Ю Др. I. 167—

169). Никакой аграрной ни „революціи“, ни „реформы“ въ этомъ дѣлѣ не заключается, а „обидные люди“ означаютъ жалобщиковъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы освободить смердовъ отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей и даней государю Пскову и сохранить только дани псковскому князю (См. моей „Исторіи Россіи“ т. II. 481—482 и проф. Никитскаго „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“ гл. IV).

Ограничусь приведенными сейчасъ указаніями, сдѣланными только для примѣра, и не буду перечислять разныхъ другихъ спорныхъ пунктовъ, касающихся въ особенности княжеской власти и вѣчевыхъ порядковъ (2-й выпускъ). Это могло бы составить предметъ особаго разбора *). Перейду прямо къ общему заключенію по поводу даннаго труда, далеко еще незаконченнаго.

Какъ ни почтенъ этотъ трудъ, т.-е. „Русскія юридическія древности“; но надо признаться, что онъ былъ бы еще почтеннѣе, еслибы явился на свѣтъ въ нѣсколько иной формѣ. Вмѣсто подражанія не совсѣмъ удобной системѣ Якова Грима въ его Deutsche Rechtsalterthumer лучше было бы взять за образецъ книгу Шерюеля Dictionnaire Historique des institutions, moeurs et coutumes de la France, только сузивъ его слишкомъ широкую программу и сосредоточивъ свою работу на извѣстныхъ сторонахъ государственнаго и общественнаго быта. Я разумѣю *словарь* русскихъ юридическихъ древностей. Вотъ въ чемъ чувствуется у насъ настоятельная потребность. Задача справочной книги конечно потребовала бы и болѣе строгой системы и болѣе тщательной обработки; съ ней былъ бы несовмѣстимъ многословный, расплывчатый характеръ лекцій или очерковъ при ихъ неравномѣрномъ и довольно случайномъ распредѣленіи матеріала. Но зато польза была бы несравненно бо́льшая. Главною или центральною эпохою для такого словаря конечно должны быть взяты XV, XVI и XVII вѣка, т.-е. періодъ Московской Руси, со всѣми административными,

*) Впрочемъ не было недостатка въ критическихъ разборахъ на эту часть Юридич. древностей, когда она болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ впервые появилась въ формѣ магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: „Вѣче и князь“. Москва 1867 г. Особенно заслуживаютъ вниманія рецензіи професс. Градовскаго и Самоквасова. Но В. И. Сергѣевичъ, перерабатывая и вновь издавая свою диссертацію, слишкомъ мало воспользовался ихъ указаніями.

судебными и экономическими терминами того времени. По возможности точное, сжатое опредѣленіе ихъ, подкрѣпленное гдѣ нужно избранными цитатами изъ источниковъ и снабженное указаніями на первоисточники и пособія—вотъ въ чемъ должна состоять основная задача подобнаго словаря. Полагаю, русская историко-юридическая наука достаточно созрѣла и накопила столько матеріала, что можетъ смѣло предпринять составленіе подробной справочной книги. Поэтому нѣтъ даже особой нужды, чтобы какой-либо ученый на одного себя взялъ исполненіе задачи. Если онъ станетъ во главѣ этого дѣла, опираясь на собственные труды, и возьметъ на себя руководительство и редакціонную часть, то болѣе или менѣе подходящіе сотрудники конечно найдутся. Кому же какъ не В. И. Сергѣевичу, съ его многочисленными товарищами и учениками, подобаетъ предпринять такое въ высшей степени полезное изданіе. А что онъ сдѣлалъ бы для Московской или Сѣверовосточной Руси, то же самое лучше всего могъ бы совершить М. Ф. Владимірскій-Будановъ, съ своими товарищами и учениками, для Руси Литовской или Югозападной, надъ которою онъ уже въ значительной степени потрудился.

Этимъ pium desiderium я закончу свои настоящія замѣтки.

IV.

НОВЫЙ ПОБОРНИКЪ ОТЖИВШИХЪ ТЕОРІЙ *).

Историко-критическая замѣтка.

Интересующимся начальной исторіей славянъ и руси конечно извѣстно, что вашъ покорнѣйшій слуга уже болѣе двадцати пяти лѣтъ ведетъ почти непрерывную борьбу съ норманской и туранской теоріями, совершенно исказившими и затемнившими начальную славянскую и русскую исторію и что за этотъ періодъ времени ни одно сочиненіе противниковъ, сколько-нибудь заслуживающее вниманія, не осталось безъ критическаго отзыва съ его стороны.

На сей разъ имѣемъ передъ собой нѣсколько мелкихъ изслѣдованій и разсужденій, относящихся къ данной исторической области и принадлежащихъ кіевскому профессору-филологу Ю. А. Кулаковскому. А именно: „Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка“ (Визант. Времен. 1896. № 1), „Къ вопросу объ имени города Керчи“ (Сборникъ статей въ честь Ѳ. Е. Корша. М. 1896), „Гдѣ находилась Вичинская епархія Константинопольскаго патріархата“ (Византійскій Временникъ. 1897. № 3) и „Къ исторіи Готской епархіи (въ Крыму) въ VIII вѣкѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1898. Февраль). Третье изслѣдованіе, о Вичинской епархіи, не затрогиваетъ основныхъ вопросовъ, т.-е. о народности древнихъ болгаръ и руссовъ и, на нашъ взглядъ, доказательно пріурочиваетъ данную епархію къ нынѣшней Добруджѣ. При семъ авторъ

*) Русскій архивъ 1898. Кн. 4.

вполнѣ основательно указываетъ на тяготѣніе кіевской Руси къ нижнему Дунаю и на живыя связи съ Болгаріей въ первый періодъ Русской исторіи.

Наше разногласіе съ достоуважаемымъ авторомъ по основнымъ вопросамъ относится къ тремъ другимъ помянутымъ изслѣдованіямъ. Прежде скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ изъ нихъ, т.-е, „Къ исторіи Готской епархіи“.

Тутъ между прочимъ рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ епархіяхъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріархату и лежавшихъ въ сторонѣ Тавриды и Кавказа; таковы епархіи: Готовъ, Хотзиръ, Астиль, Хвалисъ, Оногуровъ, Ретегъ, Унновъ и Тиматарха. Изъ нихъ первая и послѣдняя не представляютъ затрудненій при опредѣленіи своего положенія и отчасти народности: Готія находилась въ южной части Крыма и имѣла своимъ средоточіемъ городъ Доросъ (Мангупъ-Кале), а Таматарха лежала на Таманскомъ полуостровѣ. Но въ послѣднемъ случаѣ авторъ изслѣдованія совершенно произвольно считаетъ этотъ полуостровъ „древнимъ мѣстожительствомъ готовъ-тетракситовъ“. Очевидно, онъ безъ всякой критики принялъ мнѣніе В. Г. Васильевскаго, который этихъ тетракситовъ сблизилъ съ названіемъ таматарха (см. мое возраженіе въ „Рус. Вѣст“. 1890. Январь).—Вторая епархія, т.-е. Хотзиръ, по мнѣнію автора, обозначала Хазаръ и помѣщалась въ восточной части Крыма, по сосѣдству съ Фуллами (которыхъ по положенію онъ, съ вѣроятностію, пріурочиваетъ къ Эски-Крыму или Солхату, а по народности, гадательно, къ Аланамъ). Народности Хазаръ авторъ не опредѣляетъ и повидимому отождествляетъ ихъ то съ турками, то съ гуннами. Мое мнѣніе о пришломъ турецкомъ и туземномъ черкесскомъ элементахъ въ составѣ Хазарскаго царства осталось ему неизвѣстнымъ (*Разыск. о началѣ Руси.* 237 и слѣд. 257).

Епархія *Астиль* съ достовѣрностію объясняется въ смыслѣ *Итиль* или *Атель*; такъ называлась и столица волжскихъ хазаръ, и самая рѣка Волга. Но ссылкой на то, что „у чувашей и донынѣ сохраняется это древнее имя Волги, въ формѣ *Адаль*“, онъ даетъ понять, такъ-сказать, не арійское, а туранское происхожденіе имени. (Очевидно, вслѣдъ за г. Куникомъ, онъ считаетъ чувашей остатками гунновъ). А между тѣмъ указанный

фактъ ничего не доказываетъ. Волга у мордвы называется *Ра*; но это слово есть не что̀ иное какъ сокращенное древнее названіе *Аракс*ъ, по иранскому произношенію *Арас*ъ—названіе совсѣмъ не туранское. (См. *Разыск. о началѣ Руси.* 519—520).

Далѣе, названіе епархіи *Хвалис*ъ авторъ справедливо сближаетъ съ нашими лѣтописными Хвалисами и моремъ Хвалисскимъ или Хвалынскимъ (Каспійскимъ), пріурочиваетъ ее приблизительно къ устьямъ Волги и хвалисовъ полагаетъ сосѣдями или отождествляетъ съ гуннами-савирами. —Наконецъ, оставивъ въ сторонѣ необъяснимую пока епископію *Ретег*ъ, двѣ остальныя епископіи, *Оногуров*ъ и *Унновъ*, онъ пріурочиваетъ къ Кубани и Крыму, но безъ достаточной опредѣленности; при чемъ не воспользовался моими изысканіями и аналогіями по поводу вопроса о гуннахъ-болгарахъ вообще и крещеніи гунно-болгарскаго князя *Горда* въ частности (*Разыск. о нач. Руси* 229 и слѣд.). Г. Кулаковскій очевидно считаетъ гуннскія племена вообще туранскими, но какой именно народности, этого онъ себѣ не уяснилъ. Мои сближенія савировъ съ сѣверянами (*Разыск.* 279), а хвалисовъ съ валынянами (*Дополнит. полемика.* 35) и вообще вся система доказательствъ славянства гунновъ остались ему неизвѣстны. Представляя нѣкоторыя новыя объясненія въ деталяхъ, его изслѣдованіе ничего не даетъ по относящимся сюда основнымъ вопросамъ.

Перейдемъ къ его статьямъ о Боспорѣ Киммерійскомъ и объ имени города Керчи.

Первая изъ нихъ трактуетъ о городѣ Боспорѣ, по поводу одной таманской надписи, прежде пріуроченной Бёкомъ къ XII вѣку, а нынѣ, по изслѣдованію академика Латышева, относимой къ VI-му. Настоящая статья отправляется отъ этого изслѣдованія и входитъ въ нѣкоторыя подробности относительно Боспора и сосѣднихъ варварскихъ народовъ, т.-е. гунновъ, аланъ, хазаръ, аваръ и пр. По этому поводу сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Во-первыхъ, г. Кулаковскій, говоря о гуннскомъ князѣ, принявшемъ христіанство во времена Юстиніана Великаго, не называетъ этого князя болѣе достовѣрнымъ его именемъ *Гордъ*, а унорно повторяетъ его варіантъ въ формѣ *Гродъ*, конечно для того, чтобы не давать ему славянскаго происхожденія и не дѣлать его аналогичнымъ, напримѣръ съ именами *Блудъ*, *Храбръ*, *Дютъ*, и не

сближать, съ византійскимъ военачальникомъ изъ славянъ *Всегордомъ*, близкимъ по времени къ данному Горду, и т. п. (См. *Розыск. о нач. Руси.* 234). Далѣе, аваръ или вархонитовъ авторъ, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, считаетъ тюркской ордой. Никто ихъ тюркизма научно не доказалъ, а существуютъ только разныя мнѣнія объ ихъ народности. И тутъ автору статьи остались неизвѣстными мои соображенія и аргументы о двойственномъ составѣ аварскаго народа (изъ собственныхъ аваръ и гунновъ), откуда и явилось ихъ сложное названіе *Вархониты* (у Менандра) или Варъ-Хунни (у Симокаты). Гунны были славяне, а господствующее у нихъ племя варъ или аваръ я отношу къ кавказской лезгинской расѣ, согласно съ Бёкомъ въ его трактатѣ о Макрокефалахъ. (См. *Разыск. о нач. Руси.* 243—247 и 556). Г. Кулаковскій это народное имя аваръ или варъ отождествляетъ съ мадьярскимъ словомъ *var*, которое будто бы значитъ рѣка, при чемъ ссылается на замѣчаніе Момзена въ его изданіи Іордана. У меня нѣтъ подъ руками этого изданія. Во всякомъ случаѣ, такъ ли? Сколько мнѣ извѣстно, мадьярское *var* значитъ городъ, крѣпость, замокъ, и оно нерѣдко встрѣчается въ названіяхъ городовъ, напримѣръ: *Темешваръ*, *Унгваръ* и проч. А Момзенъ въ своемъ изданіи устранилъ прежнее слитное чтеніе Hunnivar, породившее представленіе о какой-то гуннской области на Днѣпрѣ, называвшейся *Гуниваръ*. Онъ установилъ чтеніе: quam (т.-е. рѣку Днѣпръ) lingua sua Hunni Var appellant. Отсюда узнаёмъ, что Днѣпръ у гунновъ назывался *Варъ*. Это названіе какъ и *Гордъ*—одинъ изъ многихъ признаковъ славянства гунновъ. Еще до поправки въ чтеніи означеннаго мѣста я приводилъ сіе слово въ связь съ древнимъ названіемъ одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ, *Варуфоросъ* и съ названіемъ Днѣпра *Варухъ* или *Варучъ*. Такимъ образомъ и самая поправка, сдѣланная Момзеномъ, можно сказать, была почти предусмотрѣна мною (*Разыск. о нач. Руси.* 535. *Дополнит. полемика.* 15). Наконецъ, г. Кулаковскій говоритъ о болѣе раннемъ появленіи болгаръ на Дунаѣ, чѣмъ это было доселѣ принято въ исторіографіи, на основаніи легенды о Кувратѣ и его сыновьяхъ. Но онъ игнорируетъ мои *Розысканія*, гдѣ такое положеніе было развито гораздо ранѣе его и гораздо подробнѣе (стр. 171 и слѣд.).

Теперь „Къ вопросу объ имени города Керчи".

Въ извѣстномъ памятникѣ 1068 года, т.-е. въ надписи на тмутраканскомъ камнѣ, древняя столица Боспорскаго царства, Боспоръ или Пантикапея, названа *Кърчевъ* или *Корчевъ*. Является вопросъ: когда возникло это названіе, въ эпоху собственно русскаго владычества или ранѣе его? Авторъ разсужденія, сближая нѣкоторыя извѣстія (Ибнъ-Дасты, Іордана и др.), старается доказать, что данное названіе существовало уже не только въ хазарскую, но и въ до-хазарскую или гуннскую эпоху, и его доказательства не лишены вѣроятности. Но къ какому же языку надобно отнести это названіе? Вѣрный своему туранизму, авторъ обратился за помощью къ спеціалистамъ по татарскимъ наречіямъ; таковые хотя „допускали возможность тюркскаго происхожденія этого слова, но не рѣшались однако дать опредѣленную его этимологію". Въ Тверской губерніи есть городъ Корчева, и почти тождество этого названія съ Корчевомъ (различіе только въ родѣ) бросается въ глаза само собою. Сближеніе ихъ уже было сдѣлано г. Щегловымъ; но только сей послѣдній оказался финоманомъ и „самую Корчеву произвелъ отъ Мордовскаго *корже*, что̀ значитъ „лѣвый". Производство, на нашъ взглядъ, просто невозможное; а между тѣмъ г. Кулаковскій замѣчаетъ, „что этимологія этого имени изъ финскихъ языковъ не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго историческимъ даннымъ" Какимъ же это историческимъ даннымъ? „Въ той массѣ племенъ, которыя обнималъ терминъ *Гуннскіе народы*, финскій элементъ имѣлъ, повидимому, преобладающее въ численномъ отношеніи значеніе сравнительно съ тюркскимъ". Итакъ смутныя гаданія туранистовъ о какомъ-то тюрко-финскомъ составѣ гуннскихъ народовъ (съ помощію *повидимому*, *вѣроятно*, и т. п.) выставляются „историческими данными". Между тѣмъ *Корчева* конечно одного корня съ *корчага*, *корчма*, *корчевка* и т. п. По словарю Даля, *корчева* значитъ собственно мѣсто, расчищенное изъ-подъ лѣса (выкорчеванное). Если установить славянское происхожденіе въ названіи древняго Корчева (нынѣ Керчи), то это названіе, явившееся въ эпоху гуннскую, было бы лишнимъ фактомъ, говорящимъ о славянствѣ гунновъ; но г. Кулаковскій старательно устраняетъ аргументы, противорѣчащіе какъ туранской теоріи происхожденія

гунновъ и болгаръ, такъ и норманскаго происхожденія Руси. Выше мы видѣли, какъ *Гордъ* тщательно превращается въ *Гродъ*, какъ славяногуннское *Варъ* толкуется мадьярскимъ *Var*. А въ данной статьѣ онъ между прочимъ извѣстія арабскаго писателя Хордадбега относитъ ко второй половинѣ IX вѣка, при чемъ игнорируетъ поправку голландскаго оріенталиста Дегуйе, который доказываетъ принадлежность его первой половинѣ сего столѣтія и тѣмъ наноситъ лишній ударъ и безъ того въ корнѣ подорванной норманской теоріи происхожденія Руси.

Въ заключеніе мы должны отдать справедливость тщательной обработкѣ многихъ деталей въ данныхъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ. Но повторяемъ, по отношенію къ главнымъ. кореннымъ вопросамъ эти изслѣдованія или ничего не даютъ, или представляютъ результаты только отрицательные. А чтобы подойти къ рѣшенію такихъ вопросовъ, недостаточно филологической подготовки; тутъ, вмѣстѣ съ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній, требуется умѣнье обнять всю совокупность данныхъ, разобраться въ массѣ фактовъ и свидѣтельствъ, нерѣдко сбивчивыхъ и даже противорѣчивыхъ, нужно пониманіе непреложныхъ историческихъ законовъ, основанное на массѣ наблюденій и аналогій, нужны безпристрастіе и свобода отъ предвзятыхъ мнѣній, стремленіе къ абсолютной исторической правдѣ, строго-логичное или научно-критическое мышленіе и т. п. Я выставляю конечно идеальныя требованія, отъ бо́льшаго или меньшаго удовлетворенія которымъ и зависитъ правильное рѣшеніе главныхъ историческихъ вопросовъ.

По всѣмъ признакамъ г. Кулаковскій не удосужился ознакомиться съ моими Разысканіями по вопросамъ о руси, болгарахъ и гуннахъ, и естественно ихъ замалчиваетъ. А если и ознакомился, то развѣ только съ первыми статьями, въ которыхъ найдется нѣкоторое количество неудачныхъ филологическихъ или этимологическихъ толкованій. Поэтому мои антагонисты, когда ссылаются, то обыкновенно не на дальнѣйшее развитіе изысканій, а только на эти первыя статьи или точнѣе на эти мелкіе недосмотры, не имѣющіе никакого серьезнаго значенія въ общей постановкѣ главныхъ вопросовъ и въ системѣ существенныхъ аргументовъ. Любопытно было бы встрѣтить со стороны новаго поборника от-

живших теорій сколько-нибудь систематическое опроверженіе моихъ доводовъ, хотя бы относящееся къ одному какому-либо изъ главныхъ моихъ положеній. Между прочимъ, по поводу одного вышеприведеннаго примѣра, я позволяю себѣ высказать и такое положеніе: кто громадную гуннскую семью народовъ, занимавшую пространство отъ Каспія до средняго Дуная и всю Европу потрясшую въ своихъ основаніяхъ, считаетъ неизвѣстно куда пропавшею и дошедшею до насъ только въ видѣ чувашскаго народца, тотъ понятія не имѣетъ о важнѣйшихъ историческихъ законахъ и о научномъ значеніи историческихъ аналогій.

По поводу помянутаго выше Хордадбега, приведу слѣдующую свою замѣтку изъ № 22 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1890 годъ:

„Историко-археологическая поправка".

Въ № 20 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ отчетѣ объ утреннемъ засѣданіи восьмаго Археологическаго съѣзда, происходившемъ 18 января, вкралось недоразумѣніе по поводу реферата Д. А. Хвольсона *О русскихъ у арабскаго писателя первой половины IX вѣка Ибнъ-Хордадбега.* По сему отчету выходитъ будто я былъ въ числѣ горячихъ оппонентовъ профессора референта. Въ дѣйствительности происходило совсѣмъ наоборотъ. Я указалъ на его сообщеніе какъ на чрезвычайно важное подтвержденіе моей теоріи о туземномъ и славянскомъ происхожденіи Руси, которое я отстаиваю уже въ теченіе почти 20 лѣтъ. Извѣстіе Ибнъ-Хордадбега, прежде относимое къ концу IX вѣка, теперь, по изслѣдованію голландскаго оріенталиста Дегуйе, должно быть отнесено въ первой половинѣ этого вѣка, то-есть къ эпохѣ предшествовавшей такъ-называемому призванію Варяговъ. А въ этомъ извѣстіи говорится, что русскіе купцы ѣздили въ Азію и даже торговали въ Багдадѣ, и что тамъ переводчиками для нихъ служили Славяне (плѣнники или невольники). Слѣдовательно, языки Руссовъ и Славянъ были родственны и понятны другъ другу. Единственное мое возраженіе профессору Хвольсону состояло въ томъ, что онъ предлагалъ *Аль-Узана,* имя одного народа, обитавшаго въ Восточной Европѣ по Масуди (арабскій писатель X вѣка), съ помощью коньектуры обратить въ *Нур-*

маны, въ виду извѣстнаго мѣста начальной Русской лѣтописи о Варягахъ Руси. Я возразилъ ему что по послѣднимъ изысканіямъ это мѣсто оказывается искаженнымъ позднѣйшими списателями и составителями лѣтописнаго свода; что въ первоначальномъ текстѣ *Русь* и *Варяги* стояли рядомъ, но какъ два разные народа. Смѣшеніе ихъ въ одинъ народъ произошло въ позднѣйшемъ, испорченномъ текстѣ. Что касается оживленныхъ преній, то въ этомъ засѣданіи я дѣйствительно принималъ въ нихъ участіе, но не противъ профессора Хвольсона, моего единомышленника по данному вопросу, а противъ его оппонентовъ, послѣдователей Норманской теоріи, которые разными натяжками и гадательными соображеніями пытались ослабить значеніе Хордадбегова свидѣтельства, столь наглядно подрывающаго эту теорію".

Въ числѣ помянутыхъ здѣсь оппонентовъ тогда съ особеннымъ усердіемъ выступалъ г. Милюковъ. А въ настоящее время, какъ мы видѣли, пѣнное изслѣдованіе Дегуйе игнорируется и г. Кулаковскимъ. Вотъ наглядный примѣръ, тому, каковы ихъ научные пріемы въ данныхъ вопросахъ.

V.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Еще о поборникахъ отжившихъ теорій *).

Мы уже имѣли случай указать читателямъ *Русскаго Архива* на нѣкоторыя изслѣдованія достоуважаемаго профессора-филолога Ю. А. Кулаковскаго (см. 1898 г. въ кн. 4 нашу замѣтку „Новый поборникъ отжившихъ теорій"). Теперь укажемъ на новыя его работы, несомнѣнно относящіяся къ области начальной Славянской и Русской исторіи; хотя этого отношенія онъ собственно не признаетъ и продолжаетъ поддерживать все тѣ же отжившія теоріи. Имѣемъ передъ собою двѣ его послѣднія работы, изданныя въ Кіевѣ въ 1899 г. и тѣсно между собою связанныя, а именно: „Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей" и, посвященная XI Археологическому съѣзду, „Карта Европейской Сарматіи по Птолмею".

Оба эти сочиненія заключаютъ въ себѣ много любопытнаго и цѣннаго матеріала, извлеченнаго изъ писателей древнихъ и комментированнаго при помощи новыхъ. Но тамъ, гдѣ дѣло касается народности сарматовъ, роксоланъ, болгаръ и гунновъ, авторъ въ комментаріяхъ своихъ остается при прежней односторонности, то-есть держится исключительно теорій антиславянскихъ.

Хотя предметомъ одного сочиненія служатъ алане, которые источниками причисляются къ сарматскимъ народамъ, а другое сочиненіе посвящено спеціально Сарматіи, авторъ однако менѣе всего занимается разъясненіемъ вопроса: кто такое были сарматы

*) *Русскій Архивъ. 1900* .

вообще и два ихъ главные народа, языги и роксолане, въ частности? Онъ просто довольствуется положеніемъ, что „принадлежность (ихъ) къ Иранской вѣтви Арійской расы возведена въ современной наукѣ на степень прочно установленнаго факта“ (*Алане.* 2); причемъ имѣются въ виду по преимуществу Мюлленгофа Deutsche Alterthumskunde и изслѣдованія професс. В. Ѳ. Миллера объ осетинахъ. Но г. Кулаковскій очевидно и не подозрѣваетъ, что такое положеніе есть только, такъ сказать, предварительное, а не окончательное рѣшеніе вопроса. Иранская вѣтвь въ свою очередь не представляла одного сплошного народа, а распадалась на разные народы и языки. Напримѣръ, къ ней, кромѣ мидо-персовъ, несомнѣнно принадлежали алане; къ ней же могутъ быть относимы и славяне, какъ восточно-европейскіе, такъ и дунайскіе; наконецъ, къ ней можно съ вѣроятностью причислить литву.

Въ своихъ „Разысканіяхъ“ (Дополнит. полемика) и „Очеркахъ изъ всеобщей исторіи“ я имѣлъ случаи изложить результаты работъ и наблюденій надъ сармато-славянскимъ вопросомъ. Тамъ я достаточно разъяснялъ, что недоразумѣнія и путаница въ начальной Славянской исторіи произошли „изъ простого и, можно сказать, наивнаго смѣшенія исторіи славянскихъ народовъ съ исторіей самаго ихъ названія *славянами*“. (Доп. пол. 100). Названіе это является въ VI вѣкѣ или не ранѣе конца V вѣка; является оно въ формѣ *склавины* и первоначально обозначало только часть придунайскихъ славянъ, именно вѣтвь сербо-хорвато-славонскую; а уже впослѣдствіи мало-по-малу, книжнымъ путемъ, распространилось на другіе славянскіе народы, и позднѣе другихъ на русскій. Такимъ образомъ изъ видового это названіе постепенно обратилось въ родовое.

Въ концѣ концовъ, увы! мы должны признать, что наше родовое названіе произошло не отъ „славы“ или „слова“, а отъ латинскаго Sclavus, т.-е. рабъ. Точно такъ же и племенное имя сербовъ произошло отъ однозначащаго латинскаго Servus. Ключъ къ объясненію даютъ намъ преимущественно извѣстія Амміана Марцеллина, писателя IV вѣка, о дунайскихъ сарматахъ, одна часть которыхъ называлась Sarmatae Liberi, а другая Sarmatae Servi. Для послѣдняго названія варіантомъ очевидно служило Sarmatae Sclavi, перешедшее потомъ въ Sclavini, а послѣднее въ

славяне, т.-е. получившее уже иное осмысленіе. Впрочемъ не должно толковать и это названіе въ буквальномъ смыслѣ рабовъ. Servi и Sclavi тутъ означали собственно народы, побѣжденные сосѣдями и обложенные данью, т.-е. зависимые или вассальные. По яснымъ и непререкаемымъ свидѣтельствамъ греко-римскихъ писателей, часть сарматскихъ народовъ передвинулась изъ Черноморскихъ степей въ Паннонскія равнины въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Параллельно съ этимъ движеніемъ отъ нижняго Дуная, совершалось другое движеніе сармато-славянъ изъ Восточной Европы на Западъ, по бассейну Вислы, Одера и Эльбы. Самое Балтійское море у того же Птоломея именуется „Сарматскимъ океаномъ“. Оба эти движенія сходились на средне-дунайской полосѣ. Слѣдовательно вотъ съ какого времени западные славяне водворились въ подунайскихъ странахъ, а никакъ не въ VI вѣкѣ, когда появилось названіе *Склавины*, пока еще чуждое массѣ Сарматъ оставшихся въ Восточной Европѣ.

Такова суть моего взгляда на первоначальную Славянскую исторію и на происхожденіе ихъ родового имени. Г. Кулаковскій, при своемъ безусловномъ поклоненіи отжившимъ теоріямъ, остается въ невѣдѣніи этой новой постановки вопроса; по крайней мѣрѣ не упоминаетъ о ней ни единымъ словомъ. Само собой разумѣется, что поэтому онъ никакого удовлетворительнаго отвѣта не дастъ вамъ, если вздумаете спросить его: куда же дѣвался весь этотъ огромный міръ восточныхъ и западныхъ сарматовъ? А между тѣмъ онъ же приводитъ цитаты, явно указывающія на то, что передъ глазами греко-римлянъ уже со временъ около Р. Х. скиѳо-варварскій міръ распадался на двѣ главныя половины: сарматовъ и германцевъ, т.-е. славянъ и нѣмцевъ. Напримѣръ, вотъ какъ выражаются писатели I вѣка. Плиній: Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatos atque Germanos. Тацитъ: Peucinorum..... nationes Germanis seu Sarmatis adscribam, dubito (*Алане*. 8). Но, подавленный массой видовыхъ названій и всякаго рода мелочей въ своихъ источникахъ, г. Кулаковскій очевидно, какъ спеціалистъ филологъ, не можетъ подняться до историческихъ обобщеній и потому рабски слѣдуетъ своимъ нѣмецкимъ авторитетамъ въ вопросахъ Славянской исторіи. Положимъ, существуютъ у насъ и спеціалисты-историки, ему единомышленные; но тѣ совсѣмъ не

углубляются въ данные вопросы и относятся къ нимъ крайне поверхностно.

Между прочимъ любопытны его выводы о гуннахъ: опять повтореніе разныхъ домысловъ, ни на чемъ серьезномъ не основанныхъ. Извѣстно, что Птоломей, писатель II вѣка, упоминаетъ ихъ въ числѣ народовъ Восточной Европы, помѣщая въ сосѣдствѣ роксоланъ и бастарновъ. Г. Кулаковскій видитъ въ нихъ тюркское племя, будто бы отдѣлившееся отъ китайскихъ *Хіунгну* въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. и передвинувшихся на далекій западъ. Авторъ однако сознается, что о такомъ передвиженіи ничего неизвѣстно; но оно якобы доказывается тюркскимъ именемъ рѣки Урала *Даикъ*, т.-е. Яикъ, встрѣчающимся у того же Птоломея (Карта Евр. Сарм. 24, со ссылкою на сочиненіе Томашека). Но, во-первыхъ, происхожденіе и значеніе имени Даикъ остается все-таки темнымъ; а, во-вторыхъ, неизвѣстно, какому народу оно принадлежитъ. Въ примѣчаніи авторъ указываетъ на нѣкоторыя фразы источниковъ, какъ бы различающія гунновъ европейскихъ и азіатскихъ; но извѣстно, что для писателей того времени Азія начиналась за Дономъ, а не въ Китаѣ, какъ это и обозначено на картѣ Птоломея. И вотъ на такихъ-то болѣе чѣмъ шаткихъ основаніяхъ дѣлаются столь важные выводы! Гдѣ же тутъ сколько-нибудь научные пріемы и методы? Гдѣ же научно-критическое отношеніе къ досужимъ домысламъ Дегиня и его послѣдователей, смѣло передвигающихъ народы, куда имъ вздумается, въ своемъ воображеніи? Довольно подробный пересмотръ гуннскаго вопроса помѣщенъ въ моихъ *Разысканіяхъ*. Достоуважаемый г. Кулаковскій находитъ, что гораздо легче ихъ игнорировать и повторять старые домыслы чѣмъ представить какое-либо дѣльное возраженіе *).

*) Кстати. Въ *Запискахъ* Восточнаго Отдѣленія Археолог. Общества (Т. XIII. Вып. I. Спб 1900. Протоколы № VI) извѣстный нашъ оріенталистъ и академикъ В. В. Радловъ сдѣлалъ сообщеніе, относящееся къ „Изслѣдованію д-ра Гирта о родословной Аттилы“. Этотъ Гиртъ совершенно гадательно устанавливаетъ связь китайскихъ Хіонгну или Хунну съ гуннами на основаніи Туроча, венгерскаго писателя конца XV вѣка! Я бы нашимъ современнымъ туранистамъ рекомендовалъ внимательно и не одинъ разъ прочесть то, что разсказываетъ Прискъ Панійскій о гуннахъ, Аттилѣ и его столицѣ, и пусть они укажутъ хотя какія-либо спеціально татарскія черты. (См. Записки Археол. Общ. т. XI. Вып. 3. Спб. 1900. Изданіе В. В. Латышева). *Позд. примѣч.*

Вотъ еще образчикъ его слѣпого поклоненія нѣмецкимъ домысламъ въ тѣхъ же вопросахъ.

По поводу извѣстной росписи болгарскихъ князей, найденной покойнымъ Андр. Н. Поповымъ, г. Кулаковскій замѣчаетъ: „Маркварднъ объяснилъ самымъ простымъ и вѣроятнымъ образомъ цифры правленія двухъ первыхъ князей, Авитохола 300 лѣтъ и Ирника 150, а именно временемъ правленія двухъ династій“ (*Алане* 42). Въ дѣйствительности это объясненіе самое искусственное и самое невѣроятное. Не говоря уже о натяжкѣ Маркварда при удлиненіи жизни (или правленія) Ирника со 108 на 150 лѣтъ, о династіяхъ подъ этими цифрами не можетъ быть рѣчи потому, что на нихъ указано въ самой росписи: и Авитохолъ, и Ирникъ были изъ рода *Дуло*, слѣдовательно принадлежали къ одной и той же династіи. Далѣе въ росписи прямо говорится, что впослѣдствіи Кормисошъ перемѣнилъ царствующій родъ Дуловъ на другой. Поэтому, и послѣ сего объясненія, я могу, впередъ до болѣе вѣроятнаго, спокойно остаться при своемъ предположеніи, что „загадочный Авитохолъ это никто иной какъ самъ Аттила, которому, какъ человѣку необыкновенному, народныя преданія болгаръ успѣли придать полумиѳическій характеръ, снабдивъ его трехсотлѣтнимъ возрастомъ“. (*Разысканія*, 510).

На послѣдней страницѣ своей брошюры о Сарматіи авторъ мимоходомъ касается „того обстоятельства, что римскія монеты, находимыя на территоріи нынѣшнихъ Волынской, Кіевской и Полтавской губерній, относятся преимущественно ко временамъ Антониновъ и не идутъ дальше Септимія Севера“. Когда въ 1890 г. на VIII Археологическомъ съѣздѣ (въ Москвѣ) это именно обстоятельство было поставлено на видъ Д. Я. Самоквасовымъ, мною было предложено посильное объясненіе. Я привелъ его въ непосредственную связь съ войнами второго столѣтія, Дакійскою и Великою Маркоманскою, въ которыхъ, кромѣ даковъ и германцевъ, подверглись римскому погрому сарматскіе, т.-е. славянскіе народы. Эти народы тогда были потѣснены римлянами изъ Придунайскихъ мѣстъ и частію удалились обратно въ свои прежнія болѣе сѣверныя и сѣверо-восточныя жилища, унося съ собою легкое имущество, въ томъ числѣ конечно и римскія монеты. Симъ римскимъ погромомъ и обратнымъ движеніемъ славянъ отъ Дуная я позво-

лилъ себѣ также объяснить то извѣстное мѣсто русской начальной лѣтописи, гдѣ она приводитъ какое-то темное преданіе о нашествіи волоховъ (римлянъ) на дунайскихъ славянъ и происшедшемъ отсюда разселеніи ихъ по Вислѣ, Днѣпру, Припети, Деснѣ, Сулѣ и т. д. Само собой разумѣется, что мои объясненія остались неизвѣстны автору изслѣдованія „Европейской Сарматіи по Птоломею"—изслѣдованію, повторяю, по многимъ подробностямъ цѣнному и любопытному.

Хотя это изслѣдованіе и было посвящено XI Археологическому съѣзду (второму Кіевскому), однако на съѣздѣ, кажется, не было о немъ доклада. Но вопросъ о сарматахъ былъ все-таки слегка затронутъ, и вотъ по какому поводу.

Однимъ изъ славянскихъ гостей, многоуважаемымъ чешскимъ профессоромъ Нидерле, было сдѣлано любопытное сообщеніе о находкахъ въ Венгріи такихъ предметовъ, которые носили очевидные слѣды славянскаго происхожденія. Но его, сколько я могъ понять, затрудняло то обстоятельство, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ или по монетамъ, предметы эти должны быть отнесены къ первымъ вѣкамъ христіанской эры, слѣдовательно къ тому времени, когда славяне будто бы еще не жили въ тѣхъ мѣстахъ. Подобное же затрудненіе наканунѣ было высказано другимъ чешскимъ ученымъ, г. Пичемъ, по поводу находокъ въ Австріи. Нужно замѣтить, что западнославянскіе ученые все еще держатся старыхъ положеній Шафарика въ семъ вопросѣ. Какъ ни почтенна эта дань уваженія къ великому слависту, однако и наука славянскихъ древностей тоже предъявляетъ свои права на дальнѣйшее движеніе. Однимъ словомъ, вашъ покорнѣйшій слуга пожелалъ вкратцѣ познакомить славянскихъ гостей съ сутью своихъ наблюденій по части сармато-славянъ и съ выводами о времени ихъ водворенія въ средней Европѣ—выводами, которые наглядно подтверждаются означенными археологическими находками.

Вслѣдъ за моимъ дополненіемъ къ сообщенію профессора Нидерле (а не возраженіемъ, какъ то писали нѣкоторые газетные корреспонденты, перевиначившіе весь этотъ эпизодъ), появился на каѳедрѣ г. Милюковъ и подвергъ глумленію самый вопросъ о сармато-славянахъ. По его словамъ, если на первыхъ и послѣдующихъ съѣздахъ терпѣли этотъ вопросъ, то ужъ никакъ онъ не

можетъ имѣть мѣсто на XI-мъ съѣздѣ, такъ какъ славянство сарматъ теперь уже опровергнуто и сдано въ архивъ. Тутъ все оказалось неправдой. Между прочимъ, вопросъ этотъ на предыдущихъ съѣздахъ совсѣмъ не обсуждался, а былъ только слегка затронутъ мною на VIII (второмъ Московскомъ), какъ это сказано выше. Меня, признаюсь, удивило такое диллетантское отношеніе къ научному вопросу со стороны бывшаго приватъ-доцента по Русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Но его апломбъ, въ соединеніи съ дешевымъ остроуміемъ, былъ награжденъ громкими рукоплесканіями легкомысленной публики, что и слѣдовало доказать. Я было попытался спросить, кто, гдѣ и когда доказалъ нетождество сарматъ со славянами; но г. Милюкова въ ту минуту не оказалось на лицо. Впрочемъ, послѣ засѣданія онъ удовлетворилъ моему любопытству, сославшись на вышеуказанныя сочиненія Мюлленгофа и Миллера, которыя доказывали иранство сарматъ. Такая ссылка не была ни новостью для меня, ни отвѣтомъ на заданный вопросъ. Принадлежность сарматъ къ Иранской вѣтви, какъ сказано, не исключаетъ болѣе точнаго опредѣленія той группы народовъ, которая является подъ этимъ именемъ. А доказательства этой принадлежности главнымъ образомъ относятся къ аланамъ-осетинамъ, которыхъ никто за славянъ не выдаетъ; тогда какъ славянства языговъ и роксоланъ никто пока не опровергъ научнымъ образомъ, вопреки голословному заявленію г. Милюкова. Онъ и г. Кулаковскій въ подобныхъ вопросахъ явно отрицаютъ самостоятельность русской исторической науки и, какъ будто соревнуя помянутой вѣтви склавиновъ, рабски или склавински признаютъ авторитетъ только нѣмцевъ и ихъ послѣдователей, въ чемъ желаю имъ дальнѣйшаго преуспѣянія *)

*) Сейчасъ приведенный эпизодъ невольно напоминаетъ мнѣ другой, впрочемъ гораздо болѣе крупный: именно, мое столкновеніе съ извѣстнымъ канонистомъ, покойнымъ профессоромъ А. С. Павловымъ, на VI Археологическомъ съѣздѣ (въ Одессѣ), по поводу ереси жидовствующихъ. Признаюсь, я не думалъ, что это столкновеніе будетъ его біографами поставлено ему чуть ли не въ особую и притомъ научную заслугу, и даже найдетъ себѣ видное мѣсто въ его некрологѣ. По крайней мѣрѣ съ такимъ характеромъ явился послѣдній въ Октябрской книгѣ Журнала М. Нар. Пр. за 1898 г. Некрологъ составленъ проф. Сокольскимъ; но данный эпизодъ принадлежитъ не ему, а отличному нашему византинисту, теперь тоже покойному, В. Г. Васильевскому, который

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ, для людей, интересующихся вопросомъ о происхожденіяхъ Русскаго государства и русской націи укажу на одинъ новый источникъ, имѣющій отношеніе къ сему вопросу. Говорю о VII томѣ Средневѣковой Библіотеки, издаваемой Саѳою (Парижъ, 1894. Съ этимъ томомъ я недавно ознакомился, благодаря любезности проф. А. И. Кирпичникова). Онъ заключаетъ въ себѣ византійскій хронографъ какого-то анонимнаго автора (*Συνοψις χρονικη*), повидимому, сведенный въ эпоху послѣдней династіи, т.-е. Палеологовъ. Здѣсь (стр. 108—109) находимъ извѣстный разсказъ византійскихъ хроникъ объ осадѣ Константинополя аварскимъ каганомъ при императорѣ Иракліи въ 626 году, съ нѣкоторыми варіантами. Тутъ этотъ разсказъ отчасти близокъ къ хроникѣ Манассіи; но ладьи-однодеревки тавроскиѳовъ (подручныхъ кагану), о которыхъ упоминаетъ Манассія, у даннаго анонима являются подъ именемъ „Русскихъ однодеревокъ“ (*Ρωσικὰ μονόξυλα*).

этотъ некрологъ снабдилъ своими вставками. На обращенныя тогда ко мнѣ рѣзкія и голословныя обвиненія ограничился я въ засѣданіи съѣзда нѣсколькими словами, опасаясь увлечься острымъ пререканіемъ, и предпочелъ перенести вопросъ въ печать. Тутъ, когда пришлось вести полемику не голословно, а съ документами въ рукахъ, противника моего хватило только на одну легковѣсную реплику, а второй не послѣдовало. (См. мои *Мелкія Соч.* вып. 2). Поэтому не совсѣмъ понятно, о какомъ „рядѣ тяжеловѣсныхъ доказательствъ“, будто бы представленныхъ Павловымъ на означенномъ засѣданіи, говорится въ некрологѣ: если бы они существовали, то почему же ихъ не оказалось въ печатной репликѣ? Но для меня собственно любопытно добросовѣстное признаніе автора вставки, что хотя онъ былъ предсѣдателемъ въ этомъ засѣданіи и, видя недоразумѣніе со стороны моего противника, не слыхавшаго начала моего сообщенія, сознавалъ свою „обязанность“ вмѣшаться, однако побоялся „остановить оратора“ и разъяснить ему это недоразумѣніе. Вообще же подобные эпизоды относятся не столько къ сферѣ нашихъ научныхъ интересовъ, сколько къ характеристикѣ нашихъ общественныхъ нравовъ. Нѣкоторые ученые не стѣсняются публично и рѣзко высказывать свое jalousie de mètier; а легкомысленная публика поощряетъ ихъ восторженными рукоплесканіями.

Ю. А. Кулаковскій всетаки, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, работаетъ по даннымъ вопросамъ; тогда какъ г. Милюковъ именно ничего для ихъ разъясненія не сдѣлалъ, а только голословно всегда отрицалъ славянскую народность и ссылался на нѣмцевъ. Я говорю *ничего;* ибо не считаю за какое либо научное сообщеніе его пресловутый рефератъ въ Москов. Археол. Обществѣ по поводу несовсѣмъ яснаго изображенія какого то предмета надъ правымъ плечемъ русскаго князя, на извѣстныхъ кіевскихъ монетахъ Владимира и Ярослава. По всей вѣроятности, это верхушка скипетра, вообще знака княжеской власти; а по толкованію г. Милюкова тутъ изображенъ норманскій шлемъ, опрокинутый верхомъ внизъ!

Затѣмъ, согласно съ Пасхальной хроникой, Кедриномъ и нѣкоторыми другими, данный анонимъ повѣствуетъ о томъ, какъ патріархъ Сергій и власти съ народомъ въ торжественномъ моленіи обнесли икону Богоматери вокругъ Константинопольскихъ стѣнъ и какъ внезапно поднявшаяся буря потопила непріятельскіе корабли. Онъ прибавляетъ, что въ память сего чуда сочиненъ былъ гимнъ Побѣдоносной Защитницѣ: разумѣется извѣстная церковная пѣснь „Взбранной воеводѣ побѣдительная“. То же чудо повторяется, потомъ въ повѣствованіяхъ о нѣкоторыхъ послѣдующихъ нападеніяхъ на Константинополь; между прочимъ по хроникѣ Амартола оно отнесено къ нашествію Руси при императорѣ Михаилѣ III; а изъ этой хроники разсказъ перенесенъ въ русскую начальную лѣтопись. (См. мои *Разысканія*, 183, и *Исторія Россіи*, вып. I. прим. 1). Къ тому же нашествію Руси нѣкоторые несправедливо пріурочивали вмѣстѣ съ чудесною бурею и сочиненіе названной церковной пѣсни. Изъ хронографа, изданнаго Саѳой, становится понятно, почему произошло такое смѣшеніе: если вѣрить сему хронографу, то не только въ 860 году, но уже въ 626 подъ стѣнами Византіи являются руссы на своихъ однодеревкахъ, и притомъ съ своимъ народнымъ именемъ русь или *рось*, а не съ книжнымъ названіемъ того времени, т.-е. *роксолане*.

Любопытно, что тождество этихъ двухъ народовъ (роси и роксоланъ) считалось несомнѣннымъ у польскихъ и западнорусскихъ ученыхъ до XVII вѣка включительно. *) Но въ XVIII вѣкѣ Байеро-Шлецеровская школа Петербургскихъ академиковъ-нѣмцевъ приняласъ облекать въ научную форму легенду о призваніи варяжскихъ

*) А также и у шведскихъ. Напримѣръ, шведскій переводчикъ Кошихина Барлгузенъ называетъ его „мужемъ Роксоланскимъ“. (См. предисловіе къ его русскому изданію. Стр. IX). Замѣчательно, что ученые люди трезво смотрѣли на древнѣйшую усь еще въ XVII вѣкѣ, т. е. до того времени, пока Нѣмцы не принимались за Русскую исторію. Такъ Крижаничъ не вѣритъ въ призваніе Варяговъ, называетъ его сказкой и прямо указываетъ на число трехъ братьевъ какъ на сказочное. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ предупредилъ меня; на что я въ свое время не обратилъ вниманія, и замѣтилъ только въ послѣдствіи, просматривая брошюру Арс. Маркевича о Крижаничѣ. (Варшава. 1876. Стр. 61—62). Онъ же (Крижаничъ) выводитъ всѣхъ Славянъ изъ Россіи, т. е. изъ Восточной Европы. (90). Въ текстѣ Безсонова стр. 93—97. *Позди. прим.*

князей и смѣшеніе руси съ варягами. Въ концѣ концовъ несостоятельность ея конечно обнаружилась; но ей все-таки удалось на цѣлыя полтора столѣтія задержать правильную постановку начальной русской исторіи.

Пользуюсь случаемъ вновь и вновь напомнить своимъ соотечественникамъ, что въ 1906 году истекаетъ нашему народу двѣ тысячи лѣтъ историческаго существованія, т.-е. съ перваго упоминанія исторіи о роксоланахъ или руси. Неужели настоящее поколѣніе ничѣмъ не отмѣтитъ этого двухтысячелѣтія и оставитъ свое потомство при одномъ Новогородскомъ памятникѣ недостовѣрному событію? Сей памятникъ главнымъ образомъ будетъ свидѣтельствовать о недостаткахъ русской историко-критической науки въ срединѣ истекающаго столѣтія. Если въ Новочеркасскѣ въ наши дни воздвигается монументъ Ермаку, который былъ уроженцемъ Сѣверной Россіи и принадлежалъ Волжскому, а не Донскому казачеству, то историческая критика тутъ не при чемъ, ибо своевременно указывала на этотъ фактъ. Съ своей стороны могу сослаться на 69-е примѣчаніе къ III тому *Исторіи Россіи.*

VI.

ПРОТИВУИСТОРИЧНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ СЛАВИСТИКИ *).

А. Л. Погодинъ: „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій". С.-Пб. 1901.

Подъ симъ заглавіемъ авторъ издалъ книгу, въ основаніе которой онъ положилъ лекціи, читанныя имъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ институтѣ въ 1898—1901 годахъ, при чемъ сосредоточилъ содержаніе книги на вопросѣ о разселеніи славянскаго племени и подвергъ этотъ вопросъ новой обработкѣ. Такимъ образомъ, судя по его предисловію, книга обратилась въ „самостоятельное изслѣдованіе древнѣйшаго періода славянской исторіи", оставаясь однако „въ предѣлахъ извѣстной общедоступности и популярности изложенія".

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой научную попытку начальной славянской исторіи. Можно было бы поэтому ожидать какого-либо движенія впередъ въ этомъ направленіи, какого-либо разъясненія разныхъ сторонъ сей исторіи или по крайней мѣрѣ критическаго отношенія къ толкованіямъ туранистовъ и норманистовъ, которые совершенно ее запутали и затемнили.

Увы! ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ. Она является сборникомъ все тѣхъ же старыхъ домысловъ и анти-историческихъ теорій, которыя были придуманы нѣмецкими учеными и повторялись ихъ славянскими послѣдователями, начиная Шафарикомъ и кончая современными заграничными и русскими славистами.

*) *Русскій Архивъ*. 1902. Кн. 3. За исключеніемъ Postscriptum—а, который прибавленъ въ настоящемъ изданіи.

Взявъ на себя нелегкую задачу бороться съ сими анти-историческими теоріями начальной русской и вообще славянской исторіи, я поневолѣ долженъ, хотя время отъ времени, останавливать вниманіе читающей публики на вновь появляющихся трудахъ въ этой области.

Авторъ вышеназванной книги повторяетъ все туже ошибку, на которую я уже не разъ указывалъ. Онъ смѣшиваетъ исторію Славянскихъ народовъ съ исторіей самаго имени *славяне*. Имя это является въ исторіи не ранѣе V-го вѣка, и является въ формѣ *склавины* (отъ латинскаго sclavi), при чемъ оно первоначально обозначаетъ часть сарматовъ, обитавшихъ въ Иллиріи или Паннонiи, т.-е. въ странѣ между среднимъ Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ. Только впослѣдствіи это видовое названіе распространилось на другіе соплеменные народы и пріобрѣло значеніе родового. Г. Погодинъ игнорируетъ какъ это мое положеніе, такъ и мои доказательства тождества сарматъ со славянами, не представляя противъ меня ровно никакихъ аргументовъ. Не буду вновь разбирать сей вопросъ, о которомъ довольно говорилъ въ предыдущихъ своихъ статьяхъ. Укажу только на факты, приводимые изъ источниковъ самимъ г. Погодинымъ и подтверждающіе одноплеменность сарматъ съ венедами, каковы: venadi sarmatae Певтингеровыхъ таблицъ (8 и 10) и „сарматы венеды“ Агриппы и Плинія (11—13). Но авторъ не придаетъ никакого значенія симъ фактамъ, и знаменитое мѣсто Тацита о венедахъ (которыхъ тотъ не зналъ куда отнести, къ сарматамъ или германцамъ) подвергаетъ самымъ произвольнымъ толкованіямъ, чтобы не допустить одноплеменности сарматовъ и венедовъ (14—16). Такимъ образомъ этотъ, можно сказать, главный узелъ начальной славянской исторіи онъ не только не распутываетъ, а, наоборотъ, постарался его еще болѣе запутать. Между тѣмъ далѣе, въ главѣ о Само, онъ приводитъ рядъ средневѣковыхъ поселеній во Франціи и Мекленбургѣ, въ названіи коихъ заключается указаніе на сарматовъ (sarmasia, sarmede, sarmoto, zarmoth, sarmote и пр.) и обитатели которыхъ были по всѣмъ признакамъ славяне (157). Вообще западнымъ славянамъ въ данномъ трудѣ отведено гораздо болѣе мѣста и всякихъ подробностей, чѣмъ южнымъ, которыхъ исторія будто бы начинается только съ VI вѣка. Авторъ строитъ свои выводы о разсе-

леніи славянъ преимущественно на географической номенклатурѣ; но при этомъ этимологическія объясненія, какъ его собственныя, такъ и тѣхъ, на кого онъ ссылается, часто произвольны и несостоятельны. Мы не будемъ на нихъ останавливаться; приведемъ только одинъ примѣръ тому, какъ современная филологія совершенно безсильна въ объясненіи собственныхъ именъ. Извѣстно, что Австрія у чеховъ называется *Ракусы* или *Ракушане*. Что̀ значитъ это названіе и откуда оно взялось, доселѣ никто объяснить неможетъ. Г. Погодинъ думаетъ, что чехи такъ назвали Австрію отъ пограничнаго города Raabs, въ XII вѣкѣ Ratgoz, и Гринбергеръ „со свойственною ему проницательностію увидалъ въ формѣ Ratgoz нѣмецкій мѣстный падежъ множ. числа. Поэтому *ракушане* означаютъ первоначально не что иное какъ люди изъ Раабса или же лица, принадлежащія къ Ratgoz, по-нѣмецки приблизительно Ratgozzinge“ (29). Какъ вамъ нравится такое филологическое объясненіе? По моему оно просто курьезно и нисколько не лучше ракоусовъ покойнаго вѣнскаго профессора—слависта Шемберы.

Въ 1872 году случилось мнѣ быть въ Вѣнѣ и съ нимъ познакомиться. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на лекцію. Тутъ студенты заранѣе предупредили, что профессоръ навѣрно угоститъ меня своимъ излюбленнымъ объясненіемъ ракусовъ. И дѣйствительно, Шембера послѣ цѣлаго ряда австрійскихъ географическихъ названій, неукоснительно объясняемыхъ имъ изъ славянскаго языка (въ доказательство исконнаго славянства Австріи), перешелъ и къ ракусамъ. Передавъ краткую исторію этого названія по источникамъ, онъ очень просто заключилъ, что настоящая его форма это *ракусы*, а послѣдняя означаетъ раковые усы или „усы какъ у рака“! (Я бы предложилъ догадку сблизить слово „ракусы“ съ словомъ rosas Іордана, у котораго оно является варіантомъ названія „роксолане“. А другимъ варіантомъ названія роксоланъ или россовъ вообще являются „руги“. Этотъ народъ обиталъ именно въ Австріи по сосѣдству съ чехами и вѣроятно тождественъ съ „ракатами“ Птоломея). Кстати упомяну о томъ, что въ этотъ же пріѣздъ въ Вѣну я прослушалъ лекцію извѣстнаго Миклошича. Попалъ я на его толкованіе о русскихъ письменахъ, найденныхъ Кирилломъ въ Корсуни. Съ помощью разныхъ натяжекъ и гаданій онъ приходилъ къ тому выводу, что эти русскія письмена были собственно гот-

скія. Въ противоположность Шемберѣ, Миклошичъ принадлежалъ къ тѣмъ славистамъ, которые рабски слѣдовали нѣмецкимъ теоріямъ туранистовъ и норманистовъ, т.-е. крайне умаляли объемъ и значеніе древняго славянскаго міра. Ясно было, что онъ только филологъ, очень не далекій въ критикѣ собственно-исторической, а между тѣмъ рѣшалъ историческіе вопросы. По его стопамъ доселѣ идутъ современные слависты, въ томъ числѣ и г. Погодинъ. Книга его представляетъ массу всякихъ этимологическихъ упражненій надъ географическими и вообще собственными именами; изъ нихъ онъ дѣлаетъ историческіе выводы съ помощію „кажется“ „вѣроятно“, „повидимому“, „мнѣ думается“ и т. д.

Въ данной книгѣ между прочимъ есть глава, посвященная вопросу о гуннахъ. Тутъ авторъ, поборникъ туранской теоріи, полемизуетъ со мною, и, разумѣется, очень легко опровергаетъ славянство гунновъ, относясь самымъ поверхностнымъ, ненаучнымъ образомъ къ моимъ аргументамъ и ссылаясь на то, что они якобы уже уничтожены моими оппонентами, въ особенности покойнымъ В. Г. Васильевскимъ; при чемъ главную роль играетъ совершенно произвольная и вопіющая попытка послѣдняго отнять у гунновъ слово *страва* (погребальные поминки) и приписать его готамъ (41). Глава эта представляетъ сплошной сумбуръ.

По поводу сей главы г. Погодинъ навлекъ на себя упрекъ со стороны своего рецензента-единомышленника П. А. Лаврова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901. Августъ). Рецензентъ упрекаетъ автора книги именно за его полемику со мною, которая-де совсѣмъ излишня: такъ какъ вашъ покорнѣйшій слуга есть единственный представитель ученія о славянствѣ гунновъ, то г. Погодинъ напрасно, молъ, преувеличиваетъ опасность отъ моей теоріи.

Да, правда, въ современной литературѣ я пока одинъ со своей теоріей; но, вѣдь научные вопросы не рѣшаются большинствомъ голосовъ, и я твердо увѣренъ, что историческая истина рано или поздно возьметъ верхъ, несмотря на количество моихъ настоящихъ противниковъ. Дѣло въ томъ, что въ данныхъ вопросахъ произошло столкновеніе между исторіей и филологіей. Всѣ мои противники, даже съ историками включительно, стоятъ на этимологической почвѣ; я одинъ утверждаю, что славянство сарматъ, гунновъ, болгаръ и руси есть вопросъ по преимуществу историческій, а не филологическій. Ни

какихъ моихъ историческихъ аргументовъ противники не опровергли, да и не могутъ опровергнуть. Конечно, если бы мы имѣли передъ собой достаточный матеріалъ живой народной рѣчи, то онъ бы и опредѣлилъ данную народность. А по однимъ географическимъ и личнымъ именамъ филологія пока не въ состояніи рѣшать данные вопросы. Обыкновенно мои противники требуютъ отъ меня, чтобы я всѣ такія имена объяснилъ изъ славянскаго языка,—требованіе совершенно незаконное. Объясненія тутъ могутъ быть только гадательныя, за нѣкоторыми исключеніями. Но курьезъ-то состоитъ въ томъ, что когда мои противники сами берутся объяснять тѣ же имена изъ какого-либо другого языка, то предаются подобнымъ же или еще большимъ гаданіямъ и произволу, и ничего положительнаго не даютъ. А если источники указываютъ намъ на присутствіе такихъ славянскихъ словъ у гунновъ, какъ *медъ* и *страва*, то сіи противники безъ всякаго основанія пытаются объяснять ихъ заимствованіемъ у другихъ народовъ, чѣмъ явно подтверждаютъ свое предвзятое, ненаучное отношеніе къ вопросу.

Вотъ и г. Лавровъ въ своей рецензіи, какъ только отъ общихъ мѣстъ перешелъ къ этимологическимъ толкованіямъ собственныхъ названій, такъ сейчасъ же и обнаружилъ всю ихъ произвольность и несостоятельность. Между прочимъ онъ указываетъ на то, что по Іордану гунны называли Днѣпръ словомъ *Варъ* и что еще Шафарикъ „угадалъ истинный смыслъ этого мѣста, сопоставивъ его съ uar, uor or, hor, означающія также рѣку въ нарѣчіи аваро-лезгинскомъ“. Выходитъ, будто гунны называли рѣку Днѣпръ просто „рѣка“, чего изъ словъ Іордана совсѣмъ не слѣдуетъ. Далѣе г. Лавровъ говоритъ, что В. Г. Васильевскій „сдѣлалъ чрезвычайно интересное дополненіе“ къ Шафарику, указавъ на связь этого слова съ названіемъ Днѣпра *Варухосъ* у Константина Б. Но плохо знакомому съ моими „Разысканіями“ сему рецензенту— слависту очевидно осталось неизвѣстнымъ, что то же дополненіе относительно *Варухъ* было мною сдѣлано гораздо ранѣе Васильевскаго, при чемъ я привожу это слово *Варъ* въ связь и съ названіемъ Днѣпровскаго порога *Варуфоросъ* (*Разыск.* 535 и *Дополн. пол.* 15). По сему поводу вновь предложу когда-то высказанное мною замѣчаніе: названіе рѣки *Днѣпръ* несомнѣнно славянское, т.-е. употребляемое славянами; однако еще ни одинъ филологъ не сумѣлъ объ-

ясннть его изъ славянскаго языка. Не возьметъ ли г. Лавровъ на себя эту задачу *)?

Въ своей рецензіи онъ дѣлаетъ еще справедливый упрекъ г. Погодину за то, что тотъ въ своей книгѣ не далъ мѣста болгарамъ, которыхъ оба они конечно считаютъ народомъ туранскимъ. Вновь подтверждаю, что болгаре были чистѣйшее славянское племя, и всѣ аргументы туранистовъ съ исторической точки зрѣнія представляются совершеннымъ абсурдомъ и полнымъ незнаніемъ историческихъ законовъ, по которымъ одна народность можетъ перейти въ другую. Отъ славистовъ-филологовъ конечно трудно ожидать знанія сихъ законовъ, хотя тутъ дѣло идетъ о невозможной вполнѣ утратѣ роднаго языка народомъ-завоевателемъ и добровольномъ усвоеніи чуждой ему рѣчи покореннаго племени, сравнительно съ нимъ слабаго и притомъ необладавшаго какой-либо высшей культурой. Но удивительно, что покойный историкъ Васильевскій такъ же, вмѣсто того, чтобы изучать основные историческіе законы, увлекался пустыми этимологическими аргументами туранизма и норманизма. Къ той же категоріи принадлежатъ и современные болгарскіе ученые, напримѣръ, гг. Дриновъ, Шишмановъ и Златарскій.

А Болгаре были одно изъ Гуннскихъ племенъ, и слѣдовательно яснѣе всего подтверждаютъ славянство Гунновъ, т. е. ихъ Славянскій языкъ и ихъ вполнѣ арійскую наружность. Очень малое количество деформированныхъ череповъ, находимыхъ въ средней и восточной Европѣ, подтверждаетъ мое мнѣніе, что извѣстныя риторическія фразы нѣкоторыхъ латинскихъ писателей о безобразіи Гунновъ относились къ небольшой ихъ части, и что обычай искусственно уродовать дѣтей существовалъ у нихъ сравнительно недолгое время. Для науки важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что риторическія фразы о чрезвычайномъ безобразіи говорятъ только западные или латинскіе писатели, а не византійскіе или

*) А между тѣмъ сіе названіе служитъ однимъ изъ доказательствъ тождества Сарматъ со Славянами. Въ Скіоскую эпоху рѣка была извѣстна подъ именемъ *Бористена*, а въ Сарматскую подъ именемъ *Данапра*. Славяне незнаютъ Бористена, а знаютъ только Днѣпръ. (Тоже *Тирасъ-Днѣстръ*). Тутъ имѣемъ дѣло съ яснымъ историческимъ, а не съ помянутымъ выше голословнымъ предположеніемъ о названіи *Данъ*, которое будто бы дано Гуннами Яикъ Уралу при переходѣ ихъ изъ Азіи въ Европу. *Поэд. примѣч.*

греческіе, которые ближе наблюдали Гунновъ и лучше ихъ знали.

До какой степени несостоятельна филологическая основа, на которой мои многочисленные противники хотятъ строить начальную Славянскую исторію, свидѣтельствуетъ и г. Лавровъ въ своей рецензіи. Все у нихъ смутно и шатко, все остается вопросомъ; новые ихъ труды не вносятъ никакого свѣту и ничего не могутъ рѣшить не только въ области исторіи, но даже и въ сферѣ филологіи. Напримѣръ, г. Лавровъ указываетъ на то, что славянскія названія рѣкъ Моравы и Моравицы Погодинъ объясняетъ изъ Кельтскаго языка, а Ягичъ изъ Литовскаго; Ничъ, на основаніи именъ Крконоши, Ракусы и Видень (Вѣна), доказываетъ, что славяне пришли въ Чехію и Моравію въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.; а Нидерле сомнѣвается въ славянскомъ происхожденіи приведенныхъ именъ и не рѣшается опредѣлять время прихода Славянъ; Мюлленгофъ же относитъ этотъ приходъ къ V или VI вѣку, и т. д. и т. д. Въ высокой степени наивны ихъ разсужденія о родинѣ Славянства, которую они ищутъ все около Карпатъ; какъ будто Славяне гдѣ-то родились сами собою, а не выдѣлились въ доисторическія времена изъ Арійской семьи народовъ, именно изъ Иранской ея вѣтви Точно также они никакъ не могутъ объяснить: съ одной стороны, куда безслѣдно исчезли изъ Европейской исторіи многочисленныя племена Сарматовъ и Гунновъ; а съ другой, откуда взялся этотъ огромный и сплошной Славянскій міръ, своимъ числомъ и обширностію своей территоріи превосходящій въ Европѣ всѣ другіе народы, если Сарматы, Гунны, Болгаре и Русь были не Славяне? Одними прикарпатскими Венедами Тацита объяснять происхожденіе сего міра въ высшей степени ненаучно. Равнымъ образомъ совершенно праздными и ни къ чему неведущими являются предположенія о Славянствѣ полумиѳическихъ Будиновъ Геродота. Въ концѣ концовъ курьезными представляются эти безплодные поиски за какими-то таинственными и темными путями возникновенія и мирнаго распространенія Славянъ въ Европѣ; тогда какъ они давно въ ней жили и занимали новыя мѣста открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, при достаточномъ историческомъ освѣщеніи. Только жили они и распространялись подъ разными именами, такъ какъ ихъ общее родовое названіе (т. е. *Славяне*) выработалось гораздо позднѣе. Но всѣ эти положенія не со вче-

рашняго дня были мною высказаны и обоснованы. Въ настоящее время большею частію приходится ихъ только повторять и отсылать любопытствующихъ къ моимъ „Разысканіямъ“ съ дополнительными къ нимъ статьями. Разумѣется, въ нѣкоторыхъ деталяхъ, особенно въ самыхъ первыхъ статьяхъ, можетъ оказаться у меня кое-что спорнымъ или неудачнымъ; но разработка деталей въ столь обширномъ и сложномъ предметѣ—дѣло будущихъ и многихъ дѣятелей; а общая схема начальной славянской исторіи, надѣюсь, установлена мною согласно съ современными требованіями и успѣхами исторической науки, и, только, ставъ на ея точку зрѣнія, будущія изслѣдованія помогутъ разобраться въ существующей теперь путаницѣ всякаго рода извѣстій и свидѣтельствъ, нерѣдко темныхъ и противорѣчивыхъ. Возвращаясь къ вопросу о славянствѣ Гунновъ, беру на себя смѣлость утверждать, что только правильная постановка сего вопроса дастъ возможность разъяснить многое, надъ чѣмъ доселѣ тщетно останавливались русскіе и заграничные слависты; для примѣра въ особенности укажу на загадочное происхожденіе Малорусской народности и отношеніе ея къ Великорусской, а также на спорное начало церковнославянской письменности, т.-е. переводовъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ

POSTCRIPTUM.

Когда эта критическая замѣтка была уже окончена печатаніемъ, я получилъ рецензію Ю. А. Кулаковскаго на г. Погодина, появившуюся въ Извѣстіяхъ Отдѣленія Рус. яз. и Словес. Ак. Н. т. VI. кн. 4. Подобно своему единомышленнику, г. Лаврову, достоуважаемый филологъ также дѣлаетъ нѣкоторыя справедливыя замѣчанія по отношенію къ частностямъ и также еще болѣе запутываетъ и затемняетъ общую постановку начальной Славянской исторіи. Подобно г. Лаврову, г. Кулаковскій также считаетъ вопросъ о Гуннахъ навсегда покончennымъ въ пользу туранизма и полемику со мной какъ бы излишнею. Но все это только предвзятыя идеи, которыя должны исчезнуть, какъ скоро ихъ носители перейдутъ къ изученію непреложныхъ историческихъ законовъ и къ тщательной безпристрастной критикѣ источниковъ. Тутъ не

только десятки моихъ противниковъ туранистовъ и норманистовъ, но и сорокъ тысячъ братьевъ имъ не помогутъ.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Мин. Нар Просв. Ю А Кулаковскій помѣстилъ критическую статью на нѣмецкую брошюру Вебстера о двухъ отрывкахъ такъ наз. Готскаго топарха По мнѣнію критика изслѣдованіе Вебстера не разъяснило вопроса, и «анонимъ, извѣстный подъ именемъ „Записки готскаго топарха“ остался такимъ же загадочнымъ и темнымъ». Самъ критикъ тоже не пришелъ ни къ какому положительному выводу Да и не могъ придти. Онъ также какъ Вебстеръ и его предшественники (въ томъ числѣ покойные академики Куникъ и Васильевскій) упустили изъ виду главное: прежде чѣмъ дѣлать какія либо заключенія, надо было доказать, что оба отрывка дѣйствительно принадлежатъ одному и тому же автору и связаны съ однимъ и тѣмъ же событіемъ, чего никто доселѣ не доказалъ. Вотъ это то упущеніе изъ виду главнаго и самаго существеннаго составляетъ обычный недостатокъ въ работахъ норманистовъ и туранистовъ, въ томъ числѣ и Ю. А Кулаковскаго. На отсутствіе помянутаго доказательства было мною указано (*Разысканія* 331 и 404); но, какъ водится, это указаніе осталось ему неизвѣстнымъ.

Моимъ достоуважаемымъ антагонистамъ, т.-е гг. Погодину, Лаврову и Кулаковскому, рекомендую обратить вниманіе на слѣдующее сообщеніе Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1902 г. № 96 есть фельетонъ Я—ца (проф. Н. Ю. Зографа) „Нѣсколько словъ о нашихъ исчезнувшихъ родственникахъ“ Гутъ изъ нѣмецкаго журнала Globus онъ передаетъ статью Теннера, которая представляетъ краткій очеркъ Полабовъ Ганновера, въ сосѣдствѣ съ Люнебургомъ Эти онѣмеченные Венды сохранили древнія черты въ языкѣ, постройкахъ и расположеніи деревень Сіи послѣднія имѣютъ посреди большую круглую площадь, вокругъ которой идутъ дома; среди площади насажены деревья, у которыхъ лежатъ камни; тутъ жители сидятъ, когда отдыхаютъ или совѣщаются. Тутъ же находится и прудъ; а если онъ засыпанъ, то это мѣсто всетаки зовется „прудомъ“. Между общественными постройками здѣсь и „домикъ пастуха“. Очевидно тутъ же было мѣсто жертвоприношеній и общественнаго мольбища. Дома своей постройкой напоминаютъ Подолію и Волынь: длинныя двускатныя крыши съ конь-

ками по концамъ. Эти села, расположенныя кольцомъ, въ старину были обнесены тыномъ (и валомъ), защищены болотами и лѣсами. Почти тоже замѣчаетъ итальянскій археологъ Серджи о южныхъ Славянахъ: они въ сѣверовосточной Италіи „оставили послѣ себя круглыя городища (Ringwalle) на вершинахъ горъ, подобныя городищамъ Чехіи, Истріи, Далмаціи, Босніи и Герцеговины". (См. ссылку на него у проф. Смирнова. *Очеркъ Культур.-ист. южныхъ Славянъ*. Учен. Зап Казан. Унив. Январь). Напомню извѣстія средневѣковыхъ латино-нѣмецкихъ хронистовъ объ аваро-гуннскихъ *рингахъ* или кольцеобразныхъ укрѣпленіяхъ, о которыхъ они говорятъ по поводу разгрома Аварскаго царства войсками Карла Великаго. Если сблизимъ всѣ эти данныя, то получимъ еще одно наглядное доказательство въ пользу славянства Гунновъ. Аварское же царство состояло, какъ уже выше замѣчено, главнымъ образомъ изъ Гунновъ, которыхъ объединило господство небольшаго лезгинскаго племени Аваръ. Впрочемъ есть извѣстіе, что это были Псевдоавары, т. е можетъ быть одно изъ гуннскихъ же племенъ, напримѣръ, Савиры или Авиры (*Разысканія 243—247 280* и *556*).

Къ такимъ же жалкимъ результатамъ какъ у г. Погодина, приходитъ и попытка достоуважаемаго пражскаго слависта-профессора Индерле, недавно издавшаго первый томъ своихъ „Славянскихъ древностей" (Slovanské starožitnosti. Díl I. Původa počátky národa slovanského). У меня пока нѣтъ подъ рукой сего сочиненія. Сужу о немъ по рецензіи А. И. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1902. Іюнь). По замѣчанію рецензента, сей первый томъ не отличается самостоятельностью. Авторъ его идетъ отъ положеній Шафарика съ присоединеніемъ домысла г. Погодина о прародинѣ Славянъ, обрѣтавшейся гдѣ то въ области между Днѣпромъ и Карпатами. За Славянъ онъ признаетъ, повидимому, только тацитовскихъ Венедовъ; а по отношеніи къ Сарматамъ, Руси, Болгарамъ и Гуннамъ не отдѣляется отъ школы норманистовъ и туранистовъ и и ставитъ вездѣ этимологическія гаданія на мѣсто историческихъ данныхъ. А потому и его попытка не только не разъясняетъ намъ начальной Славянской исторіи, но еще болѣе ее затемняетъ и запутываетъ. Впрочемъ, если русскіе слависты не сумѣли до сихъ поръ поставить эту исторію на ея настоящую, твердую почву, тѣмъ болѣе трудно сего ожидать отъ западныхъ и южнославянскихъ.

Южные еще не созрѣли для самостоятельности, а западные слависты все еще подавлены непосредственнымъ авторитетомъ Нѣмцевъ. Что же касается нѣмецкихъ ученыхъ, то, за весьма малыми исключеніями, извѣстна ихъ тенденція не только умалять славянство въ исторіи, но даже нерѣдко его игнорировать. Нѣмцы (внутренніе и внѣшніе) до послѣдней возможности будутъ отстаивать норманство Руси и туранство Гунно-Болгаръ. Русь основала слишкомъ могущественное и грозное для нихъ государство, для того что бы Нѣмцы признали ея чисто славянское происхожденіе. Что касается Гунновъ, ихъ пресловутое безобразіе, казалось бы, облегчало признаніе за ними славянства со стороны Нѣмцевъ. Однако на дѣлѣ этого нѣтъ. Гунны когда то изгнали знаменитыхъ Готовъ изъ южной Россіи, были грозою почти для всей континентальной Европы, а при Аттилѣ включали въ свою державу значительную часть Германцевъ; вообще проявили страшную стихійную силу. Помилуйте, какъ же Нѣмцамъ согласиться, что Славяне были сильнѣе ихъ самихъ и играли такую огромную роль во Всемірной исторіи! Ихъ ученые и тутъ пользуются ученическимъ къ себѣ отношеніемъ, т. е. недостаткомъ самостоятельности и почина, русскихъ и славянскихъ ученыхъ, что бы елико возможно задерживать научно-историческое развитіе славянскаго самосознанія, столь для Нѣмцевъ непріятное: вѣдь, это самосознаніе можетъ явиться крупнымъ факторомъ и въ послѣдующей Всемірной исторіи Конечно, научная истина рано или поздно должна взять верхъ; но они предпочитаютъ, что бы это случилось поздно.

Относительно французскихъ ученыхъ, къ сожалѣнію, мы должны признать, что они слишкомъ мало доселѣ посвящали серьезнаго вниманія даннымъ вопросамъ и ограничивались индиферентнымъ, пассивнымъ слѣдованіемъ за Нѣмцами. Особенно наглядно сказалось эта пассивность въ указанной выше многотомной и большею частью талантливо составленной Histoire Générale гг. Рамбо и Лависа. Я уже замѣтилъ, что начальная исторія Славянъ, Болгаръ и Руси и сужденія о Гуннахъ тамъ крайне поверхностны и рутинны.

VII.

ОМОРТАГЪ БОЛГАРСКИХЪ НАДПИСЕЙ ХАНЪ ИЛИ КНЯЗЬ?

Извѣстія Русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ №№ VI и VII. Софія 1900—1901 *).

Эти Извѣстія не такъ давно основаннаго института уже являются значительнымъ вкладомъ въ науку древностей славянскихъ и византійскихъ. Тутъ мы встрѣчаемъ труды нѣсколькихъ извѣстныхъ византологовъ и славистовъ. Во главѣ ихъ стоитъ самъ директоръ института Ѳ. И. Успенскій, бывшій профессоръ всеобщей исторіи въ Новороссійскомъ университетѣ и отличный византинистъ. Въ означенныхъ выше выпускахъ Извѣстій ему принадлежатъ три изслѣдованія: во-первыхъ, „Военное устройство Византійской имперіи“ (собственно о тагмахъ и θемахъ), во-вторыхъ, „Старо-болгарская надпись Омортага“ (оба въ № VI) и, въ третьихъ, „О древностяхъ города Тырнова“ (въ № VII). Въ послѣднемъ изслѣдованіи между прочимъ встрѣчается также разборъ надписи Омортага, но не той же, а другой. На этихъ двухъ надписяхъ мы и остановимся.

Омортагъ (у византійцевъ Мортагонъ) былъ одинъ изъ болгарскихъ князей IX вѣка. Еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія интеллигентный болгаринъ Даскаловъ обнародовалъ сия-

*) Критико-библіографическая замѣтка въ газетѣ *Кремль*, №№ 13—14. Въ настоящемъ изданіи эта замѣтка значительно дополнена.

тую имъ въ одной тырновской мечети высѣченную на колоннѣ греческую надпись, въ которой темно говорилось о какой-то старой авлѣ, о построеніи новаго дома и насыпкѣ холма Омортагомъ; имя его при семъ сопровождалось какимъ-то неразборчивымъ словомъ въ родѣ кани. И вотъ ученые люди немедля окрестили Омортага ханомъ, да и всѣхъ болгарскихъ государей временъ дохристіанскихъ стали называть ханами (Гильфердингъ, Иречекъ, Куникъ, Васильевскій и т. д.); старую же авлу переименовали въ аулъ. Такимъ образомъ получилось блистательное подтвержденіе якобы тюркской народности древнихъ болгаръ. Въ своихъ Разысканіяхъ я не мало спорилъ съ туранистами, доказывая историческую невозможность тюркизма и чистое славянство Болгарскаго племени Теперь, когда Болгарія освобождена, получилась возможность безпрепятственно изучать ея древности. Помянутая тырновская надпись вновь снята и разобрана съ бо́льшимъ тщаніемъ Оказывается, что двукратно повторенное имя Омортага оба раза сопровождается словомъ канасъ (*κανάσ*). Но кромѣ того открыты и въ другихъ мѣстахъ надписи Омортага; одной изъ нихъ, найденной при раскопкахъ института близъ селенія Абобы, Ѳ И Успенскій и посвятилъ помянутую статью въ № VI Извѣстій. Тамъ Омортагъ также названъ канасъ; а кромѣ того упоминается нѣкій жупанъ тарканъ, по имени Охсунъ (имя это какъ будто не совсѣмъ ясно сохранилось).

Достоуважаемый директоръ Института, какъ убѣжденный сторонникъ туранизма болгаръ, продолжаетъ называть Омортага ханомъ, а его авлу ауломъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? И откуда взялось столь исключительное приложеніе ханскаго титула, который, сколько извѣстно, нигдѣ въ ту эпоху даже и не встрѣчается въ источникахъ. По моему крайнему разумѣнію, греческая передача канасъ въ данныхъ случаяхъ означаетъ не ханъ, а просто князь. (О примѣрахъ подобнаго полногласія съ пристрастіемъ къ звуку *а* въ югославянскихъ надписяхъ см, мои „Историч. Соч.“ II. 376). Греческую авлу (*τὴν αὐλήν*) странно и толковать татарскимъ ауломъ; она просто означаетъ тутъ княжій дворъ или дворецъ. А что касается таркана, то это званіе очевидно заимствовано у сосѣднихъ тюркскихъ народовъ. Тарханы

встрѣчаются именно у русскихъ и болгаръ, какъ самыхъ восточныхъ вѣтвей славянской семьи. Наконецъ достоинство жупана уже прямо указываетъ на славянскую народность. Надписи только подтверждаютъ славянство болгаръ. Любопытно, что Θ. И. Успенскій, по поводу надписи, приведенной имъ въ № VI. Извѣстій, много занимается объясненіемъ греческаго термина *θρεπτος ανθρωπος* въ приложеніи къ помянутому Охсуну. Буквально оно значитъ „мой вскормленникъ“ (т.-е. Омортаговъ); но тутъ очевидно употреблено въ смыслѣ вельможи, боярина, высшаго дружинника. Авторъ статьи, принимая болгаръ за татарскую орду, пытается толковать военное или дружинное ихъ устройство ни болѣе ни менѣе какъ „позаимствованіемъ“ у готовъ! Причемъ совершенно забываетъ, что не только учрежденіе это у болгаръ сходно съ русскимъ, но и самое его названіе у нихъ было общее; ибо болгарскій *другъ* есть тоже, что русская *дружина* Но разъ историкъ уклонится отъ естественнаго, прямого пути, онъ неизбѣжно придетъ къ самымъ произвольнымъ, самымъ неисторичнымъ выводамъ.

Въ обѣихъ помянутыхъ надписяхъ слова *Омортагъ канасъ* сопровождаются еще словомъ, которое Θ. И. Успенскій читаетъ *ивиги*. Что означаетъ сіе послѣднее, никто доселѣ удовлетворительно объяснить не могъ. Θ. И. какъ будто полагаетъ (судя по его тону), что „Канасъ Ивиги“ это ханъ какой-то области, такъ называемой. Однако никакой такой области и вообще никакого подобнаго географическаго названія не существуетъ. Я дѣлаю вопросъ: вѣрно ли данное чтеніе? Въ надписи оно обозначено слѣдующими греческими буквами: *УВІГИ*. Попробуемъ читать здѣсь ипсилонъ, какъ русское *у*, на которое оно и похоже; а греческую букву *вита* произнести какъ *бета*. Тогда вмѣсто *ивиги* получимъ *убиги*. А это послѣднее слово не есть ли древнеболгарскій варіантъ или просто неточная греческая транскрипція слова *убогій*? Повторяющееся постоянно при „канасъ“ оно очевидно скорѣе представляетъ эпитетъ, а не собственное названіе. Слово „убогій“ тутъ могло быть употреблено не въ настоящемъ его у насъ значеніи, а въ смыслѣ „смиренный“, „благочестивый“ и т. п. Само собой разумѣется, что я нисколько не стою за такое чтеніе и толкованіе, а предлагаю его какъ свою догадку, и оставляю вопросъ

открытымъ. Пусть кто-либо попытается дать болѣе удачное объясненіе; но прибавлю, что всѣ данныя надписи отзываются именно благочестіемъ и смиреніемъ.

Что касается чтенія греческаго ипсилонъ какъ нашего *у*, примѣры тому въ византійскихъ источникахъ встрѣчались и прежде. Возьмемъ имя извѣстнаго вождя болгаръ VII вѣка *Ασπαρυχ*, которое въ нашей исторіографіи читали какъ *Аспарухъ*. Хотя въ славянской росписи болгарскихъ князей оно появляется въ формѣ *Ѣсперихъ*; но и прежнее чтеніе имѣетъ за себя данныя, а именно въ армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, оно читается *Аспаръ-Хрукъ*. (См. мои *Разысканія*. 210 и 220. Первая *Дополнит. Полемика*. 69—70).Въ помянутой надписи *Ομορταγ*'а объ умершемъ жупанѣ Охсунѣ сказано, что послѣдній былъ изъ рода *Κυριγηρ*. Ѳ. И. Успенскій читаетъ эти имена: *Омуртагъ* и *Куригиръ*. Но, какъ выше мы указали, на произвольное его толкованіе болгарскаго друнга заимствованіемъ у готовъ, такъ произвольно и его объясненіе, что болгаре въ качествѣ Тюркской орды, распадались на отдѣльные роды; какъ будто знатные роды и вообще родовой бытъ суть признаки туранства! Изъ греко-болгарскихъ надписей на колоннахъ онъ приводитъ еще родовыя названія: *Ерміарисъ*, *Кувіарисъ*, *Чакарисъ* и пр. Но что же тюркскаго въ этихъ названіяхъ? Вторая половина сихъ именъ, т.-е. *арисъ*, скорѣе напоминаетъ греческое божество *Ἄρης*, т.-е. Арея, и нѣмецко-славянское, вообще арійское, *Аръ* или *Яръ*. Оно встрѣчается въ собственныхъ именахъ: у древнихъ германцевъ, напримѣръ Аріовистъ, Ареовиндъ и т. п.; у славянъ Ярославъ, Яромиръ и т. д.

Гг. туранисты, именующіе Омортага ханомъ, не объяснили его собственнаго имени изъ татарскихъ языковъ, хотя попытка къ тому имѣется, и довольно курьезная (что-то вродѣ овала отъ *юмурта*—яйцо, судя по ссылкѣ цитуемаго ниже г. Шишманова на Томашека). Я, конечно, не возьмусь объяснить его изъ славянскихъ языковъ; укажу только на славянскія имена его преемниковъ и членовъ его семьи; каковы: *Маломиръ*, *Нравота* и *Звиница*. А относительно самого *Омортага* или *Омуртага* могу привести фактъ изъ болѣе древнихъ надписей припонтійскихъ. Въ изданныхъ академикомъ Латышевымъ Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. (Petropoli-MDCCCLXXXV) встрѣчается имя *Мурда-*

госъ (118), очень близкое къ Омуртагу. Тамъ же имѣются *Асфоругъ* (149. Напоминаетъ Аспаруха). *Аттасъ* (68 и 97) и *Атта* (114. Напоминаютъ Аттилу), *Эди* (конъ? 189), *Хунаръ* (54 Напоминаетъ Гунаря и Гунастра Игорева договора), *Кури-датъ*. (Первая половина напоминаетъ вышеназванный болгарскій родъ *Кури-гиръ*). Извѣстно, что съ Ольвіей, Херсонесомъ Таврическимъ и Боспоромъ Киммерійскимъ сосѣдили арійскія племена варваровъ, а не туранскія. Въ тѣхъ же надписяхъ встрѣчается народъ *ревкаланы*, т.-е. роксоланы или будущая русь *).

Означенная тырновская надпись, относящаяся къ первой половинѣ IX вѣка, къ эпохѣ Предъ-Кирилловской, представляетъ почти полное тождество своихъ греческихъ буквъ съ древнѣйшими церковнославянскими. Она наглядно подтверждаетъ мнѣніе, что для славянской Кириллицы былъ просто взятъ греческій алфавитъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ то время, и вопросъ объ изобрѣтеніи или о заимствованіи изъ другого источника относится только къ добавочнымъ буквамъ, передающимъ полугласные, шипящіе, свистящіе и носовые звуки.

Прежде нежели появилось помянутое изслѣдованіе Ѳ. И. Успенскаго, означенная тырновская надпись подверглась еще толкованію гг. Лопарева (Зап. Руск Археол. Об. 111, 341—362) и Златарскаго („Сборникъ народни умотворенія“ и пр. Кн. XV. Софія. 1898). Но ихъ чтеніе и толкованія почти ничѣмъ не разнятся отъ Ѳ. И., изслѣдованіе котораго особенно цѣнно тѣмъ, что къ нему приложенъ эстампажъ самой надписи. Гг. Лопаревъ и Златарскій также *канасъ* считаютъ за хана. А относительно слова *ивиги* послѣдній сообщаетъ догадку Томашека, который толкуетъ его кумано-турецкимъ öweghü, öwghü; что значитъ „высшій“, „великій“, „славный“. Такимъ образомъ у него получается „великій ханъ“. А между тѣмъ г. Златарскій приводитъ изъ другихъ подобныхъ

---

*) По поводу припонтійскихъ надписей см. любопытное изслѣдованіе В. Ѳ. Миллера „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи“. (Журн. Мин. Н. Пр 1886. Октябрь). Тамъ между прочимъ имя *Асфоругосъ* онъ считаетъ вариантомъ имени *Аспургосъ* (253). Сарматское племя Аспурговъ владѣло Боспорскимъ царствомъ въ первые вѣка по Р. Х О родствѣ его съ Русью и Болгарами см. въ моихъ *Разысканіяхъ* стр. 393 и слѣд.

надписей варіантъ: *канесъ ивиги* (или убиги). Здѣсь „канесъ“ очень близокъ къ слову „князъ“. Тотъ же самый титулъ съ тѣмъ же эпитетомъ находимъ въ надписи Омортагова сына Маломіра, княжившаго въ 30-хъ годахъ IX вѣка. Она начинается словами *Καναν υβηγη Μαλαμηρ*, которыя будто бы также означаютъ: „великій ханъ Маломіръ“. Далѣе говорится въ ней о водопроводѣ, который построилъ „его старый боляринъ Исвулъ кавханъ“ (*βοιλας ὁ Ησβουλος ὁ καυχανος*). Болгарскій титулъ „кавханъ“ или „кавканъ“ встрѣчается также у византійскихъ писателей, и, конечно на ряду съ „тарханомъ“ представляетъ заимствованіе у сосѣднихъ народовъ. Извѣстно, что обозначенія титуловъ, должностей и званій нерѣдко бываютъ заимствованныя. А въ данныхъ случаяхъ это тѣмъ естественнѣе, что болгаре не только сосѣдили, но и значительное время находились въ зависимости отъ тюркскихъ хазаръ. (Кромѣ „тархана“ у насъ послѣ татаръ явились: „асаулъ“, „казакъ“ „сеунчъ“ „ясакъ“, „ярлыкъ“ и т д.). Между прочимъ названные гг. туранисты, трактующіе о данныхъ надписяхъ, не обратили вниманія на то, что въ нихъ постоянно встрѣчается начертаніе *кавханосъ* и *тарканосъ*. Если бы *канасъ* означалъ хана, то онъ писался бы *каносъ*; чего однако нигдѣ не видимъ; что касается до слова *βοιλας*, то оно вполнѣ соотвѣтствуетъ упоминанію византійцевъ о болгарскихъ „болядахъ“, или „былядахъ“, которые являются варіантомъ нашихъ бояръ или бояръ. Тѣмъ не менѣе ученые поборники туранизма болгаръ толкуютъ его не славянскимъ *боліи* или большой, а тюркскимъ *бойлу*—высокій. Къ нимъ примыкаетъ и болгаринъ Златарскій. И вотъ подобными этимологическими натяжками и лжетолкованіями только и держится туранская теорія происхожденія болгаръ. Но можно надѣяться, что новые источники, въ родѣ указанныхъ надписей (какъ бы ихъ ни искажали предвзятыми толкованіями) помогутъ устранить наконецъ изъ науки эту антиисторическую теорію.

VIII.

УЧЕНЫЙ БОЛГАРИНЪ ТУРАНИСТЪ И ЕГО РУССКІЙ ЕДИНОМЫШЛЕННИКЪ.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Книга XVI и XVII. Научепъ отдѣлъ. Софія. 1900.

Названный „Сборникъ“ составляетъ пріятное явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что, освобожденное русскою кровью отъ варварскаго ига, молодое Болгарское княжество уже владѣетъ достаточными научными силами для разъясненія какъ прошлой, такъ и настоящей жизни болгарскаго народа. Книга этого сборника наполнена изслѣдованіями и статьями по исторіи, археологіи, этнографіи, языку, фолклору и соціальному положенію болгаръ. Разумѣется, тутъ не всѣ работы одинаковаго достоинства; есть очень хорошія, къ сожалѣнію только не изъ области коренного и спорнаго вопроса, т. е. вопроса о происхожденіи Болгарскаго племени. Любопытно, что въ этомъ отношеніи нѣкоторые выдающіеся изслѣдователи-болгаре даже не впали въ раздумье, а прямо пошли по ложному пути отрицанія и непризнанія славянской народности за своими предками. По крайней мѣрѣ это относится къ книгамъ XV, XVI и XVII „сборника“, имѣющимся у меня подъ рукою и любезно сообщеннымъ мнѣ изъ Софіи. Такой ложный путь можетъ быть легко объясняемъ тѣмъ, что для юной болгарской научной критики еще не наступило время самостоятельности, и дѣятели ея отличаются рабскимъ подчиненіемъ въ данномъ вопросѣ авторитету ученыхъ туранистовъ, россійскихъ и австро-нѣмецкихъ, старыхъ

и новыхъ, по преимуществу Шлецера, Цейса, Шафарика, Куника, Макушева, Васильевскаго, Успенскаго, Будиловича, Голубинскаго, Иречка, Ягича и т. д. Такъ мы имѣемъ право заключить по ссылкамъ особенно двухъ изслѣдователей, гг. Златарскаго и Шишманова, труды которыхъ встрѣчаемъ въ данныхъ томахъ сборника. О первомъ мы упоминали выше.

Теперь остановимся на второмъ.

Въ XVI—XVII томѣ помѣщено довольно обширное изслѣдованіе И. Д. Шишманова, озаглавленное „Критиченъ прѣгледъ на въпроса за произхода на прабългаритѣ отъ езиково гледище и етимологитѣ на името *българинъ*“

Надобно отдать справедливость автору: исторія вопроса о происхожденіи болгаръ разсмотрѣна у него довольно обстоятельно Непропущенъ, повидимому, ни одинъ важный источникъ, ни одинъ сколько нибудь видный писатель, касавшійся сего вопроса; приведены даже и такіе, которые незаслуживаютъ серьезнаго вниманія. Многочисленныя ссылки его обнаруживаютъ порядочную эрудицію. Видно стараніе относиться съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ къ различнымъ мнѣніямъ, не проявлять полемическаго задора. И тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе сіе нисколько не подвигаетъ впередъ уясненіе вопроса. Въ концѣ концовъ это добросовѣстный сводъ или обзоръ литературы предмета, очень полезный для справокъ, но не болѣе; а по отношенію къ вопросу онъ скорѣе его запутываетъ чѣмъ разъясняетъ. Въ чемъ же заключается причина такого результата? Да въ томъ, что недостаетъ главнаго, т.-е. здравой критики, хотя авторъ и взялъ на себя задачу именно критическую. Очевидно ему трудно было разобраться въ массѣ своего матеріала, между которымъ встрѣчается и много ученолитературнаго хламу; ему далеко не вездѣ удалось строго логичнымъ критическимъ анализомъ существенное, первостепенноважное отдѣлить отъ случайнаго и маловажнаго и проникнуть въ самый корень вопроса Онъ, можно сказать, подавленъ, какъ своимъ матеріаломъ, такъ и своими излюбленными авторитетами.

Рабски слѣдуя имъ, г. Шишмановъ вопросъ о происхожденіи Болгаръ ставитъ прямо на филологическую почву. При семъ онъ по обыкновенію турапистовъ и не пытается научно объяснить физически невозможное заимствованіе языка, якобы покоренныхъ сла-

вянъ, сильнымъ народомъ завоевателей и добровольную полную утрату имъ своего собственнаго якобы тюркскаго нарѣчія.

Онъ вращается преимущественно въ сферѣ собственныхъ именъ и названій нѣкоторыхъ титуловъ или предметовъ, и болѣе или мѣнѣе довѣрчиво повторяетъ всѣ этимологическія гаданія и натяжки, которыми наполнены труды его авторитетовъ. При чемъ, подобно имъ, и въ самомъ языкѣ тщательно устраняетъ всѣ признаки славянства, толкуя ихъ опять таки простымъ заимствованіемъ или разыскивая какое либо другое чтеніе слова, чуждое славянскому языку. Напримѣръ, такъ онъ относится къ приведенному арабами титулу Камско-Болгарскаго царя *владаваць*, противопоставляя ему Френово чтеніе *блтваръ* (664). Для него названіе какого либо болгарскаго вельможи *жупаномъ* ничего не значитъ, а названіе того же лица *тарханомъ* или *кавкановъ* есть несомнѣнный признакъ тюркской народности. На мое указаніе, что титулы часто заимствуются и что у русскихъ также какъ и у болгаръ государь назывался *каганомъ*, г Шишмановъ замѣчаетъ, что въ Кіевѣ этотъ титулъ является „изолированнымъ“, а въ Болгаріи имѣетъ общее значеніе (Ibid). Возраженіе невѣрное. Во первыхъ, о русскихъ каганахъ или хаканахъ имѣемъ разныя извѣстія отъ IX вѣка до XII, слѣдовательно на пространствѣ свыше трехъ столѣтій; во вторыхъ, и въ Болгаріи этотъ титулъ относится только къ извѣстной эпохѣ, именно къ той эпохѣ, которая послѣдовала за освобожденіемъ болгаръ отъ подчиненія хазарамъ и аварамъ, у которыхъ именно и существовали подобные титулы и званія, какъ хаганъ, тарханъ, кавханъ. Авторъ между прочимъ много и не разъ останавливается надъ извѣстнымъ именникомъ болгарскихъ государей; но онъ не замѣчаетъ того, что всѣ они названы тамъ *князьями*, а не ханами. За то, повидимому, вѣритъ, что находящіяся въ той же записи неразгаданныя досель рѣченія въ родѣ *диломъ твиремъ*, *шегоръ вечемъ*, *вериніалемъ* и пр.—суть остатки того именно языка, которымъ говорили древніе болгары. На чемъ туранисты основали эту наивную вѣру и какой это языкъ, одному Богу извѣстно. Они увѣряютъ, будто бы рѣченія сіи объясняются изъ турецко-татарскихъ нарѣчій. Если бы даже имъ удались такія объясненія, то опять длинный и нерѣшенный вопросъ: какими путями сіи рѣченія попали въ означенный именникъ? А взять, и ничтоже су-

мняся, объявить ихъ остатками древнеболгарскаго языка это не только не научно, но и просто ни съ чѣмъ не сообразно. Если бы дѣйствительно было такъ, то возможно ли, чтобы нигдѣ никакихъ подобныхъ слѣдовъ не осталось ни въ живомъ болгарскомъ говорѣ, ни въ многочисленныхъ письменныхъ памятникахъ ихъ древняго языка. Да простятъ мнѣ гг. туранисты, но такіе ихъ примитивные пріемы я нахожу не только не научными, а въ высшей степени наивными. Я увѣренъ, что въ послѣдствіи загадочныя рѣченія, благодаря будущимъ открытіямъ, разъяснятся самымъ естественнымъ образомъ; но никогда не будетъ фактически доказано, что это именно остатки того языка, на которомъ говорили древніе болгары.

Послѣдняя часть изслѣдованія посвящена объясненію самого имени *болгаре*. Эта часть представляетъ трактатъ замѣчательный по обилію матерьяла, нелишенному нѣкоторой запутанности. Волга (т. е. влага) конечно оказывается словомъ не славянскимъ, а *болгаринъ* объясняется при помощи тюркаго *ăр* мужъ, „буквально значитъ человѣкъ, мужъ съ Волги, волжанинъ“. Да болгаре и прежде объяснялись какъ волгаре или волжане; при чемъ однако тутъ турецкіе и другіе языки? А если и теперь киргизы и татары Волгу называютъ *Бо́лга* или *Бу́лга*, то почему же это имя заимствовали у нихъ славяне, а не на оборотъ? Послѣднее гораздо естественнѣе. У тѣхъ филологовъ, на которыхъ ссылается г. Шишмановъ, чуть ли не всѣ географическія и личныя имена славяне заимствовали у другихъ. Странно однако, что при такомъ ихъ свойствѣ, они съумѣли навязать свой языкъ цѣлому сильному, многочисленному народу (якобы татарскихъ) болгаръ, которые до того имъ увлеклись, что совершенно забыли свой родной, и только какая то запись объ ихъ князьяхъ будто бы сохранила намъ нѣсколько фразъ изъ сего забытаго языка. Вотъ къ чему приводитъ неосмысленная филологія и невѣдѣніе основныхъ историческихъ и лингвистическихъ законовъ!

При всемъ обиліи собраннаго г. Шишмановымъ матеріала, однако имъ недостаточно оцѣнены или обойдены нѣкоторыя данныя, заслуживающія вниманія. Напримѣръ, вотъ рядъ свидѣтельствъ о тождествѣ болгаръ со славянами. Во первыхъ, въ греческомъ житіи Климента Болгарскаго сказано: „народъ славянскій или болгарскій“ (*τὸ τῶν Σθλοβενῶν γενὸς εἴτ οὖν Βουλγάρων*). Во вторыхъ,

въ хрисовулѣ Василія и Константина 960 г. упоминается о поселеніи Склавовъ—Булгаръ (Срезнев. Древн. пис. славян. 35). Въ третьихъ, въ рукописномъ словарѣ Кирилла Александрійскаго: „Славенія то есть Булгарія“ (Кирилло Меѳод. сборн. 138. *Σκλαβινία ἡ Βουλγαρία* у Дюканжа Glos. med. graec. II. 1392). Нѣкоторыя свидѣтельства, указывающія на тождество болгаръ съ вендами и приведенныя мною въ *Дополн. полемикѣ* (66—69), также или игнорируются г. Шишмановымъ, или получаютъ у него другое толкованіе.

Однако, повторяю, можемъ ли строго относиться къ молодой болгарской историко-филологической наукѣ, когда свои пріемы и выводы она черпаетъ у нашихъ же выдающихся историковъ и филологовъ?

По поводу только что приведеннаго болгарскаго изслѣдованія, укажу еще на одного русскаго профессора всеобщей исторіи, единомышленнаго съ авторомъ сего изслѣдованія. Я говорю о многоуважаемомъ казанскомъ профессорѣ И. Н. Смирновѣ. Въ *Ученыхъ Запискахъ* университета, за декабрь 1900 г., онъ даетъ отзывъ о помянутомъ трудѣ И. Д. Шишманова, отзывъ вполнѣ благопріятный и сочувственный.

Дѣло въ томъ, что И. Н. Смирновъ въ своихъ сочиненіяхъ, касающихся того-же предмета, явился послѣдователемъ туранской теоріи, и встрѣчается въ числѣ авторитетовъ, на которыхъ ссылается г. Шишмановъ. Въ тѣхъ же *Учен. Зап.* Казан. Университета онъ помѣстилъ свой „Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ“—работа очень любопытная и широко задуманная. Но именно его туранизмъ и отрицательное отношеніе къ древности славянъ на Дунаѣ мѣшаетъ подвести прочную основу для этой культурной исторіи. (*Учен. Зап.* 1900, январь). Такъ онъ говоритъ, что „славяне до V вѣка не появлялись на берегахъ Дуная“ (14) и что Сарматы, въ томъ числѣ Языги, „по мнѣнію нѣмецкихъ изслѣдователей“, были иранскаго происхожденія (16). Во-первыхъ, славяне тоже иранскаго происхожденія; а во-вторыхъ, очевидно, русскіе профессора исторіи все еще сохраняютъ старыя ученическія отношенія, не дерзаютъ на самостоятельныя критическія работы по славянской исторіи, и считаютъ для себя обязательными

всякіе домыслы нѣмцевъ, которые именно въ этомъ случаѣ не безпристрастны, и, слѣдовательно, подлежатъ строгой провѣркѣ со стороны славянскихъ ученыхъ.

Любопытна слѣдующая черта, которую я постоянно наблюдаю. Лучшіе наши профессора исторіи, подчиняясь нѣмецкимъ авторитетамъ, начинаютъ немилосердно путать и предаваться всякому произволу, какъ скоро коснутся они вопросовъ изъ начальной славянской исторіи. Тутъ обычная логика, точность въ ссылкахъ и здравая критика источниковъ ихъ совсѣмъ покидаютъ. На эту черту не разъ уже приходилось мнѣ указывать по поводу работъ покойнаго Васильевскаго и Ѳ. И. Успенскаго. Тотъ же упрекъ до нѣкоторой степени я долженъ повторить и по отношенію къ И. Н. Смирнову. Изъ его вышеназванной работы возьмемъ то, что онъ говоритъ о гуннахъ (20—41). Во-первыхъ, онъ предпочитаетъ ссылаться большею частію не на источники, а главнымъ образомъ на нѣмецкія сочиненія Крека, Мюлленгофа, Виттерсгейма, Рослера, отчасти на славянскихъ туранистовъ Шафарика, Дринова, Васильевскаго. Напримѣръ, знаменитое Приско описаніе византійскаго посольства въ столицу Аттилы ровно ничего не даетъ для туранской теоріи и не только ни въ чемъ не противорѣчитъ славянству гунновъ, но иногда прямо говоритъ въ его пользу (медъ, постройки, черты нравовъ и пр.). Между прочимъ ни о какой безобразной наружности гунновъ онъ не упоминаетъ. Но такой фактъ ничего не значитъ въ глазахъ туранистовъ, такъ какъ „Васильевскій вслѣдъ за Моммзеномъ далъ ему (якобы) правдоподобное объясненіе. отрывки Приска, посвященные характеристикѣ Аттилы, утрачены въ подлинникѣ, но уцѣлѣли въ компиляціи Іорнанда“. При всей ученой репутаціи Моммзена, тутъ мы видимъ явные произволъ и пристрастіе, вполнѣ соотвѣтствующіе его извѣстной славянофобіи; а г.г. русскіе профессора повторяютъ его домыселъ, безъ всякой критической провѣрки. Хотя Прискъ и не говоритъ о безобразіи гунновъ, но онъ, видите ли, непремѣнно говорилъ, только слова его до насъ не дошли! Да съ такими пріемами можно доказывать все что угодно. Какъ будто Іорнандъ въ своемъ разсказѣ о гуннахъ пользовался только сочиненіемъ Приска! И затѣмъ изслѣдователи-туранисты до того ослѣпились своей предвзятой точкой зрѣнія, что уже не видятъ, до какой степени Прискъ и Іорнандъ

принципіально расходятся въ своихъ отношеніяхъ къ гуннамъ. Гдѣ же тутъ научная критика? Далѣе, проф. Смирновъ вслѣдъ за нѣмцемъ Беромъ повторяетъ, что нѣкоторыя извѣстія, „хотя бы риторическія и преувеличенныя, придали гуннамъ всѣ черты монгольской расы: скудную растительность на лицѣ, сухопарость, низкій ростъ, темный цвѣтъ кожи, маленькіе глаза, приплюснутый носъ". Да гдѣ же всѣ черты монгольской расы, когда сухопарость монголы-кумысники не отличаются и когда нѣтъ главныхъ: выдающихся скулъ, остраго подбородка и желтаго цвѣта кожи? О преувеличенныхъ или искаженныхъ чертахъ было мною довольно говорено; кое-что изъ сказаннаго можетъ, конечно, оказаться спорнымъ; но главныхъ моихъ основаній, надѣюсь, пока никто не уничтожилъ. Вольно же проф. Смирнову, напримѣръ, называть „наивными и несообразными" извѣстія о деформаціи новорожденныхъ у гунновъ, когда эти извѣстія встрѣчаются у разныхъ писателей, имѣютъ положительный характеръ и ничего невѣроятнаго не представляютъ. А, главное, повторяю, что никакой расы не существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ изображается безобразіе Гунновъ. Пусть мнѣ ее укажутъ. Болгаре несомнѣнно гуннское племя. Скажите, гдѣ же ихъ безобразіе? Вѣдь, не могутъ же потомки утратить наружность предковъ до такой степени, чтобы не осталось ни одной черты. И вообще развѣ огромная семья гуннскихъ народовъ могла исчезнуть безслѣдно Ясно, что если и было какое безобразіе, то искусственное и при томъ не распространявшееся на все племя, а только на какую-либо небольшую его часть. Что же касается гуннскихъ женщинъ, то объ ихъ безобразіи нѣтъ даже никакихъ намековъ. Напротивъ, встрѣчается извѣстіе объ ихъ красотѣ (Нибелунги). Не могли же онѣ по своей наружности изображать совсѣмъ другую расу. Все это было уже мною указано прежде (*Разысканія* 525 и слѣд.), но осталось неизвѣстнымъ проф. Смирнову. Точно также напрасно онъ обычай убивать престарѣлыхъ родителей считаетъ признакомъ туранства, когда подобный обычай несомнѣнно существовалъ у различныхъ народовъ, въ томъ числѣ арійскихъ, и не имѣлъ исключительно расоваго характера*). Это все равно,

*) Авторъ „Культурной исторіи" славянъ при семъ игнорируетъ и мои указанія на аналогичные факты по поводу сего обычая (*Дополн. Полем.* 121). А вотъ и новое подтвержденіе моихъ словъ: „Еще и теперь пока-

что обычай дѣлать застольныя чаши изъ череповъ убитыхъ враговъ—приписывать исключительно тюркамъ, на основаніи извѣстія о Святославѣ, когда такой же фактъ встрѣчаемъ и у германцевъ. Хорошо, что авторъ по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ за Васильевскимъ въ вопросѣ о гуннской *стравѣ* и признаетъ за ней славянское происхожденіе. Но въ такомъ случаѣ онъ становится въ явное противорѣчіе съ своей туранской теоріей гуннской народности. Всѣ подобные факты и аргументы уже достаточно были разсмотрѣны въ моихъ прошлыхъ статьяхъ. Никакого новаго аргумента въ пользу туранизма мы здѣсь не находимъ; а потому и ограничиваемся сказаннымъ, отдавая вообще полную справедливость высокополезному и широконаучному труду И. Н. Смирнова по югославянской культурной исторіи, за изъятіемъ только ея начальной части, въ которой онъ также платитъ дань привычнымъ теоріямъ и авторитетамъ.

Если уже историки грѣшатъ невѣдѣніемъ историческихъ законовъ (точнѣе, аналогій) и свои теоріи о неславянствѣ руси, гунновъ и болгаръ пытаются строить почти на одной филологической основѣ, но не на языкѣ собственно, а на личныхъ именахъ, титулахъ и т п., то понятно, что филологи въ этихъ вопросахъ совсѣмъ игнорируютъ исторію, предаются самымъ отчаяннымъ этимологическимъ упражненіямъ и аргументамъ, и на нихъ исключительно строятъ свои выводы о народностяхъ. Какъ образецъ подобныхъ упражненій и аргументовъ, можно указать обширную работу г. Брауна, озаглавленную „Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній“ (Сборн. Отд. Рус. яз. и словес. Академіи Наукъ. Т. LXIV, № 12. Спб. 1899). Онъ начинаетъ болѣе чѣмъ страннымъ заявленіемъ, что „основной тезисъ (о норманнскомъ происхожденіи Руси) никто еще не поколебалъ“ и „всякая попытка объяснить иначе начало Руси будетъ напраснымъ трудомъ“ (3). И это наивное заявленіе дѣлается тогда, когда о норманнскомъ происхожденіи въ строго научномъ смыслѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи!

зываютъ мѣсто, съ котораго одна дикая славянская раса принуждала своихъ стариковъ бросаться въ море“. Генри Сомнеръ Мэнъ „Древній законъ и обычай“. (Стр. 17 русскаго перевода, изданнаго подъ редакціей проф. Ковалевскаго. М. 1884).

А если нѣмцы, въ родѣ Крека (на котораго ссылается г. Браунъ) не хотятъ признать сей истины, то и русской наукѣ нѣтъ дѣла до ихъ славянофобскихъ тенденцій. Затѣмъ авторъ изслѣдованія вооружается противъ мнѣнія Будиловича (и Васильевскаго) о готской народности Руси. Въ этомъ онъ конечно правъ; но сіе мнѣніе до того слабо обосновано, что не заслуживаетъ большого разсужденія. Тѣмъ не менѣе тутъ же дѣлается попытка объяснить слово *русь* изъ готскаго языка, но съ помощью такихъ элукубрацій, которыя передать невозможно При чемъ разные эпохи и вѣка сваливаются въ одну кучу. Между прочимъ оказывается, что скандинавы въ X вѣкѣ „успѣли познакомиться съ Дономъ Ивановичемъ и Нѣпрой Королевной“ русскихъ былинъ! (9). И далѣе все въ томъ же родѣ. Такъ вмѣсто указанія на общіе корни, авторъ приводитъ массу словъ, якобы заимствованныхъ славянами у готовъ (15—16). Въ своей книгѣ г. Браунъ касается всевозможныхъ народовъ юговосточной Европы, какіе только упоминаются у греко-римскихъ и отчасти средневѣковыхъ писателей. Но все это, трактуемое имъ также съ этимологической точки зрѣнія, до такой степени безсвязно, нелогично и прямо сумбурно, что положительно становится жаль автора, потратившаго массу труда, обнаружившаго нѣкоторую эрудицію и все-таки не пришедшаго ровно ни къ какимъ научнымъ выводамъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю указать на слѣдующее обстоятельство, которое мои антагонисты проходятъ молчаніемъ. Давно уже начата мною борьба съ норманизмомъ и туранизмомъ по даннымъ вопросамъ, и въ теченіе этого времени немало появилось новаго матеріала и новыхъ пересмотровъ стараго. Но все это новое доселѣ только подтверждало мои аргументы и выводы. Надѣюсь, въ этихъ моихъ словахъ нѣтъ хвастовства, потому что всякій можетъ ихъ провѣрить. Такъ голландскій оріенталистъ Дегуйе доказалъ, что извѣстія Ибнъ Хордадбега о Руси, торговавшей въ Багдадѣ, принадлежатъ первой, а не второй половинѣ IX вѣка. Покойный В. Г. Васильевскій указалъ документъ, свидѣтельствующій о торговыхъ сношеніяхъ Кіевской Руси съ подунайскими баварскими городами уже въ IX вѣкѣ. Онъ же своими изслѣдованіями о житіяхъ Георгія Амастрійскаго и Стефана Сурож-

ского доказалъ присутствіе сильнаго Русскаго племени на берегахъ азовско-черноморскихъ также въ первой половинѣ IX вѣка. Его указаніе на обычай ксеноктоніи также говоритъ въ пользу моихъ выводовъ о южномъ происхожденіи Руси. Ѳ. И. Успенскій привелъ новыя византійскія свидѣтельства въ пользу исконнаго туземства Руси въ юговосточной Европѣ. То же подтверждаетъ новонзданный Византійскій хронографъ. Новооткрытый архим. Леонидомъ лѣтописный отрывокъ подкрѣпляетъ первоначальный текстъ о призваніи Варяговъ Русью. (См выше) Новый списокъ географіи Моисея Хоренскаго (статья Патканова) въ связи съ комментаріями Ланглуа указываетъ на закавказскую колонію Болгаръ и тождество ихъ съ Вендами. (*Дополн. Полем* 66—69). Сообщенія гг. Пича и Индерле о находкахъ въ Австріи и Венгріи предметовъ, относящихся къ первымъ вѣкамъ нашей эры, со слѣдами славянскаго происхожденія, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о тождествѣ Сарматъ со Славянами О томъ же свидѣтельствуютъ приведенные г. Погодинымъ слѣды Сарматъ въ названіяхъ славянскихъ поселеній. Вышеприведенныя указанія итальянскаго ученаго Серджи и нѣмецкаго Теннера на славянскія круглыя городища, напоминающія аваро-гуннскіе гринги, и на такой же характеръ деревень у онѣмеченныхъ вендовъ подтверждаютъ тождество Славянъ и Гунновъ То же подтверждаетъ и поправка Моммзена относительно слова *Варъ*, т. е. гуннскаго названія Днѣпра. И т. д. Наконецъ, новооткрытыя въ послѣднюю эпоху болгарскія надписи, какъ мы сейчасъ видѣли, нетолько ничего не даютъ въ пользу туранской теоріи, а наоборотъ немало говорятъ въ пользу славянской.

Далѣе, съ особою настойчивостію повторяю, что теоріи норманизма и туранизма, несмотря на долгое свое существованіе, доселѣ не только не разъяснили первоначальной исторіи Русской и Славянской вообще, но окончательно ее запутали, затемнили и наполнили вопіющими противорѣчіями какъ съ несомнѣнными фактическими данными, такъ и съ общими историческими и лингвистическими законами. Только признаніе славянства за большей частью сарматъ, за гуннами, болгарами и русью можетъ распутать всѣ эти Гордіевы узлы и подвести прочный фундаментъ подъ Русско-Славянскую исторію и археологію. А что касается фило-

логіи туранистовъ и норманистовъ, то она имѣетъ дѣло только съ личными и географическими названіями, для точнаго научнаго объясненія которыхъ пока никакого критерія не найдено Она не въ силахъ объяснить, напримѣръ, даже такое славянское названіе какъ *Днѣпръ* и въ то же время такому явно славянскому слову, какъ *Волга*, т е влага, даетъ не то финское, не то татарское происхожденіе. Кажется, научная несостоятельность сей филологіи уже настолько обнаружилась, что было бы въ высшей степени несерьезно и далѣе основывать предпочтительно на ней рѣшеніе данныхъ историческихъ и археологическихъ вопросовъ, и тѣмъ не менѣе подобные попытки и пріемы, очевидно, будутъ продолжаться.

Итакъ мои историко-археологическія изысканія о Руси, Болгарахъ и Гуннахъ заставили меня въ теченіе тридцати лѣтъ вести упорную борьбу съ противниками ихъ славянства — борьбу, по временамъ затихавшую и потомъ возникавшую съ новымъ оживленіемъ и съ новыми антагонистами. Относительно ихъ количества приведу слѣдующія цифры: въ *Разысканіяхъ* и первой *Дополнительной полемикѣ* число ученыхъ и писателей, которымъ я давалъ свои отвѣты, простиралось свыше двадцати пяти. Въ настоящемъ сборникѣ, т. е. во второй Дополнительной полемикѣ, количество ученыхъ, съ которыми мнѣ пришлось полемизовать, увеличилось по крайней мѣрѣ полутора десятками. Итого болѣе сорока непосредственныхъ противниковъ; причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ я давалъ реплики по нѣсколько разъ.

Преклонный возрастъ автора едва ли позволитъ ему разсчитывать на собственные будущіе труды въ данной области и на дальнѣйшую борьбу съ противниками Но онъ смѣло уповаетъ на то, что рано или поздно должны явиться на Руси энергичные, талантливые научные дѣятели, которые доведутъ до конца предпринятую имъ борьбу съ отжившими, антиисторическими теоріями.

Закончу настоящій свой сборникъ тѣмъ, что еще разъ напомню русскимъ людямъ объ истекающемъ въ 1906 году *двухтысячелѣтіи историческаго существованія Руси* и необходимости отмѣтить его достойнымъ образомъ.

Опечатка нелишенная смысла.

Изъ нѣсколькихъ замѣченныхъ опечатокъ, болѣе или менѣе очевидныхъ, укажемъ только слѣдующую. На стр. 4 напечатано: нашей печальной исторіи. Читай: нашей начальной исторіи.

Эту опечатку можно назвать довольно удачной. Норманисты и туранисты, свои и чужіе, до такой степени исказили и затемнили начальную Славяно-Русскую исторію и такъ задержали научно-историческое развитіе національнаго самосознанія, что исторія получилась дѣйствительно печальная.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

I Историко-критическія замѣтки.

Архимандрита Леонида „Откуда была родомъ св. княгиня Ольга". *Ѳ. И. Успенскаго* „Русь и Византія въ X вѣкѣ". *В. Г. Васильевскаго* „Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ". *И. И. Малышевскаго* „Кирилль и Меѳодій, первоучители славянскіе". *М. Н. Петрова* „Исторія среднихъ вѣковъ", въ обработкѣ *В. К. Надлера*. *Н. А. Осокина* „Исторія среднихъ вѣковъ". 1

II. Историческія отмѣтки.

И. И. Малышевскаго Происхожденіе великой княгини Ольги.— *В. Г. Васильевскаго* о положеніи Саркела и житіи св. Стефана Сурожскаго. — Готаланская теорія. — По поводу искаженнаго лѣтописнаго текста и тенденціознаго родословія. 18

III. Историко-критическія замѣтки.

В. Г. Васильевскаго „Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго".—Замѣчанія о двухъ Славянскихъ языкахъ.— Отсутствіе аналогій. — Ксеноктонія. — Историко-юристы. — *М. Ф. Владимірскій-Буданов*.—*В. И. Сергѣевича* „Русскія юридическія древности".—Недостатокъ исторической точности. Pium desiderium 35

IV. Новый поборникъ отжившихъ теорій.

Историко-критическая замѣтка о разныхъ мелкихъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ *Ю. А. Кулаковскаго*. — Ихъ мало обоснованный туранизмъ и норманизмъ.—Историко археологическая поправка по поводу голландскаго оріенталиста Дегуйе 58

V Историко-критическія замѣтки.

Еще о поборникахъ отжившихъ теорій.—Голословіе Ю. А. Кулаковскаго о Сарматахъ и Гуннахъ.—Суть моего взгляда.—Юморъ *П Н. Милюкова* на счетъ Сарматъ.—Новый византійскій источникъ о Руссахъ.—Истекающее двухтысячелѣтіе 66

VI Противуисторичное направленіе славистики.

А. Л. Погодина „Изъ исторіи славянскихъ передвиженій". Игнорированіе тождества Сарматъ со Склавинами.—Ракусы. — Разладъ филологіи съ исторіей.—Рецензія *П. А. Лаврова* —Postcriptum. Рецензія проф. *Кулаковскаго*. Гунно-славянскіе ринги.—Трудъ проф. *Нидерле*. Тенденція Нѣмцевъ, индиферентизмъ Французовъ 76

VII. Омортагъ болгарскихъ надписей ханъ или князь?

Извѣстія Русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ. №№ VI и VII. Изслѣдованія *Ѳ. И. Успенскаго* о двухъ надписяхъ. Темное слово *Ивиги*. Толкованіе гг. *Тонарева и Златарскаго* . 87

VIII. Ученый болгаринъ туранистъ и его русскій единомышленникъ.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Кн. XVI и XVII.—Критичный взглядъ *И. Д. Шишманова* на происхожденіе Болгаръ.— Недостатокъ самостоятельной критики.—„Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ" *П. И Смирнова*.—Мнимое безобразіе Гунновъ.—Готскіе этюды г. *Брауна*.—Перечень свыше пятнадцати новыхъ фактовъ, подкрѣпляющихъ выводы автора настоящаго сборника.—Заключительное слово. 93

